
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 26 ИЮНЬ 1983

**Генеральный секретарь ЦК КПСС,
Председатель Президиума Верховного Совета СССР
товарищ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРОПОВ.**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об избрании товарища Андропова Ю. В. Председателем Президиума Верховного Совета СССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

Избрать товарища **Андропова** Юрия Владимировича Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

**Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР
В. КУЗНЕЦОВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.**

Москва, Кремль. 16 июня 1983 г.

Москва, Кремль. 17 июня 1983 года. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

ДОРОГОЙ МИРА И ПРОГРЕССА

ВОСЬМАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ДЕСЯТОГО СОЗЫВА

В зале заседания.

Фото ТАСС

ДОРОГОЙ МИРА И ПРОГРЕССА

ВОСЬМАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ДЕСЯТОГО СОЗЫВА

В обстановке высокого политического подъема и деловитости 16 июня в Москве начала работу восьмая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва.

В 10 часов утра открылись раздельные заседания Совета Союза и Совета Национальностей.

Собравшиеся почтили память депутатов А. Я. Пельше, Т. Я. Киселева, Э. К. Илтнера, В. Ф. Мицкевича, В. В. Прищепчика, скончавшихся в период между сессиями.

На заседаниях палат единогласно утверждена повестка дня сессии и порядок ее работы.

На обсуждение вынесены вопросы:

1. Об избрании Председателя Президиума Верховного Совета СССР.
2. О некоторых изменениях в составе Президиума Верховного Совета СССР.
3. О международном положении и внешней политике Советского Союза.
4. О проекте Закона СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями.
5. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

◆

Первое совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей началось в 11 часов в Большом Кремлевском дворце.

Бурными, продолжительными аплодисментами депутаты и гости встретили товарищей Ю. В. Андропова, Г. А. Алиева, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, Г. В. Романова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, В. И. Воротникова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

Совместное заседание палат открыл Председатель Совета Союза А. П. Шитиков.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС депутату К. У. Черненко.

Выступление товарища К. У. ЧЕРНЕНКО

Товарищи депутаты! Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Советы Старейшин Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета вносят на ваше рассмотрение предложение об избрании Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Юрия Владимировича Андропова Председателем Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. **(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Все встают.)**

Этот вопрос рассматривался на Пленуме ЦК. В обстановке полного единодушия Пленум признал целесообразным, чтобы Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Юрий Владимирович Андропов одновременно занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. **(Продолжительные аплодисменты).**

Политбюро ЦК КПСС и Пленум ЦК исходили из того, что возрастание руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в жизни советского общества, в нашей внутренней и внешней политике с полным основанием воспринимается советскими людьми и за рубежом как свидетельство нераздельности авторитета партии и государства, как выражение единства разума и воли партии и народа.

Целеустремленная, энергичная и инициативная деятельность Ю. В. Андропова на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, его деловые и человеческие качества, опыт и политическая мудрость снискали ему всеобщее уважение, доверие и симпатии партии и народа. В его лице советские коммунисты, все трудящиеся, наши зарубежные друзья видят выдающегося руководителя ленинского типа.

С деятельностью Ю. В. Андропова неразрывно связаны дальнейшее упрочение единства партии и народа, преемственность курса нашей внутренней и внешней политики, получившие всенародное одобрение меры, направленные на дальнейшее совершенствование общества развитого социализма, на укрепление экономического и оборонного могущества нашей Родины.

С деятельностью Ю. В. Андропова неразрывно связана твердая и последовательная линия Коммунистической партии и Советского государства, нацеленная на оздоровление международной обстановки, на поворот развития событий вновь в сторону разрядки, на предотвращение термоядерной катастрофы. Ю. В. Андропов авторитетно представляет эту линию на мировой арене.

Избрание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Юрия Владимировича Андропова на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР будет служить высшим интересам нашего общества и государства, успешному выполнению исторических предначертаний XXVI съезда КПСС, делу коммунистического строительства.

Позвольте, товарищи депутаты, внести на ваше рассмотрение следующий проект постановления Верховного Совета СССР:

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

Избрать товарища **Андропова** Юрия Владимировича Председателем Президиума Верховного Совета СССР». **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Депутаты единогласно принимают постановление об избрании товарища Ю. В. Андропова Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Это решение депутаты и гости, присутствующие на сессии, встречают бурными, продолжительными аплодисментами.

Слово предоставляется Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Юрию Владимировичу Андропову. Присутствующие приветствуют его аплодисментами, стоя.

Выступление товарища Ю. В. АНДРОПОВА

Уважаемые товарищи депутаты!

Позвольте мне от всего сердца выразить вам горячую благодарность и признательность за то высокое доверие, которое вы оказали мне, избрав Председателем Президиума Верховного Совета Союза ССР. **(Продолжительные аплодисменты).**

Ваше доверие я воспринимаю как доверие к нашей ленинской Коммунистической партии, членом которой состою более 40 лет и к идеалам которой считаю себя приверженным.

Позвольте заверить вас, что, находясь на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР, я приложу все свои силы, все знания и весь свой опыт для того, чтобы ваше высокое доверие оправдать с честью. **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Под продолжительные аплодисменты участников сессии председательствующий от имени всех депутатов сердечно поздравил товарища Ю. В. Андропова с избранием его Председателем Президиума Верховного Совета СССР и пожелал ему новых больших успехов в многогранной партийной и государственной деятельности.

Затем депутаты приступили к рассмотрению второго вопроса повестки дня. Членами Президиума Верховного Совета СССР избраны депутаты Н. Н. Слюньков, В. М. Мишин.

Сессия освободила депутата И. Г. Кэбина от обязанностей заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР и депутата Б. Н. Пастухова от обязанностей члена Президиума Верховного Совета СССР.

Верховный Совет приступил к следующему вопросу повестки дня.

С докладом «О международном положении и внешней политике Советского Союза» выступил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР депутат А. А. Громыко.

Затем начались прения.

Выступавшие горячо одобрили избрание Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Они подчеркивали, что деятельность товарища Ю. В. Андропова направлена на последовательное проведение Коммунистической партией и Советским государством политики мира и социального прогресса в интересах советского народа и всего человечества.

Сессия единогласно приняла постановление Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике Советского Союза».

Затем с докладом «О проекте Закона СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» выступил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР депутат Г. А. Алиев.

17 июня сессия Верховного Совета СССР продолжила работу.

В 10 часов утра в Большом Кремлевском дворце началось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Бурными, продолжительными аплодисментами депутаты и гости встретили товарищей Ю. В. Андропова, Г. А. Алиева, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, Г. В. Романова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, В. И. Воротникова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, К. В. Русакова, Н. И. Рыжкова.

Депутаты раздельным голосованием по палатам единогласно приняли Закон СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. Было принято постановление Верховного Совета СССР о введении в действие этого закона.

С докладом «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР» выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили. Депутаты приняли по докладу соответствующие законы и постановления.

На этом восьмая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва закончила работу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2919)

25 июня 1983

В НОМЕРЕ:

ОДОБРЯЕМ!

Нас, целинников, глубоко взволновали решения июньского Пленума ЦК КПСС, документы сессии Верховного Совета СССР, программная речь Генерального секретаря ЦК нашей партии товарища Ю. В. Андропова. В ней четко сформулированы задачи не только на ближайшее время, но и на годы вперед. Можно сказать, что эта речь отвечает на самые важные вопросы, о которых думают и беспокоятся советские люди. Это прежде всего вопросы укрепления и сохранения мира на земле. Они близки и понятны каждому человеку. О них мы говорим и у себя в бригаде механизаторов и на полевом стане.

Было у нас и общее совхозное собрание. Все присутствующие единодушно одобрили избрание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Мы, труженики сельского хозяйства, от всего сердца желаем ему успехов на высоком государственном посту.

Все земледельцы одобряют решения партии по развитию сельскохозяйственного производства. Но справедливо говорится, что поддержать словом — это хорошо, а еще лучше — делами. Тем более сейчас, когда весь народ выполняет Продовольственную программу.

«Ближайшая цель ясна,— сказал товарищ Ю. В. Андропов,— прежде всего надо навести порядок в том, что у нас имеется,.. в том числе преодолеть отставание таких отраслей, как сельское хозяйство...» Эти слова прямо к нам, земледельцам и механизаторам целины, относятся: большая на нас лежит ответственность.

Материалы Пленума ЦК КПСС вдохновляют нас. Хочется поработать на совесть. Бригада за бригадой, совхоз за совхозом берут повышенные обязательства.

Что же касается нашего звена, то мы даем слово вырастить в этом году по 35 центнеров «белого золота» с каждого гектара, сдать государству 250 тонн целинного тонковолокнистого хлопка-сырца. Это будет нашим вкладом в дело укрепления мира, в подъем сельского хозяйства, ответом на решения июньского Пленума ЦК КПСС.

А. БЕХБИДОВ,
механизатор совхоза имени XVII съезда ВЛКСМ
Бахоританский район, Кашкадарьинская область, Узбекская ССР.

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНИНА

Июньский Пленум ЦК КПСС и выступление на нем Ю. В. Андропова, к большой радости всех, я уверена в этом, работников народного образования, дают повод для серьезного разговора о делах советской школы. Разговора и, конечно, конкретных дел, чтобы решить задачи, которые в речи Генерального секретаря ЦК нашей партии сформулированы так: человек должен воспитываться «не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма...».

Проблем много, но в конечном счете, по-моему, они сводятся к одной: учить так, чтобы школа была теснейшим образом связана с жизнью; во всех своих делах шла от жизни и для жизни готовила самое нужное и самое дорогое — воспитывала Человека, Гражданина.

Что меня тревожит больше всего? Оторванность школьной практики от практики других звеньев нашего огромного хозяйства. От нас требуют привить так называемые трудовые навыки. С 4-го класса по 8-й — уроки труда, с 9-го — учебно-производственный комбинат, попытка дать какую-то профессию. Но ведь этот процесс почти, точнее, совсем не связан с производственным процессом, идущим за стенами школы. Пятиклассники и шестиклассники учатся действовать зубилом, напильником, молотком. У кого-то получается лучше, у кого-то — хуже. В любом случае этого мало. Вместе с навыками слесаря или столяра нужно прививать сознание того, что ребята делают государственное дело. Для завода, для стройки... Пусть маленькие детальки, пусть нетрудоемкие заготовки, но для государства, для страны, а не для отметки в дневнике. Тут огромнейшая принципиальная разница. В нынешних программах она, по сути, не обозначена.

Другой пример. Учебно-производственные комбинаты по программе должны давать специальность. Но, во-первых, те, кто идет после школы в рабочие, все равно поступают в профучилища либо учениками на предприятия. Выходит, что специальность, полученная в учебно-производственном комбинате, неполноценна. Зачем же тогда тратить на содержание комбинатов государственные деньги? Тем более что и планирование специальностей там осуществляется, как говорят, с потолка. Наготовят, например, парикмахеров или швей, а потом выясняется, что их стольно и не нужно... Так возникает одна из щелей, через которые в школу, где формируется гражданин, вторгается формализм. И тогда наши воспитательные усилия идут насмарку.

И еще одно. Об учителе. От него зависит очень многое. От того, о чем он говорит с ребятами, как он одет, какие любит песни и книги... У нас немало изъянов в подготовке учителей. Давайте задумаемся хотя бы вот над чем: как мы набираем студентов в пединституты? Почему тут чуть ли не все решает та самая система баллов, за которыми часто мы совсем не видим или, что еще страшнее, не хотим видеть живого человека? Почему никак не приобретут весомость школьные рекомендации? Ведь я-то о каждом знаю, кто и кем хочет стать, из кого может выйти настоящий педагог. А кто интересуется моим мнением?

О перегруженности учителей. Я не очень решительно критикую учителей за то, что они иной раз не успевают прочитать новую повесть, сходить на выставку или на концерт в филармонию. Некогда! А ведь они воспитатели.

Хочу, чтобы в государственном масштабе мы подумали о большей ответственности родителей за воспитание детей. В трудовых коллективах, на собраниях иногда говорят об успеваемости детей, иногда даже вывешивают листы с оценкой их успеваемости в школе. Однако чаще всего это делается для проформы. Мы, во всяком случае, результаты ощущаем редко.

Решения июньского Пленума ЦК КПСС, документы сессии Верховного Совета СССР, избрание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова Председателем Президиума Верховного Совета СССР единодушно одобрены советскими людьми. В эти дни в трудовых, учебных, научных коллективах царят приподнятое настроение, деловитость, чувство ответственности за дела государственные. Испытываем такое чувство и мы, педагоги. Уверена, что советская школа справится с большими задачами, поставленными перед нею партией.

И. САКОВИЧ,
директор 122-й средней школы
Минск.

Юрий КОРНИЛОВ

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ

«Наша цель — не просто предотвращение войн. Мы стремимся к коренному оздоровлению международных отношений, упрочению и развитию всех добрых начал в этих отношениях». Так заявил, выступая с трибуны июньского Пленума ЦК КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Ю. В. Андропов. В этих словах с исчерпывающей полнотой и точностью выражена суть, основная направленность подлинно миролюбивой и принципиальной внешней политики СССР.

Высший смысл деятельности партии — благо народа, и не может быть сомнений в том, что реализация решений Пленума ЦК КПСС, претворение в жизнь линии партии на совершенствование развитого социализма позволит сделать новый крупный шаг вперед в коммунистическом созидании, еще убедительнее продемонстрирует миру великие преимущества социализма. Вместе с тем емкая формула «Все во имя человека, все для блага человека», положенная в основу деятельности КПСС, ярко проявляет себя в тех целях, на достижение которых направлена политика партии, Советского государства на международной арене.

Если окинуть мысленным взором нашу прекрасную и такую беспокойную планету, проанализировать события и процессы, которые выражают сущность происходящего, нетрудно убедиться, что ход международных дел определяется сегодня резким, небывалым за весь послевоенный период обострением борьбы двух общественных систем, двух полярно противоположных мировоззрений, двух линий в мировой политике. С одной стороны, линия Советского Союза, других социалистических государств, нацеленная на обуздание гонки вооружений, укрепление мира, защиту суверенных прав и свободы народов. С другой — курс империалистических кругов США и НАТО — курс воинствующего авантюризма, диктата и ядерного шантажа. Результат сопоставления этих двух курсов для реалистически мыслящих политических деятелей, для всех честных людей планеты несомненен: симпатии и решительная поддержка всех, кому дорог мир, на стороне Советской страны! Это со всей убедительностью подтверждают и многочисленные зарубежные отклики на итоги Пленума ЦК КПСС, на работу восьмой сессии Верховного Совета СССР, в которых вновь и вновь подчеркивается миролюбие СССР, его твердая решимость отстоять и упрочить дело разрядки.

Высокий авторитет и действенность советского внешнеполитического курса умножаются тем, что он вырабатывается и осуществляется в тесной координации с братскими социалистическими государствами. Сложение идейно-политических, экономических, научно-технических потенциалов братских стран многократно повышает силу социализма, позволяет ему динамично развиваться, успешно противодействовать агрессивной политике империализма, активно влиять на ход мировых событий. Укрепление сотрудничества и сплоченности этих стран — и это со всей силой подчеркнуто на Пленуме ЦК КПСС — первейшее направление международной деятельности нашей партии и Советского государства.

«Разоружение есть идеал социализма»,—указывал основатель КПСС и Советского государства В. И. Ленин, и наша страна, верная ленинской политике мира, последовательно и неуклонно ведет курс на то, чтобы остановить и повернуть вспять развязанную империалистами форсированную материальную подготовку к войне. На достижение этой цели направлен комплекс дышащих силой миролюбия советских внешнеполитических инициатив, отличающихся реализмом и конструктивностью, конкретностью и готовностью учитывать позиции других государств. Эти инициативы уже дали жизнь целому ряду важных международных договоров и соглашений — вспомним, например, соглашение о нераспространении ядерного оружия, о запрещении испытаний такого оружия в трех средах, о запрещении размещения оружия массового уничтожения на дне морей и океанов. Из года в год на основе советских предложений в ООН принимаются документы, несущие в себе большой заряд положительного воздействия на общую обстановку в мире. Среди них следует в первую очередь назвать декларацию об укреплении международной безопасности и декларацию о предотвращении ядерной войны. То, что наши предложения неизменно получают широкую поддержку в ООН, где за них голосует большинство государств мира,— свидетельство их актуального характера для решения назревших проблем, которые волнуют все народы.

И ныне миролюбивые предложения СССР, касающиеся всего комплекса проблем разоружения,— в центре внимания международной общественности. Речь идет прежде всего о предложениях СССР, направленных на обуздание гонки ядерных вооружений, на укрепление безопасности в Европе.

Вызвали широкий международный резонанс постановление Верховного Совета СССР от 16 июня и памятные записки Советского правительства правительствам США, Великобритании, Франции и КНР с предложением о том, чтобы все державы, обладающие ядерным оружием, заморозили все имеющиеся у них ядерные вооружения в количественном и качественном отношении. Широко обсуждая и комментируя эти документы, видные политические и общественные деятели разных стран, органы массовой информации подчеркивают, что новая крупная инициатива СССР, будь она претворена в жизнь, могла бы стать эффективным первым шагом на пути к сокращению, а в конечном счете к полной ликвидации ядерных вооружений и тем самым к устранению вообще угрозы ядерной катастрофы. Международная общественность ожидает, что правительства США, Англии, Франции и КНР со всем вниманием и серьезностью отнесутся к этому предложению исходя из той высокой ответственности, которую ядерные державы несут за сохранение всеобщего мира.

Да, мирное наступление социализма продолжается и нарастает, но и враги мира отнюдь не сложили оружия! Факты, ход событий вновь и вновь подтверждают: империализм, дважды обрушивший на человечество истребительные мировые войны, и ныне неотделим от таких преступлений, как агрессия, война, бесцеремонное вмешательство в чужие дела. Это особенно очевидно в наши дни, когда на капитанском мостике внешней политики Вашингтона оказались представители кругов с ярко выраженными имперскими амбициями, открыто претендующие на то, чтобы по собственным меркам кроить и перекраивать политическую карту мира. Именно вашингтонская администрация, пытающаяся узаконить в международном обиходе «философию» милитаристских «ястребов» и рассматривающая «ядерную дубинку» как едва ли не единственный рычаг и «аргумент» своей внешней политики, всеми возможными способами пытается подорвать ядерный паритет, дабы «с позиции силы» диктовать свою волю суверенным странам и народам. Именно «команда Рейгана», во всеуслышание объявляющая едва ли не весь мир «сферой американских жизненных интересов», продолжает раскручивать безудержную гонку вооружений и уже запустила в ход рассчитанный на пятилетие проект «перевооружения Америки», на который собирается бросить поистине астрономическую сумму — свыше полутора триллионов долларов!

Этому гегемонистскому поджигательскому курсу придано в США и соответствующее «пропагандистское обеспечение». Распространяя наветы на социализм, пуская в оборот провокационные вымыслы о мифической «советской угрозе», зловещий союз фабрикантов оружия и фабрикантов лжи нагнетает антисоветскую истерию, до предела взвинчивает милитаристский психоз. Уместно напомнить в этой связи, что еще в 1947 году вторая сессия Генеральной Ассамблеи ООН по предложению СССР приняла резолюцию против пропаганды и поджигателей войны, в которой подчеркивалось, что форум наций «осуждает любую форму ведущейся в любой стране пропаганды, имеющей целью или способную создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии». Как же совместить эту резолюцию, за которую, кстати, голосовали и США, с тем фактом, что пропаганда войны стала ныне в Соединенных Штатах составной частью внешней политики, что не кто иной, как официальный Вашингтон, конструирует и выдает на-гора прямо-таки каннибальские концепции «предупредительных», «ограниченных», «звездных» и иных ядерных войн, сопровождая их бредовыми постулатами о том, что-де ядерная война «не так уж страшна»?! Как отметил в своем докладе на сессии Верховного Совета СССР первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел А. А. Громыко, если взять одно только отношение США и СССР к пропаганде ядерной войны, то разве не ясно, чья позиция в этом вопросе является бесчеловечной, а чья — гуманной, отвечающей чаяниям всех народов?

Да, сложное, бурное время переживает наша планета! Но при всей остроте международных проблем наша партия твердо убеждена: силы мира могущественнее сил войны. На стороне дела мира — социалистическое содружество, братские коммунистические партии, международное рабочее движение, народы неприсоединившихся стран. Против нарастающей военной угрозы борются — и борются все энергичнее, все активнее — широчайшие народные массы всех континентов. Новой мощной демонстрацией в защиту мира стала состоявшаяся в столице Чехословакии Праге Всемирная ассамблея «За мир и жизнь, против ядерной войны», в которой приняли участие посланцы из 140 стран, представители около 100 международных организаций.

Миллионы людей в разных уголках земли видят в Советском Союзе оплот мира и безопасности, миллионы людей все отчетливее осознают, что именно социализм выступает сегодня как самый последовательный защитник здоровых начал в международных отношениях, защитник интересов разрядки и мира, интересов каждого народа, всего человечества. На весь мир прозвучала чеканная формула постановления июньского Пленума ЦК КПСС: «Сохранение мира на земле — это и сегодня, и в обозримом будущем стержневая проблема внешней политики нашей партии».

«Мирному сосуществованию объективно способствует военно-стратегическое равновесие между социализмом и империализмом,— отметил, выступая на Пленуме ЦК КПСС, товарищ Ю. В. Андропов.— Достижение этого равновесия — один из важнейших итогов последних десятилетий. Оно потребовало от нашего народа и народов других стран социалистического содружества немалых сил и средств, и мы не позволим его сломать. Мы и впредь будем делать все необходимое для обеспечения безопасности своей страны, наших друзей и союзников, будем повышать боевую мощь Советских Вооруженных Сил — могучего фактора сдерживания агрессивных устремлений империалистической реакции. Но если бы удалось снизить уровень вооружений и военных расходов с обеих сторон, приступить к разоружению, к чему мы активно стремимся, то это было бы великим благом для всех стран и народов».

Знамя мира, поднятое нашей партией, нашим народом с победой Великого Октября,— в крепких руках!

МОЙ АДРЕС — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Девиз конкурса «Мы — интернационалисты» для меня имеет, я бы сказала, личный смысл. Мне 25 лет. Почти треть моей жизни прошла в Советской стране. После окончания школы и рабоче-крестьянского факультета при университете в Галле я поехала учиться в СССР.

Вспоминаю лето 1976 года, наш студенческий поезд, который привез таких, как я, ребят и девчат из ГДР в Москву. Конечно, я волновалась. Что я знала о вашей стране? Много и ничего. В классе на уроках географии мы учили столицы союзных республик. В Молдавии — Кишинев. Я тогда и не предполагала, что этот город станет мне родным. Здесь я окончила университет. Сейчас учусь в аспирантуре. Моя специальность — биология. Осенью собираюсь защищать диссертацию. Тема ее — очистка сточных вод с помощью водорослей.

О Советской стране мне много рассказывал отец, Ханс Пухер. По профессии он столяр, рабочий человек. До войны был членом социал-демократической партии Германии. Когда Гитлер напал на СССР, отца забрали в армию. Вскоре он перешел на сторону Красной Армии. Потом несколько лет работал в лагерях немецких военнопленных, руководил школой перевоспитания, был членом комитета «Свободная Германия». После войны окончил партийную школу. Там он познакомился с моей мамой. Она работала на сигаретной фабрике в маленьком городке Бад-Мускау. Сразу после войны из школ уволили преподавателей-нацистов, маму направили учительницей в школу, а потом в отдел народного образования. Отец и мама долгие годы были на партийной работе. Сейчас оба на пенсии, но дома бывают редко. Я горжусь своими родителями. Они настоящие коммунисты, а коммунисты не уходят в отставку. Отец работает в комитете борцов-антифашистов, собирает материалы для книги о тех, кто в черные годы гитлеризма сражался в подполье.

Мама — секретарь партийной организации своего микрорайона, возглавляет комитет по празднованию пятисотлетия Лютера и еще председатель исторической комиссии общества «Урания». Это как у вас общество «Знание».

Наверное, от родителей я унаследовала «гены» общественной активности. В школе была секретарем организации Союза свободной немецкой молодежи, в 18 лет стала членом СЕПГ.

Быстро промелькнули счастливые студенческие годы. Помню наше отчаяние после первых лекций. Хоть я и училась в школе с «усиленным» преподаванием русского и потом на курсах в Донецке, но записывать лекции мы почти совсем не могли. Вместе со мной в Кишиневский университет поступили двадцать человек из ГДР — пятеро на биофак, остальные — физики и математики. И у всех в тетрадях для записи лекций — сплошные пропуски. Было отчего прийти в отчаяние, если бы не помощь советских ребят. Они нам давали свои записи, занимались с нами, все объясняли. Я очень сдружилась с Лидой Нижниевской. Три года мы прожили с ней бок о бок в общежитии. Сейчас она инженер-химик, работает в Сороках. После пятого курса я пригласила Лиду погостить у нас в Котбусе. Как обрадовался отец, когда к нам приехала моя советская подруга! Он до сих пор хорошо говорит по-русски и очень старается не забывать язык друзей.

Осенью я собираюсь защищать диссертацию. Это будет в Киеве, там есть Институт гидробиологии Академии наук Украинской ССР. У меня прекрасный научный руководитель — профессор Василий Максимович Шаларь. Я уважаю его и как ученого и как очень доброго человека.

Мне часто приходится бывать в Киеве. Там я познакомилась с профессором Лидией Акимовной Сиренко. Она мне очень помогла с подготовкой диссертации. Лидия Акимовна хорошо знает ведущего гидробиолога ГДР Дитриха Ульманна. Он работает в Техническом университете Дрездена и просит меня посылать ему все новинки по нашей специальности. Очень интересная работа подготовлена учеными стран СЭВ по унифицированным методам анализа качества воды. Издание сразу разошлось. И я благодарю Лидию Акимовну, которая дала нужные мне тома этой работы.

Говоря о своих советских учителях, не могу не назвать Николая Михайловича Шилинцева. Он у нас руководил кафедрой новой и новейшей истории. Его заслуга в том, что у землячества студентов из ГДР стало традицией готовить работы по истории. Николай Михайлович — специалист по немецкому рабочему движению. Он не раз был в ГДР, работал в наших партийных архивах. Я связала его с моим отцом, который помогал ему в сборе материалов.

В 1978 году в Волгограде проходил конкурс студенческих работ по общественным наукам. Три человека из нашего землячества — физик Арне Кнауер, математик Биргит Эйлер и я — представили на этот конкурс работу, которая была посвящена связям Германии и СССР в годы гражданской войны. Арне, когда был дома на каникулах, пошел в партийный архив, привез оттуда фотокопии документов о работе немецких коммунистов среди русских военнопленных в Германии. Биргит написала о движении «Руки прочь от Советской России», а я — о немцах, которые в годы гражданской войны сражались на стороне Красной Армии. Наша работа получила второе место на конкурсе.

Когда подвели итоги, оказалось, что мало работ о дне сегодняшнем, о контактах молодежи наших стран. Мы решили восполнить этот пробел. Мы — это историк Валентина Бодруг, биолог Дитер Петерзон и я — задумали рассказать о совместной работе нашего землячества и комсомольцев Кишиневского университета. А потом подумали: надо расширить тему. Ведь за годы, что мы провели в Молдавии, мы своими глазами видели много примеров сотрудничества СССР и ГДР и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в науке.

Шеф нашего студенческого землячества — кишиневский завод «Электромашина». Мы у наших шефов и на субботнике работали и на маевке вместе с ними были. Вместе организовали на заводе дискотеку, выпускали стенгазету. Певческая группа нашего землячества не раз выступала на предприятии с концертами политической песни.

У наших шефов тесные контакты с заводом стиральных машин в Шварценберге. Шефы нам дали договора о сотрудничестве, итоги соревнования, цифры. Мы встретились с рабочими, которые были в ГДР, записали их впечатления. То же самое и на молдавском объединении «Флоаря», которое сотрудничает с предприятием «Интра» в ГДР. Как раз тогда на ковровом комбинате в Кишиневе устанавливали наши ткацкие станки марки «Текстима». Много интересного рассказали ткачихи, которые учились мастерству в ГДР. Показали нам и протокол, в котором записаны отзывы наставников из ГДР о своих учениках из Молдавии.

Написали мы и о сотрудничестве в сельском хозяйстве. Специалисты по садоводству совместно разработали проект плодового сада под Дрезденом. Сегодня этот сад уже дает плоды. Садоводы Молдавии и ГДР обмениваются посадочным материалом, научной информацией.

Отдельная глава нашей работы — о контактах молодежи. Ребята из нашего землячества работали в студенческом строительном отряде — на Алтае строили школу, в Кишиневе — больницу. Дитер Петерзон рассказал о том, как он был на БАМе.

Мое главное открытие в Советском Союзе — это люди. Что привлекает в них? Доброта, широта души, гостеприимство.

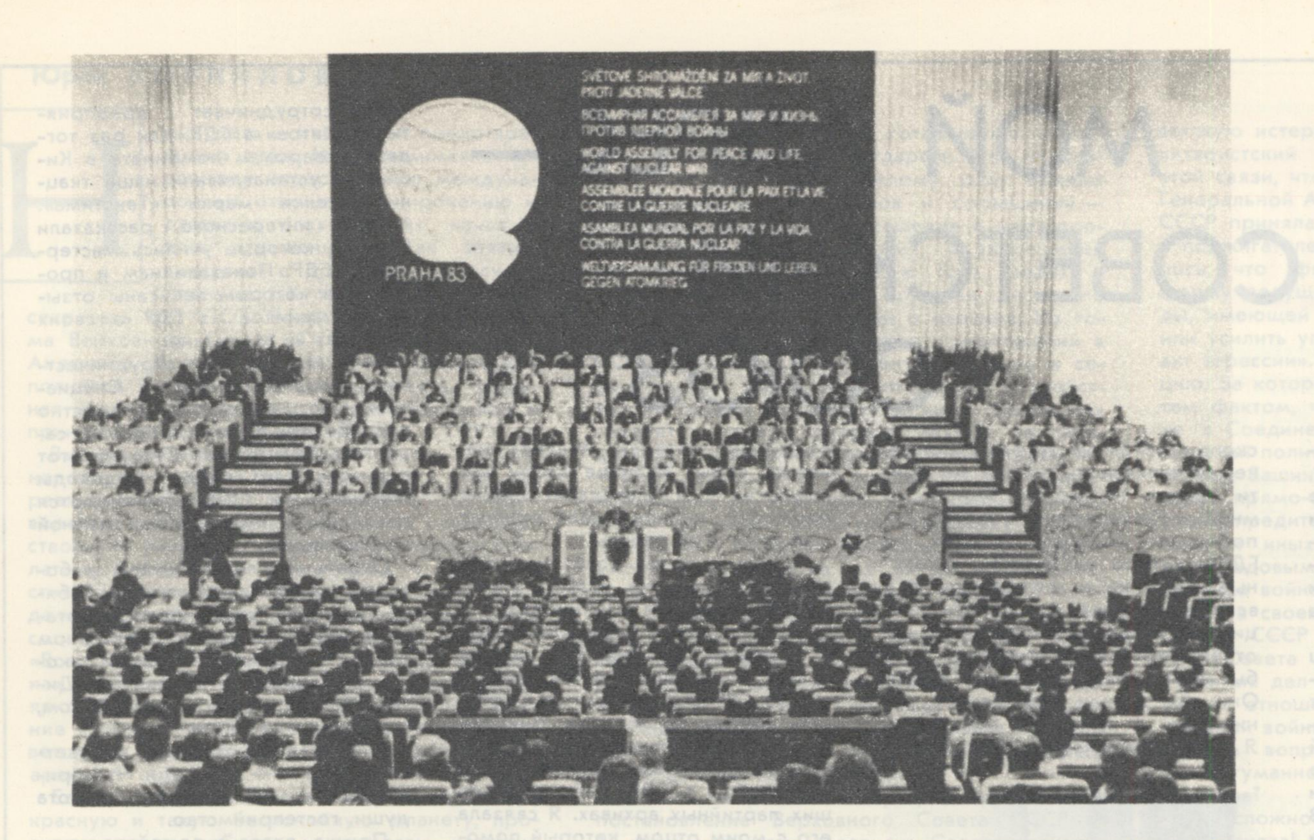
Помню, ехала я домой на каникулы. В Киев прилетела ночью. Надо было перебраться на другой аэродром, чтобы утром лететь в Берлин. Я одна, багажа видимо-невидимо. Еще в самолете из Кишинева познакомилась с молодой женщиной, Людой Лукьяновой. Она спросила, где я собираюсь ночевать. «В аэропорту, конечно»,— ответила я. «Ну нет, поедем к нам домой». И Люда увезла меня к себе в Дарницу. Мы вошли в квартиру за полночь. Тут же был накрыт стол, и начался ужин. А в пять утра Люда и ее муж Толя отвезли меня на аэродром. Теперь мы как родные. Когда бываю в Киеве, всегда останавливаюсь у них в доме. Там у меня даже свой халат и тапочки есть. Когда мой муж Детлев приезжает ко мне, то по дороге тоже у них останавливается. И Новый год мы вместе встречали.

Однажды я ночевала у Людмилы и должна была рано утром встретить моего однокашника, который прилетал из Берлина в Киев. Просыпаюсь, смотрю, он сидит на кухне и завтракает. Оказывается, Люда не стала меня будить, сама его встретила.

О советских людях я могу рассказывать без конца. Годы учебы в Советском Союзе для меня и моих земляков — это школа человечности, доброты, гражданственности. Здесь мы научились не только своей специальности, но и умению широко мыслить, оценивать свои поступки с точки зрения, какую пользу ты приносишь обществу. Советский человек — по натуре человек общественный, ему до всего есть дело. Индивидуализм, замкнутость в кругу личных интересов несвойственны советским людям. По характеру они оптимисты и всегда готовы прийти на помощь. Мой личный опыт подтвердил то, что нам известно из истории Советского государства.

Ангела ДЕГЕ,
аспирантка Кишиневского государственного университета

Кишинев.

ТРИ ТЫСЯЧИ «НЕТ!» — ВОЙНЕ

Во время открытия ассамблеи.

Телефото ЧТК—ТАСС

НА ЧЕМ СПОТКНУЛСЯ ПОДРЯД

На строительной площадке объединения «Аммофос» идет опробование сквозного подряда. На испытательный полигон я ехал с намерением выяснить, как при этом сложном эксперименте меняются производственные отношения смежников. Обычно куда бы ни пришел, всюду слышишь: «Подводят смежники». Строители жалуются на монтажников, монтажники на строителей. Те и другие на заказчика. А он на на поставщиков. И что удивительно: начни разбираться — все правы. А строительство пробуксовывает, ведомственные раздоры тормозят его.

Правда, эксперимент начался недавно, в начале нынешнего года. Поэтому трудно рассчитывать на какие-то исчерпывающие выводы. И все же давайте посмотрим, что это за опыт.

...Объединение «Аммофос» находится в пятнадцати километрах от Череповца. Масштабы его цехов впечатляют: огромные корпуса, выросшие за две пятилетки, сооружения для удаления отходов производства. Есть даже свой порт, куда заходят большие суда, доставляющие сырье и увозящие удобрения. Десять лет назад с первой линии здесь пошла серная кислота. А нынче строится уже пятая. От предыдущих она отличается разве тем, что сооружается по методу сквозного подряда. Такого на стройках Череповца еще не было.

Перед поездкой на пусковой комплекс я говорил с начальником отдела экономики строительства треста «Оргтехстрой» Анной Иосифовной Гусевой. Она вместе с работниками треста «Череповецхимстрой» готовила программу этого подряда. В основу эксперимента положен опыт, накопленный в последние годы на стройках в Темиртау и Апатитах.

В отличие от подряда, который известен строителям страны более десяти лет, сквозной охватывает весь комплекс и всех участников строительства. При разрозненных подрядах каждая бригада видит только свою работу. При сквозном все нацелены на сдачу объекта.

Пятую линию серной кислоты намечено сдать на месяц раньше установленного срока, в ноябре. Как же идут здесь дела, например, на печном отделении, где занято много смежников, представляющих различные организации? Самая основная работа выпала на долю Череповецкого управления треста «Коксхиммонтаж», который монтирует оборудование и вместе с наладчиками будет запускать новую линию.

В печном отделении работает бригада Василия Никитовича Дахова. Бригадира я узнал еще издали, его крупная фигура заметно выделяется. Он стоял на высокой площадке, рослый, широкоплечий, и уверенно подавал команды крановщику. Пока бригадир был занят, я вошел в будку, где сидел над чертежами прораб Николай Петрович Михалев. Позже сюда пришел и бригадир.

— Как ладите со смежниками на площадке? — спросил я у них обоих.

— Сейчас параллельно работаем с участком старшего прораба Иванова из управления «Сталконструкция-2», — сказал Михалев.— Находим общий язык, но задержки бывают, без этого еще не обходимся. Затягивается, например, поставка трубопроводов. Никто не знает, когда они будут, а ждать некогда. И «Сталконструкция-2» идет дальше. Правда, сталемонтажники оставляют проемы, чтобы легче было затащить потом через них трубопроводы.

В ходе строительства заказчик вносил усовершенствования в конструкцию печи. Фундаменты, например, монтажникам пришлось наращивать металлическими кольцами. Дополнительных работ набралось на 128 тонн металлоконструкций! Поэтому срок окончания первого этапа подряда в бригаде продлили на двадцать дней.

— И каковы итоги?

— Сейчас попробуем выяснить,— Михалев стал названивать в контору управления.— Ну вот, говорят, Дахов не завел тетрадь учета.

— А мне ее давали? — сорвался бригадир.— Да если бы мне дали эту тетрадь да объяснили что к чему, я бы, конечно, сделал все как положено. Но ведь никто ничего не сказал. А теперь вот меня же упрекают,— возмущался Василий Никитович.

Завести тетрадь учета не велика проблема. А вот наладить отношения смежников — орешек покрепче. Его можно осилить только сообща. Для этого на каждом узле (сквозной подряд на комплексе внедряется на основе узловой системы) создан совет, в его состав входят инженерно-технические работники и бригадиры.

Но совет узла пока не утвердил себя. Старший прораб Анатолий Антонович Иванов вспомнил, что совет собирался последний раз... два с лишним месяца назад.

В тресте «Оргтехстрой» мне сообщили, что руководители управления предложили отменить заседания совета узла и решать все вопросы в рабочем порядке. Такие рассуждения не отличаются новизной. Совет объекта как форма привлечения рабочих к управлению производством был создан впервые в прошлом году на строительстве цеха фосфорной кислоты. Тогда руководители тоже заявили, что в период предпусковой горячки надо работать, а не заседать. С этим можно было согласиться, если бы руководители поступали так же. Но, подвергая сомнению пользу заседаний совета, само руководство продолжало напревно заседать. Ежедневно в штабе комплекса проводи-

Звон колоколов вечером 21 июня над чехословацкой столицей стал прологом к манифестации на Староместской площади жителей Праги и делегатов Всемирной ассамблеи «За мир и жизнь, против ядерной войны».

Самый представительный форум миролюбивых сил за всю историю антивоенного движения начал работу. Около трех тысяч посланцев движений в защиту мира, представителей политических партий, общественных, женских, молодежных, религиозных организаций из 140 стран прибыли в Прагу. В течение шести дней политические и общественные деятели, ученые и писатели, врачи, журналисты, представители духовенства поведут открытый и откровенный диалог по главному вопросу современности — о войне и мире. Участники ассамблеи стали полномочными представителями сотен миллионов людей на планете, выразителями их воли: отстоять общими усилиями мир, стать преградой на пути к ядерному апокалипсису.

На открытии ассамблеи присутствовали Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак, другие руководители КПЧ и правительства Чехословакии.

С речью к участникам ассамблеи обратился Г. Гусак. Сотни миллионов людей всей планеты верят, сказал он, в частности, что пражский форум будет способствовать осуществлению их чаяний жить в мире, спокойно воспитывать детей, сберечь все, что создали предыдущие поколения.

Социалистические страны, сказал Г. Гусак, готовы вести переговоры по всем предложениям, в которых соблюдаются общепринятые и многократно подтвержденные в прошлом принципы, особенно принцип равенства и одинаковой безопасности для всех государств. К сожалению, страны НАТО до сих пор не ответили на мирные инициативы государств — участников Варшавского Договора.

Выступивший затем президент Всемирного Совета Мира Р. Чандра от имени ассамблеи выразил горячую благодарность чехословацкому народу за теплый, сердечный прием и гостеприимство.

Пражская ассамблея — это единодушный ответ миролюбивых сил всем тем, кто пытается расколоть антивоенное движение. Мы не одиноки. С нами весь мир, с нами Организация Объединенных Наций, с нами широкое движение неприсоединения. С нами могучий Советский Союз, все социалистическое содружество с их неустанной борьбой за мир, разрядку и разоружение, с их мудрыми миролюбивыми инициативами, заявил президент ВСМ.

На ассамблее начался диалог по важнейшим вопросам обеспечения мира и безопасности народов.

лось две оперативки: утренняя и вечерняя.

И на пусковом комплексе серной кислоты начальники управления заседают регулярно. Отчего бы, казалось, им не решать свои вопросы тоже в рабочем порядке? Однако они используют совещания как форму управления производством. Вот и бригадирам бы собираться накоротке, для оперативного принятия мер. Так было, например, в Темиртау, на строительстве цеха белой жести. Бригадиры собирались для стыковки на узлах перед началом смены.

— Совет узла должен собираться,— твердо сказал Дахов.— Надобность в таких оперативных встречах рабочих-смежников огромна. Приведу такой пример. Когда мы наращивали два фундамента деситонными металлическими кольцами, строители еще не приступали к закладке очередного фундамента. Они, конечно, могли вывести его на должную отметку, но не вывели, сделали по-старому. Этот фундамент нам тоже пришлось наращивать. Все потому, что строители не знали о нашей дополнительной работе. Встречаться нам надо, обмениваться мнениями, информацией, меньше будет переделок. Да и легче будет работать. Договор, конечно, обязывает учитывать общие интересы и помогать друг другу, но пока приходится и шапку ломать, упрашивать. Смежника надо знать в лицо.

Роль и авторитет совета узла можно поднять, если наделить его конкретными правами. В том числе правом участвовать в распределении части прибыли. В Череповце этот принцип пока не применен, и по его поводу высказываются противоречивые мнения. Тут пока тон в становлении подрядных отношений задает испытанный аккорд — поощрение за сокращение сроков из фонда заработной платы.

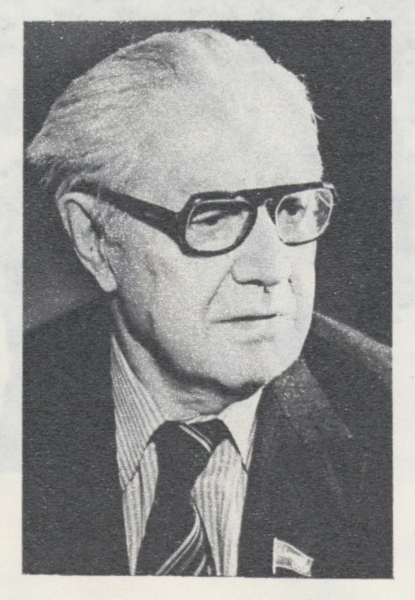
— Аккорд — это синица в руках, а авансовая премия заказчика — журавль в небе,— категорично заявил старший прораб А. А. Иванов.— Я знаю примерно, какая ожидается премия, если комплекс будет сдан вовремя. Но сообщать эту цифру коллективу не считаю нужным. А вдруг дадут меньше или ничего не дадут? Получится, как в поговорке: прокукарекал, а там хоть не рассветай. Но если авансовая премия — журавль в небе, значит, она не срабатывает, а находится, как принято говорить, за порогом стимулирования. А любая премия должна работать на подряд, на сдачу объекта.

— Если бы совет узла получил право распоряжаться премиальным фондом, его бы признали. И смежники не подводили бы. Во всяком случае, делали бы это значительно реже,— сказал бригадир Дахов.— Надо добиться, чтобы и журавль в небе стал доступным.

Опыт в этом деле накоплен. В частности, в тресте «Апатитстрой» на сооружении обогатительной фабрики. Там на узле создается децентрализованный фонд материального стимулирования. Он складывается из части фонда материального поощрения, авансовых премий заказчика, выплачиваемых за ввод, и так далее. Фондами распоряжаются начальник узла и совет бригадиров. Такой принцип включен в программу сквозного подряда и, безусловно, оправдывает себя.

Рангальд ЛУЦ,
сотрудник газеты «Коммунист», лауреат премии Союза журналистов СССР

Вологодская обл.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СУРКОВ

На 84-м году жизни скончался видный советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, секретарь правления Союза писателей СССР Алексей Александрович Сурков. Смерть А. А. Суркова — тяжелая утрата для всей многонациональной советской литературы.

В советскую литературу А. А. Сурков пришел закаленным бойцом гражданской войны, с опытом комсомольского и партийного работника, селькора. Партийная убежденность, высокая гражданственность, патриотический пафос творчества А. А. Суркова принесли ему признание и любовь народа.

Начиная с первой книги «Запев», А. А. Сурков неизменно выступал как поэт-патриот, поэт-коммунист, талантливый продолжатель лучших традиций передовой русской литературы. В годы Великой Отечественной войны его поэтическое, песенное слово воодушевляло на подвиги советских солдат. Всенародную известность получили его песни «По военной дороге», «Песня смелых», «В землянке», проникнутые духом мужества и отваги, глубоким чувством беззаветного служения долгу.

Многообразен вклад А. А. Суркова в создание социалистической культуры. В течение многих лет он был одним из руководителей Союза писателей СССР, редактировал ряд литературных изданий.

А. А. Сурков — пламенный борец за мир и сотрудничество между народами. Он деятельно участвовал в движении сторонников мира. Его книги «Миру—мир!», «Восток и Запад» и другие стали поэтическими манифестами времени.

Значительна роль поэта в развитии многонациональной советской литературы. Верный друг и наставник многих писателей братских республик, он заботливо и требовательно воспитывал литературную смену.

А. А. Сурков избирался кандидатом в члены ЦК КПСС, членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР, депутатом Верховного Совета СССР 4—9-го созывов.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги А. А. Суркова. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета», медалями. А. А. Сурков удостоен звания лауреата Государственных премий СССР.

Память о верном сыне Коммунистической партии, в рядах которой он состоял с 1925 года, пламенном патриоте, неустанном борце за мир А. А. Суркове навсегда сохранится в наших сердцах.

Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, В. Г. Афанасьев, Л. М. Замятин, С. Г. Лапин, Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, Л. Н. Толкунов, А. А. Епишев, Ф. И. Лощенков, В. М. Мишин, А. М. Роганов, Г. М. Марков, С. А. Азимов, Ч. Айтматов, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Н. П. Бажан, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, Ю. Н. Верченко, А. Т. Гончар, Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, К. М. Долгов, Н. В. Думбадзе, Ю. А. Жуков, П. А. Загребельный, М. А. Ибрагимов, Е. А. Исаев, М. Каноатов, В. В. Карпов, В. М. Кожевников, Ф. Ф. Кузнецов, Т. Курбанов, П. А. Куусберг, Л. М. Леонов, А. М. Малдонис, Э. Б. Межелайтис, С. В. Михалков, Д. Мулдагалиев, В. М. Озеров, В. А. Петросян, Г. Р. Приеде, Р. И. Рождественский, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (М. Танк), Ю. И. Суровцев, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, М. А. Шолохов.

1

Слово писателей

Они говорили на разных языках, но понимали друг друга без переводчика. В автобусе, мчавшемся среди яблоневых садов, арабская речь мешалась с казахской, русская с японской, английская с вьетнамской... Да, они говорили на разных языках, но прекрасно понимали друг друга, потому что их всех объединял язык дружбы, язык борьбы за мир и солидарность между народами. Они — это писатели из стран Азии и Африки, а также их советские коллеги, собравшиеся в гостеприимной Алма-Ате, чтобы отметить 10-летие V Конференции афро-азиатских писателей. Тогда ее участники из семидесяти стран мира провели здесь свободную, открытую дискуссию о путях развития литературы, выработали ясную, четкую позицию о роли писателей в национально-освободительном движении, в деле пробуждения самосознания отсталых народов и месте литератора в борьбе за мир и дружбу между народами, против расизма и колониализма. Многое было достигнуто за двадцать пять лет существования Ассоциации афро-азиатских писателей, и особенно в последнее десятилетие. Об этом говорилось на торжественном заседании в Алма-Ате международного подготовительного комитета по проведению VII Конференции писателей Азии и Африки, которая пройдет осенью этого года в Ташкенте. На нем присутствовали руководители партии и правительства Казахской ССР. На следующий день группу писателей принял член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, который в ходе беседы отметил историческую важность прогрессивного движения афро-азиатских писателей. Об этом читались стихи на вечере интернациональной поэзии. Об этом же расспрашивали писателей из Африки и Азии сельские труженики Джамбулского района, на родине знаменитого казахского акына, где его внук Алимкул, тоже народный акын, встретил гостей импровизированным поэтическим песенным приветствием. И тут вдруг многие писатели захотели тоже стать акынами, даже пробовали наигрывать на домбре Алимкула. Может быть, поэтому весь обратный путь наш автобус пел — то на арабском «Мустафу», то «Сакуру» на японском, то «Волга, Волга, мать родная...» на всех языках. Так мы ехали, пели песни и разговаривали.

Тут были: Сарвар Азимов, председатель Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки, Камиль Яшен из Узбекистана, казахский поэт, первый секретарь правления Союза писателей Казахстана Джубан Мулдагалиев, таджик Мумин Каноат, японец Курихара, индиец Субхас Мукерджи, Мустафа аль-Ферси из Туниса...

— Я уже четвертый раз в Казахстане,— говорил заместитель генерального секретаря Союза писателей Вьетнама То Хоай,— незабываемое впечатление произвели на меня просторы распаханной целины. Но не менее впечатляющи литературные достижения казахского народа. Здесь тоже поднята своеобразная целина, литературная,— ведь до Советской власти казахи почти поголовно были неграмотны. Это пример для всех народов Азии, это обыкновенное чудо социализма...

— На земле нет таких проблем, которые бы не интересовали нас, писателей,— говорил генеральный секретарь Союза писателей Сенегала Мамаду Траоре Диоп.— Мы на своих встречах, как и сейчас в Алма-Ате, всегда искали ответы на самые сложные проблемы жизни, искали пути и методы борьбы против неоколониализма, расизма и сионизма, обсуждали вопросы укрепления единства в борьбе против нарастающей угрозы ядерной войны...

— На моей родине растет оливковое дерево, которое олицетворяет терпение палестинского феллаха,— рассказал первый заместитель главного редактора журнала «Лотос» Муин Бсису, палестинский поэт.— В какой-то мере оно ассоциируется с деятельностью нашей международной организации, ведущей терпеливо и настойчиво активную борьбу за мир на планете. К счастью, на земле существует такая могучая сила, как советский народ. Во время агрессии в Ливане мы особенно почувствовали его великую поддержку...

— Долг писателя сегодня — быть в первых рядах борцов за мир,— говорил генеральный секретарь Ассоциации писателей стран Азии и Африки Алекс Ла Гума.— Нельзя забывать, что в мире есть безумцы и маньяки, которые хотели бы превратить прекрасные города в пепел и руины, бросить человечество в ядерный костер...

Да, они говорили на разных языках, но слово «мир» сейчас понятно всем людям на земле и без перевода. И нет для писателя почетнее задачи, чем бороться за него своим талантом.

Ю. ЛУШИН
Фото автора

2

3

1
Внук Джамбула Алимкул приветствует зарубежных гостей.

2
Джубан Мулдагалиев и Алекс Ла Гума у колхозного книжного киоска.

3
У мавзолея знаменитого казахского акына Джамбула.

Неизвестный художник. М. В. ЛОМОНОСОВ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников.

С. Щедрин. 1791—1830. НОВЫЙ РИМ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников

Анатолий КАЛИНИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ЦЫГАН

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Генерал Стрепетов поклялся себе, что ни капли не позволит уступить того настроения, которое осталось у него с прошедшей ночи. Не такой был у него возраст, чтобы пренебречь тем давно не испытанным чувством, когда человек вдруг может проснуться в непоколебимой уверенности, что ничего, кроме только самого хорошего, наступающий день ему не обещает. И полусонная жена улыбнулась ему с подушки, как не улыбалась уже лет двадцать. И погоны с золотыми звездами вспыхнули на плечах встречного раннему солнцу совсем так же, как тогда под Белой Глиной в первый раз, когда комкор Селиванов по возвращении из штаба фронта достал их из своего планшета и выложил перед ним. И по дороге в контору конезавода молодой первый снег ухватил за ноздри так, будто кто-то рассыпал на нем люцерну.

Обычно, не задерживаясь и не глядя по сторонам, генерал Стрепетов проходил к себе в кабинет через приемную, где его с утра ожидали люди. Теперь же он орлом взглянул на них из-под серой папахи и даже кивнул им, в том числе и Шелоро, которая никак не могла рассчитывать на амнистию после их встречи ночью.

Проводив его взглядом, Шелоро поправила на груди новые мерикле, купленные ею на прошлой неделе в Новочеркасске, и, открыв сумочку, провела красным тюбиком по губам. Здесь ей можно было не бояться, что ревнивый Егор достанет ее своим кнутом, а на улице надо будет не забыть опять стереть краску.

Через пять минут генерал Стрепетов коротким звонком вызвал из приемной в кабинет свою секретаршу и, к немалому ее удивлению, сказал:

— Пусть первая войдет Шелоро Романова.— И когда Шелоро уже предстала перед ним, указал ей глазами на стул: — Ну, а теперь толком объясни, что ты там наговорила ночью. И что тебе еще от меня нужно?

Расправляя вокруг стула складки раздувшихся юбок, Шелоро скромно ответила:

— Я и вчера вам сказала, Михаил Федорович, что лично мне от вас ничего не нужно.

— Пусть будет так.— Генерал Стрепетов даже позволил себе улыбнуться.— Тогда зачем же ты раньше всех явилась ко мне на прием? Только говори без всяких цыганских подходов. Ты же знаешь, что через двадцать минут у меня летучка.

— Я бы вам еще ночью все могла рассказать, но вы...— Шелоро деликатно поправилась: — У вас не было времени.— Она придвинулась к столу генерала Стрепетова вместе со стулом.— Он сейчас на квартире у Солдатовых между жизнью и смертью лежит.

У генерала Стрепетова брови слились на переносице в один большой изморозно седой куст.

— Как это между жизнью и смертью?

Шелоро подвигалась, получше расправляя вокруг стула складки юбок, оглянулась на дверь.

— Я боюсь, что нам с вами опять не дадут договорить до конца.

Надавив на кнопку звонка, генерал Стрепетов вызвал секретаршу в кабинет.

— До летучки никого ко мне не впускать.— Он повернулся к Шелоро: — Ну?

У Шелоро вдруг сморщились губы.

— И что это за жизнь! Дома на меня Егор всю дорогу нукает, из-под кнута у него не выходишь, а теперь вот и вы, товарищ генерал...

Генерал Стрепетов не то чтобы смутился, но все-таки отвел свой взгляд от ее жалобных глаз и буркнул куда-то в сторону:

— Ладно, я совсем не хотел тебя обидеть. Но если хочешь, чтобы нам не помешали, то, пожалуйста, не тяни, пока у нас еще остается до летучки время.

Еще через два часа прилетел по вызову генерала Стрепетова из Ростова врач. С помощью местного фельдшера долго выслушивал и выстукивал Будулая, переворачивая его, покорно безвольного, со спины на бок и с бока на живот, белыми тонкими пальцами ощупывая ему голову и покалывая кожу на лице, на руках и ногах острием иголки. Ни одна при этом жилка не вздрогнула, не встрепенулась у безропотно послушного его рукам Будулая.

С привычной тщательностью вымыв над раковиной руки, врач доверительно обратился к своему младшему коллеге:

— Любая из этих травм могла бы привести к летальному исходу, и только своему могучему организму он обязан тем, что еще дышит. Но трогать его пока не будем, и я попрошу вас строго придерживаться всех моих назначений.— Тщедушный голубоглазый фельдшер в заштопанном белом халате, боясь лишний раз вздохнуть, ловил каждое его слово: — Все же я не стал бы утверждать, что все это только результат падения с мотоцикла.

При этих словах врача из груди Шелоро, которая все это время молча стояла у него за спиной, вырвался сдавленный всхлип:

— Я знаю, кто его убивал. Если надо, подтвердить могу.

Перехватывая взгляд врача, генерал Стрепетов поспешил предостеречь:

— Эта женщина все что угодно может подтвердить.

Шелоро с грустью сказала:

— Как я цыганка, так, значит, и ни единого разочка не могу правду сказать!

Генерал Стрепетов только покосился на нее. Но врачу захотелось разуверить Шелоро:

— Это вы напрасно. Если вы действительно хотите помочь следствию, то мили...

— Нет! — выкрикнула Шелоро так стремительно, что врач, не договорив, осекся на полуслове. Еще больше его удивило, когда эта красивая, хорошо одетая цыганка, которая только что жаловалась, что ей отказываются верить, даже когда она говорит правду, сама же и заявила: — Милиции тут нечего делать. Она здесь совсем ни к чему. Мало ли, если кому добровольно вздумается со своего собственного мотоцикла спикировать. Как будто у милиции никаких других дел нет. И за то, что она перед каждой цыганкой будет уши развешивать, ей тоже не станут жалованье платить. Цыганка все что угодно может наговорить. Наш начальник конезавода это очень хорошо знает.

Врачу только и осталось руками развести. Генерал Стрепетов беззвучно смеялся.

Оказывается, можно все до единого слова слышать, все-все, и быть не в состоянии ответить ни на одно слово, даже если это склоняются и говорят над тобой те, ближе которых у тебя уже никого не будет в жизни.

— А кто тут за ним, кроме фельдшера, будет досматривать?

Будулай мог бы поклясться, что он узнаёт и этот голос, хотя прежде и слышал его всего один-единственный раз. Это в тот день под Ага-Батырем, в терских бурунах, когда перед наступлением к его наковальне выстроилась целая очередь казаков с лошадьми. В этот час как раз и проезжал мимо него верхом на своем рыжем англо-венгерце комкор Селиванов с другими генералами и полковниками. Тот же самый голос, что и теперь, но не приглушенно хрипловатый, а тугой и звонкий, хвалился Селиванову:

— А как же Алексей Гордеевич, тут со всего тихого Дона и есть. И верхних, и среднего течения станиц, и низовские казаки. Как, Никифор Иванович, ваших зотовских дразнили?

— Неженатые наперед. Одна бабка прибежала к нашему атаману без памяти: «Из жита голова змея торчит». Атаман со всем станичным войском окружил этого змея и командует: «Неженатые наперед!» А когда подползли по-пластунски ближе, видят — верблюд.

И полковник Привалов, который тогда был совсем молодой, первый гулко захохотал на всю степь.

— Он, Алексей Гордеевич, про все станицы наизусть знает.— Будулай на всю жизнь запомнил, как комдив одиннадцатой Горшков, склоняясь с седла, обратился к нему: — Ты какой станицы, кузнец?

Как запомнил Будулай и тот взрыв смеха, от которого взметнулся песок:

— Я, товарищ генерал, цыган.

Теперь же Будулай должен был только слушать, ни слова не говоря, как начальник конезавода генерал Стрепетов отвечал на вопрос Горшкова:

— Не беспокойтесь, Сергей Ильич, здесь у него полно и цыганской и русской родни. Будет кому досмотреть.

Сразу два женских голоса подтвердили:

— Я с утра буду дежурить.

— А я после обеда.

Генерал Стрепетов, оглядываясь, нашел глазами Макарьевну.

— А, и ты здесь! Я еще поговорю с тобой, как водителей в своей корчме спаивать.

Макарьевна поджала губы оборочкой.

— Я за стакан своего неподмесного на двадцать копеек меньше беру, чем в кафе за плодововыгодное.

Еще потоптались они у постели Будулая. Генерал Стрепетов сказал на прощание:

— Смотри, Солдатов, ты теперь за него не только как за своего родича, но и как за луч-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—25.

шего табунщика будешь отвечать. А если что потребуется, скажем, те же продукты из нашей кладовой,— прямо ко мне.

После этого стали удаляться от постели Будулая шаги. Еще лишь явственно донеслось до него:

— Я бы этих подлецов сам перестрелял.

Хлопнула дверь. Все голоса сразу смолкли.

Как голоса самой молодости его.

Уже на улице генерал Стрепетов набросился на Михаила Солдатова:

— А самосвал у тебя почему по ночам перед домом стоит? Это что, твой персональный транспорт? В левые рейсы гоняешь?

При этих словах генерала Стрепетова все события минувшей ночи вдруг с мгновенной яркостью ожили и пронеслись перед взором Михаила. Комок жесточайшей обиды подступил ему к горлу, и он так ничего и не смог сказать, хотя у него было что ответить генералу Стрепетову.

Но в утреннем чистом воздухе уже раздался отчетливый ответ Шелоро:

— Вы бы лучше поинтересовались, Михаил Федорович, на каком персональном транспорте он этой ночью свою Настю рожать отвез.

Однако генерал Стрепетов не захотел пощадить Михаила Солдатова.

— Тем хуже! Как будто для этого, кроме самосвалов, у нас нет никаких других машин. Если той же «Скорой помощи» не нашел на месте, должен был прямо идти в гараж и брать мою «Волгу». Ты что же, первый день на конезаводе и не знаешь наших порядков?

И генерал Стрепетов из-под своего крутого лба взглянул на Михаила колючим, осуждающим взглядом.

Михаил поспешил отвернуться.

— Какая там ворожба! — обеими руками отмахивалась теперь Шелоро от цыганок, когда они на раннем рассвете по обыкновению заходили за ней домой по дороге на автобусную остановку.— Я же теперь по трехсменному графику живу. Откуда он только свалился прямо под колеса нашей брички?! Вот и сейчас, как только провожу своих школьников, а младшеньких доставлю в садик, так сразу же и надо к нему на дежурство бечь. И до самых двух часов, пока Макарьевна будет за воротами клиентов вербовать, пои этого идейного цыгана куриным супом или теплым молоком с ложечки, потому что ничего другого он не может есть. Но все равно надо ему зубы ножом разжимать. И еще за смену до пяти разов с бока на бок перевернуть, а в нем не меньше центнера. А после обеда обратно детишек из школы встрень, из садика забери, накорми и обстирай. Я раньше двенадцати никогда не ложусь, после весь день как в тумане хожу. И Егор у меня уже как беспризорный стал, сунешь ему какой-нибудь пирожок — и ладно. Он уже меня и к нему начинает ревновать, еще неизвестно, говорит, что ты там с ним делаешь по целым дням.— У Шелоро блестели глаза.— А что я с ним могу делать, когда он как бревно? — Доставая из-за выреза кофты обтерханную колоду карт, Шелоро вздыхала: — Нет, и в воскресенье я поехать не смогу. У нас этот трехсменный график без выходных: мы с Макарьевной по полдня дежурим, а Михаил по ночам. Ему тоже дыхнуть некогда, женился на свою голову на цыганке.— Шелоро ласкала в руке колоду карт.— Скоро я совсем ворожить разучусь.— Она решительно прятала колоду за вырез кофты, напутствуя подруг: — Побольше вам наворожить, детишкам гостинцев привезти, но чужого лучше не берите, с милицией не связывайтесь. На нашем конезаводе, слава богу, можно и без этого обойтись. Пора уже от воровства отвыкать.

В ответ подруги Шелоро невинно интересовались у нее:

— А чьи это две лошади у вас из сарая выглядывают? У вас же, кажется, не гнедые были.

— Приблудные,— не сморгнув отвечала Шелоро.— Они пристали к нам еще под совхозом Придонским. Утром проснулись, а они с нашей брички сено щиплют. Егор и запряг их вместо наших. А если в Придонском кинутся табун пересчитывать, все равно сойдется. У нас тоже добрые одры были.— До конца выдержав взгляды своих подруг, Шелоро переключила их внимание на другое: — Вечером с остановки не забудьте опять ко мне зайти. Я с этим несчастным Будулаем скоро совсем ничего не буду знать. Как там американцы, еще не нападают на нас? Я теперь как в темном колодце живу, не забывайте меня,— заискивающе просила Шелоро подруг.

Те дружно заверяли ее:

— Зайдем.

— Можешь не беспокоиться, Шелоро.

— И твоим детишкам гостинцев привезем.

Но уже на пороге какая-нибудь из них, самая острая, не забывала обернуться:

— Ты только поскорей выхаживай этого кузнеца, да смотри, чтобы Егор тебя с ним не застал.

С визгом они исчезали за дверью.

Как бы и вообще ни была изнурительна повседневная жизнь за рулем, особенно в ненастное время года, Михаил Солдатов не помнил, чтобы еще когда-нибудь ему приходилось укладываться в такой жесткий режим. Все у него теперь было рассчитано даже не по часам, а по минутам. Хорошо еще, что маршрут на станцию Атаман, откуда он последнее время возил железобетонные плиты для новых конюшен, лежал близко от райцентра, и ему приходилось делать лишь небольшой крюк, чтобы на обратном пути заехать на свидание с Настей. Но для этого надо было и выезжать из дому еще по-темному, чтобы надолго не застрять на станции в очереди других машин, и даже завтракать, не бросая руля, одной рукой выворачивая его, а другой нащупывая рядом на сиденье и развязывая тормозок с котлетами и пирожками, которыми снабжала Михаила в дорогу Макарьевна. Охота пуще неволи. Оказалось, можно было даже при этом наловчиться запивать пирожки горячим кофе из термоса. Никто, должно быть, кроме Шелоро, не смог бы заварить такой кофе, который тут же и сдергивает с глаз предательскую дрему, возвращает бодрость. Заваривать такой кофе, по словам Шелоро, ее научила знакомая ростовская цыганка Тамила.

И все-таки к концу обратного пути, когда запас кофе в термосе уже иссякал, Михаилу то и дело приходилось ловить себя на том, что он, внезапно вздрагивая и судорожно цепляясь руками за баранку, размыкает тяжелые веки. Никакой, даже цыганский кофе не сможет помочь человеку, если до этого ему целую неделю так ни разу и не пришлось выспаться от души. Чтоб ни единого раза не вскакивать, испуганно прислушиваясь к чужому прерывистому хрипению в доме. Не поднимать от подушки голову, всматриваясь в циферблат ходиков на стене и в синеву окон, разбавленную отблеском молодого снега.

Тем большей наградой было для Михаила, когда на обратном пути, свернув с трассы в окраинную улочку райцентра, он еще издали находил глазами в угловом окне второго этажа роддома — каждый раз в четыре нольноль — знакомый черный платок с крупными красными цветами. Настя уже выглядывала его. И мог ли он, что бы ни случилось в дороге с ним или с его самосвалом, хоть раз позволить себе не успеть к этим четырем часам нольноль минутам?

Но пока, слава богу, ничего не случилось за всю неделю. Даже ни разу не поймал скатом гвоздь на трассе, по которой днем и ночью нескончаемо двигался взад и вперед всевозможный транспорт, теряя по пути и оставляя за собой на асфальте все-все: от острых обломков проволоки, к которой подвязывают виноградную лозу, до хищно загнувшихся зубьев стальных переметов, которыми браконьеры перехватывают течение Дона.

На все, и даже на большее, был теперь согласен Михаил Солдатов. И на то, чтобы за ночь не меньше десяти раз на цыпочках подходить к постели беспамятного Будулая, вслушиваясь, как что-то булькает и скрипит у него в груди. И на то, чтобы после этого опять чуть свет мчаться за грузом через всю табунную степь под снегом или дождем. Только бы на обратном пути, подъезжая к двухэтажному кирпичному зданию районного роддома, увидеть наконец в угловом окне на бледном лице Насти, окаменевшем с того часа, как привез он ее сюда, хотя бы слабый проблеск улыбки.

Рано утром Клавдия разомкнула веки и тут же прикрыла их: режуще белый свет выжал из них слезы. Приподняв от подушки голову, увидела в окно, что за одну только ночь молодой пушистый снег все выбелил вокруг. Только Дон внизу, у подножия хутора, блестел вороненой спиной.

Едва успела накинуть на плечи кофту, как застучали на крыльце шаги, звякнула щеколда. С клубами морозного пара ввалилась Катька Аэропорт с оплетенной красноталом четвертью под мышкой. Гулко стукнув четвертью об стол, сразу же по-хозяйски нашарила в шкафчике у двери два стакана и стала наливать в них темно-красное, почти черное вино.

— Давай, Клава, с тобой за мою дорожку выпьем.— И, не ожидая Клавдии, запрокинув голову, она до донышка выцедила свой стакан, промокнула губы кружевным платочком.— Ну что ты так воззрилась на меня, я же, кажется, ясно сказала: за мою дорогу.— Наклоняя горлышко четверти, Катька опять наполнила свой стакан и опять, не отрываясь, выцедила его. Только после этого она развязала и откинула на плечи свой зеленый полушалок, расстегнула новое, с меховым воротником пальто и нашла глазами стул.— Видишь, какая я уже с утра набратая. Да, да, кончается моя хуторская жизнь, а что там дальше будет, слепой сказал, посмотрим. Ты только не подумай, что я собираюсь опять у тебя на груди рыдать. И не вздумай поверить всему, что я тут наговорила тебе прошлый раз. Мало ли что беременной бабе взбредет. Я тут тебе с тоски наговорила сама не знаю чего, а ты и разжалобилась.— Катька Аэропорт угрожающе повысила голос: — А я больше всего не хочу, чтобы меня кто-нибудь на прощанье стал жалеть. Видишь, какая я уезжаю из хутора веселая?! Ты мне не веришь?

Клавдия поспешила успокоить ее:

— Верю, Катя.

У Катьки Аэропорт упал голос:

— Врешь. Я по твоим честным глазам вижу, так и не научилась брехать за всю свою жизнь. Но рожать своего ребеночка я все равно буду не здесь.— Опять она повысила голос.— Я же тебе говорила, что у меня за Доном одна хорошая знакомая работает в роддоме медсестрой, к ней и поеду. И вообще...— Она запнулась.

Клавдия внимательно посмотрела на нее.

— Что-нибудь случилось, Катя?

Катька Аэропорт усмехнулась, глядя куда-то в окно.

— Больше того, что со мной уже случилось, ничего не может быть.— Тут же она твердо пояснила: — Но я ни о чем не жалею.— И еще тверже добавила, глядя прямо в глаза Клавдии жестким взглядом: — Чем скорее ты забудешь, о чем я наговорила прошлый раз, тем лучше будет.— Неожиданно она улыбнулась.— Я бы согласна, чтобы у нас тут опять военные учения были. Чтобы все до капельки повторить. И на лодке опять с моим рыжим квартирантом по ночам ездить, и на острове вместе с ним сено для коровы косить, ну и все остальное. Я на него, Клава, нисколько не серчаю. Он ведь сразу же и сказал мне, что для семейной жизни не подходит. И за что же мне теперь на него серчать, если он всегда со мной такой ласковый был? Он меня не силой взял, я еще за всю свою жизнь никогда такой веселой, как этим летом, не была. Наигралась за все прошлые, а может, и на будущие года. Я и сама сразу же поняла, что никакой он для меня не муж, на это нечего было и надеяться, из таких не бывает мужей. Но если ему на шею хомутом не вешаться, он для тебя все что угодно сделает. Хоть на Володин курган на руках доставит. Да, да, Клава, так оно и было. И он же ни за что не хотел, чтобы я потом матерью-одиночкой осталась. Не из-за него же, Клава, я теперь решила из хутора уезжать. Бедный сержант, если бы он только мог знать, что ни в чем не виноват передо мной!

Катька остановилась. Дальше она не стала пояснять, что именно должен был знать и не знал ее сержант. А Клавдия не расспрашивала. Что-то в последний момент удержало ее

от неизбежного в подобных случаях вопроса, уже готового сорваться с губ. Что-то подсказало, что лучше ей и совсем не знать того, о чем могла бы рассказать ей Катька Аэропорт.

Вдруг Катька низким голосом спросила у нее:

— Ты что же, совсем ослепла, что я уже вот-вот рассыпаться должна? — Она положила руку на свой живот.— Я думала, что ты еще перед летом могла сообразить, когда я купила себе в Шахтах широкий халат. Так при чем же здесь, скажи, пожалуйста, этот рыжий сержант? Если бы это он, мне бы еще почти до будущего мая ходить. Это я со зла на всех мужчин плела тебе, и на него, и на твоего совсем невинного мальчика. Не смотри на меня такими глазами, я и без этого знаю, что ты лучше меня. Но тебе, Клавдия, легко быть хорошей, с тобой всегда были дети, а я всегда одна. Хуже одиночества ничего не может быть. Особенно когда калмыцкий ветер задует на целый месяц. Под этот-то момент и подкатился ко мне тут один наш хуторской с такой же бутылью.— Она презрительно покачала на столе за красноталовую плетеную ручку четверть с вином.— А на другой день взял и посмеялся при всех перед киносеансом в клубе, что благодаря мне он на спор с дружками такую бутыль выиграл...— Катька налила из четверти вина в свой стакан, выпила его до дна и вытерла губы кружевным платочком.— Вот и закрутила я потом у него на глазах с моим рыжим квартирантом на все лето... Бедный сержант, еще немного, и я его действительно могла бы полюбить.— Катька Аэропорт вдруг встала.— Но больше я тебе, Клавдия, ничего не скажу. Теперь ты знаешь, почему я из нашего хутора уехать должна. Выпьем за мою дорожку.— Еще раз она налила из четверти темного, почти черного вина в свой стакан, а другой, давно налитый до краев, подвинула на столе к Клавдии. Клавдия взяла его.— А потом, когда все случится, завербуюсь, должно быть, на Цимлу, там, говорят, какой-то завод собираются строить. Там мне легче будет и квартиру получить. Наймусь посудомойкой в столовую или на крановщицу выучусь и буду из-под самого неба на все поглядывать да денежки ковшом грести. Крановщицам, говорят, хорошо платят. Как ты думаешь, Клавдия, смогу я на крановщицу выучиться или нет?

Ни капельки не лукавя, Клавдия ответила:

— Сможешь. Ты теперь, Катя, ради него, своего маленького, все должна суметь.

Катька Аэропорт поморщилась.

— Это ты брось! А за то, что тоже выпила за мою дорогу, спасибо тебе.— В третий раз она промокнула платочком губы, поставила на стол пустой стакан.— Значит, я все-таки не зря тут все утро выступала перед тобой. Но эту проклятую бутыль, извини, я заберу с собой. Она мне еще понадобится, когда я выйду на гору проезжим шоферам голосовать. И там мы еще посмотрим, товарищ бывший мой бригадир, кто из нас скорее станет героем соц... соц...

Язык уже не повиновался Катьке Аэропорт. Пошатываясь, она пошла к двери с оплетенной красноталом бутылью под рукой.

Клавдия не остановила ее.

Теперь и Клавдия уже твердо знала, как ей нужно будет поступить.

Тимофей Ильич сказал, что вернулся Будулай на конезавод, но после этого ничего не изменилось в ее жизни. И ничто не предвещает, что может измениться. Уже и перед мысленным взором расплываются его черты. Скоро совсем растают.

Как будто и не было его совсем. И теперь уже ни Ваня, который вот-вот уедет совсем далеко, ни Гром больше не напомнят о нем. Никто не напомнит и не подскажет, как ей дальше быть.

Так, значит, и надеяться больше не на кого. С той ночи, как она осталась на кукурузном поле одна с двумя совсем маленькими детьми, ей все и всегда самой приходилось решать. Что же ей теперь может помешать?

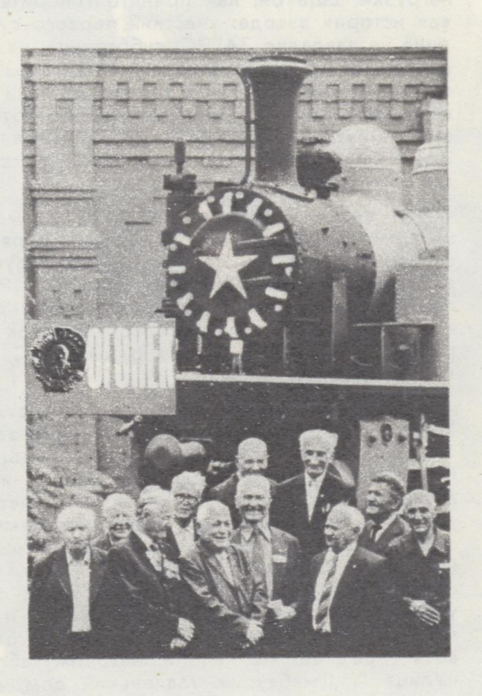
Продолжение следует.

На заседании парткома выступает главный инженер завода Гурген Кереселидзе.

К 80-ЛЕТИЮ ВТОРОГО СЪЕЗДА РСДРП

Ия МЕСХИ

Фото Г. КОПОСОВА

Тбилисский электровагоноремонтный завод работает хорошо. Десятую пятилетку выполнил он по всем показателям еще в июне 1980 года, а по итогам первого квартала этого года за победу в соцсоревновании награжден переходящим Красным знаменем Министерства путей сообщения СССР.

Между тем на территории завода вот уже девятый год — на взгляд человека непосвященного — творится страшная кутерьма: ломаются, раздвигаются, воздвигаются стены цехов, все переделывается, перестраивается, технически перевооружается. В общем, обстановка сложная, и, казалось бы, какое тут возможно производство чего-нибудь? А производство тем не менее не останавливается ни на минуту. Более того, происходит такой феномен: объем его по отношению к началу реконструкции завода (1974 год) увеличился более чем в два с половиной раза. Не мог коллектив завода спасовать перед сегодняшними в общем-то неизбежными трудностями, не поддержать высокой марки ЭВРЗ!

Ради этого стараются работники завода, ломают копья на технических совещаниях и партийных собраниях, привлекают к своим проблемам исследовательские институты, поощряют заводских рационализаторов. Словом, успехи весомы. И в этом году завод, отмечающий свое столетие, удостоен ордена Октябрьской Революции.

И все-таки не только этим примером хочется подчеркнуть высокую партийность завода. И не только тем, что здесь каждый третий — коммунист, а каждый четвертый — комсомолец. И 53 коммуниста из 568 носят на груди значок, свидетельствующий о том, что в партии он состоит пятьдесят и свыше пятидесяти лет. И хотя многие из них на пенсии, но когда начинаешь ближе знакомиться с коммунистами завода, то чувствуешь в них какую-то особую, проверенную годами закалку. Вот те же ветераны: казалось бы, их положение обязывает к какой-то особой солидности, основательности в поведении, но...

...В партийный комитет завода входит (почти

вбегает!) человек небольшого роста с чрезвычайно энергичной жестикуляцией и громовым голосом. Быстро договаривается с секретарем о каком-то деле и тут же исчезает. И еле удается его догнать. Шалва Георгиевич Джлантиашвили по профессии слесарь-инструментальщик, 1904 года рождения, в партии состоит 57 лет! Сегодня он уже не работает у станка, зато руководит заводским обществом «Знание» и имеет другие общественные нагрузки. Еще он, как принято говорить, живая история завода: участник первого субботника на закладке ЗАГЭС, субботника, на который в тот 1922 год вышли шестьсот рабочих завода. А слесарь Шалва Джлантиашвили с несколькими своими товарищами, поработав на субботнике, так и остался на строительстве ЗАГЭС и вернулся на завод после того, как станция дала ток.

Или возьмем электрослесаря Варлама Бежуашвили, работающего в цехе № 2; пятьдесят лет в партии и половину из них руководит цеховой партийной организацией. И его партийное наставничество, его рекомендации в партию служат для всех коммунистов полной гарантией того, что в ряды КПСС вступает достойный человек.

Или такой интересный зигзаг судьбы. Узнаем, что у нынешнего начальника завода Тариэла Георгиевича Джабаури дед еще до революции работал здесь и был одним из активных организаторов и актеров первого рабочего театра. В честь этого человека названа одна из улиц призаводской округи. Просим товарищей показать эту улицу. Едем по кривым и горбатым, очень старым, очень узким, но очень зеленым проездам, и уже где-то совсем на самой верхотуре, откуда весь город как на ладони, находим табличку «Улица Г. Джабаури». Маленький дом, который рабочий построил своими руками. И висит на стене старинный портрет — портрет молодого красивого мужчины с усами. Это Георгий. И портрет красивой женщины, Екатерины Джабаури, его жены, актрисы, но главное, как нам объяснили, «известной в городе революционерки».

Мы прошли по другим улицам этого крутого горного склона. И думалось сейчас не о своеобразной архитектуре, не о красоте города, а о том, что здесь ходило не одно поколение большевиков-революционеров. На улице 9-го Января видим мемориальную доску: «Алексей Петрович Закомолдин». Он был участником первых на заводе марксистских кружков 1898 года! В глубокой старости скончался год назад... Улица рабочего Петра Монтина, тоже участника марксистских кружков, позже ставшего профессионалом-революционером. Его убили жандармы в Баку в 1905 году. Хоронили товарищи в Тифлисе. И эти похороны вылились в мощнейшую антиправительственную демонстрацию. А улица Девяти Братьев, рабочих этого завода, зверски зарубленных в том же бурном 1905-м?.. Вот какой историей дышат эти скромные, неброские на вид рабочие тбилисские улицы!

Бригадиры паровозосборочного цеха. 1892 год.

Что ни говорите, а хорошая закваска дает хорошую выпечку. 85 лет — такой возраст своей парторганизации называют коммунисты завода, ведя отсчет с тех пор, когда появились здесь первые марксистские кружки. А спустя два года тут стал работать высланный из Петербурга токарь Михаил Калинин (его станок сейчас в музее). Пришло время стачек, маевок, демонстраций, время расстрелов, ссылок. Много позже, приехав в Тбилиси в 1940 году, Всесоюзный староста М. И. Калинин вспоминал на заводском митинге, что «в царской России не было такой большой тюрьмы, где бы не побывали лучшие представители тифлисских железнодорожников». Завод был насыщен революционными настроениями, и образование комячейки Главных железнодорожных мастерских (так раньше назывался ЭВРЗ) состоялось 2 марта 1921 года — через пять дней после провозглашения Советской власти в Грузии...

И все же как ни богаты факты истории и как ни значительны сегодняшние успехи производства — не только они дают основание коллективу завода как-то особо выделять свою партийную организацию. Да, она в центре всех дел на заводе, но прежде всего она обращена лицом к человеку, к его насущным нуждам. Партийность — это не только забота о плане и выпуске продукции, это — настроение человека, достаток, порядок жизни на заводе и дома. И даже если на улицах, где живут работники завода, плохо работают гастрономы и универмаги, парторганизация не остается в стороне.

Тут нельзя не вспомнить о том, как кузнец Тристан Токликишвили, почти двадцать лет простоявший у парового молота, стал заведующим большим плодоовощным магазином, потому что цех «отдал его в торговлю» для наведения порядка. И часто призывает отчитываться перед заводским коллективом, хотя завмаг, конечно, неподотчетен ему, разве только в моральном плане. А он-то, моральный план, оказывается, самый главный и есть...

Или еще одна распространенная здесь форма: рекомендация рабочего коллектива на должность. Недавно так было в кузнечнолитейном цехе, который несколько месяцев все отставал и отставал, а в коллективе царил разлад. Только после того, как партийный комитет внимательно исследовал облик руководящего звена цеха, а администрация завода освободила от работы всех негодных руководителей, сами рабочие цеха назвали хорошую им замену.

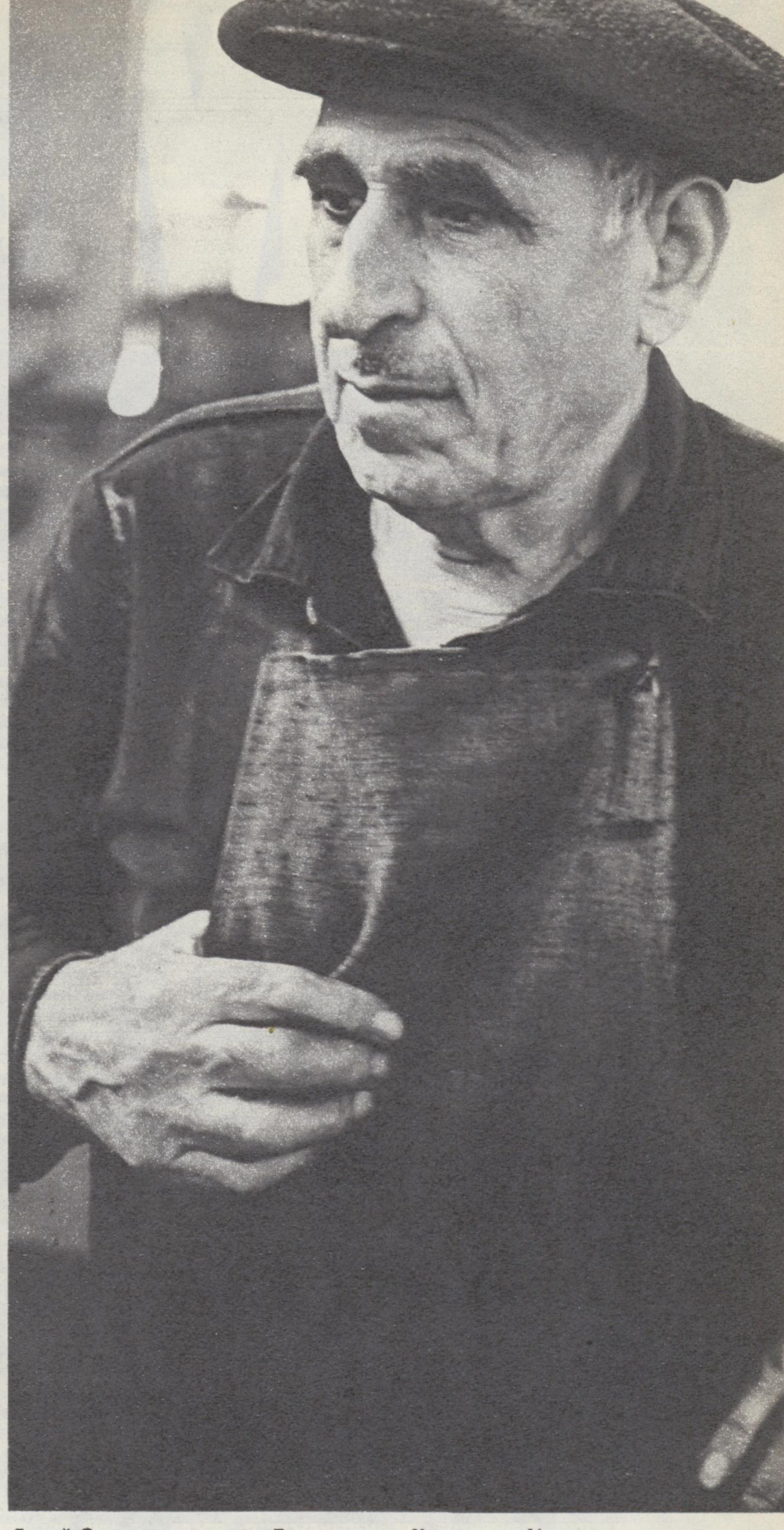
Кстати, вот пример и с самим секретарем партийного комитета завода. Когда прежний секретарь ушел отсюда на выдвижение в район, рабочие вспомнили одного отличного паренька, Карло Гуджабидзе. Сначала, в шестидесятых годах, Карло приходил на завод работать два раза в неделю как старшеклассник железнодорожной школы. Получил здесь разряд токаря. Сам он из интеллигентной семьи медиков. Думали, пойдет и сын по стопам родителей, тоже станет врачом. Но завод уже завладел сознанием молодого Гуджабидзе: он избрал техническую специальность, получил диплом инженера-механика и вернулся в механический цех, поначалу наладчиком. Здесь с лучшей стороны раскрылся его тихий, спокойный, но очень настойчивый характер. Лет через шесть Карло выдвинули в народные контролеры, он стал работать

Депутат Верховного Совета ГССР токарь Гиви Гачечиладзе.

Пятьдесят лет работает на ЭВРЗ слесарь Александр Ростиашвили. Дом, в котором он живет, помогли построить товарищи по работе.

Герой Социалистического Труда кузнец Константин Илуридзе.

в республиканском комитете. Но, формально уйдя с завода, грамотный и толковый специалист не ушел из внимания коллектива. Вот кто мог бы возглавить партком! «Вернуть бы его!» — затребовали коммунисты. И в третий раз возвратился на ЭВРЗ Карло Васильевич Гуджабидзе...

Из многих интересных начинаний нового парткома назовем хотя бы одно — родительское общество. Слышали о таком? Скорее всего, нет. А здесь оно создано полтора года назад. И за это время уже немало сделано. Например, из фондов материального поощрения выхлопотано 16 тысяч рублей для многодетных семей. Многодетным жильцам кооперативного дома завод погасил взносы, как бы взял их «на себя». В университете педагогического и медицинского образования члены семей работников завода получают элементарные знания о воспитании и здоровье детей. Конкурсы выявляют лучшую певческую, лучшую спортивную семью. В обрядовом зале при заводском музее проходят комсомольские свадьбы, встречи с ветеранами партии, проводы в армию...

Все эти вопросы ведет партийный комитет. Ведет, не умаляя ничьей инициативы, не отнимая у людей право на самостоятельность. Например, на место руководителя координационной комиссии по проблемам семьи удивительно удачно пришлась кандидатура токаря Гиви Сергеевича Гачечиладзе. Человек спокойный, уравновешенный и вместе с тем целеустремленный. Море добра, тепла, скромности, обаяния, готовности броситься на помощь, выручить, добиться справедливости. Но... только если человек того заслуживает. А то вот как было у него с сыном Мерабом...

Вернулся Мераб из армии — энергичный, веселый парень. Тут же выбрали его цеховым комсомольским секретарем. И тут же, не переводя дыхания, подал он заявление о приеме в партию. Все сказали: конечно, принять! А отец Мераба, Гиви, член заводского парткома, взял слово и отклонил кандидатуру: «Нет, преждевременно. Мало пока сделал полезного...» Пришлось согласиться с доводами взыскательного отца. Через некоторое время Гиви с чистым сердцем поднял за сына руку...

Да при всем при том Гиви Сергеевич Гачечиладзе, депутат Верховного Совета республики, почетный гражданин Тбилиси, остался высококвалифицированным рабочим вспомогательного цеха. Его по-прежнему называют «скорой помощью» завода: если сломался станок, испортилась деталь — Гиви разберется, выточит, починит. Как успеть? Да по вечерам, после рабочего дня!

Вот такой человек развил активную деятельность родительского общества. Можно себе представить, как это непросто — вникать в семейные конфликты, улаживая их, хлопотать о жилье матерям-одиночкам и многодетным, быть в курсе академической успеваемости детей рабочих... Непросто все это, но очень нужно людям, потому что именно внимание к человеку сплачивает, утепляет жизнь, делает людей ближе друг к другу. И действует Гиви Гачечиладзе не только от своей благородной души: он в первую очередь от имени своей партии действует.

...В бывшей заводской конторе управляющего еще сохранилась столетняя лестница. Глубокие выбоины на ней от миллионов ног, от грубых рабочих башмаков. Иногда, в большие праздники, густо забасит над округой старый заводской гудок. Его слышали многие. Даже Горький, тогда 23-летний Алексей Пешков, слышал, направляясь на работу в малярный цех. Гудок — это память... А вокруг все расширилось, раздвинулось, приняло современный облик. И нарядные, свежевыкрашенные, голубеют на заводском дворе вагоны метро. Те самые вагоны, которые бегают уже под землей Тбилиси, Баку, Еревана. Очень все меняется. Да и как же иначе? Только есть что-то постоянное в сердцах коренных тружеников завода, в их поступках, в самом воздухе цехов. Может, идет это от тех славных лет, когда в заводских стенах начинал отковываться в огне грузинский рабочий класс...

Мрачная годовщина

Владимир КОВНАТ,
корреспондент - кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке
Фото автора

Более года назад — 4 июня 1982 года — небо Ливана заполнили бомбардировщики и штурмовики, пилотируемые израильскими летчиками. Корабли израильского флота двинулись к ливанским берегам. Тяжелая артиллерия открыла огонь по городам и деревням юга страны.

Во второй половине дня Бейрут подвергся бомбардировке с воздуха. Одновременно бомбы и ракеты «воздух — земля» посыпались на всю южную часть республики Ливан от Тира и Набатии до Бейрута.

Этот удар намного превосходил все, что видели и пережили ливанцы в предыдущие годы. 5 июня, едва взошло солнце, обстрелы и бомбардировки возобновились с новой силой. А 6 июня 1982 года, в 12 часов 20 минут, оккупационная армия Израиля хлынула на Ливан, отбросив со своего пути малочисленные и легковооруженные батальоны ООН. Марш израильтян на север начался с унижения солдат и офицеров находящихся в Ливане сил Организации Объединенных Наций. Резолюцию ООН о немедленном прекращении агрессии и полном выводе израильских оккупационных войск из Ливана сионисты оставили без малейшего внимания.

Об израильском вторжении в Ливан и битве за Бейрут уже написано немало книг, сняты тысячи километров видеоленты и кинопленки, сделано огромное количество фотографий. Жаркое лето 82-го оставило в памяти людей неизгладимый след; блокада Бейрута навсегда останется примером бесчеловечности и вандализма агрессора. Если в течение предшествующих десятилетий сионизм не раз пятнал кровью соседей свой бело-голубой с шестиконечной звездой флаг, то жестокость пресловутой операции «Мир Галилее» потрясла весь мир. В эти первые дни страшной войны в Ливане лидеры Америки и ряда европейских стран ханжески выражали Израилю соболезнования по поводу покушения экстремистов на израильского посла в Лондоне. Они слали премьеру Бегину такие прочувствованные телеграммы, что и камни могли бы прослезиться. А в эти самые дни на наших глазах летчики Бегина и Шарона сбрасывали на беззащитный Ливан тысячи тонн взрывчатки и металла.

Не имело никакого значения, что Организация освобождения Палестины осудила нападение фанатиков на израильского посла, объявив эту акцию провокационной. Израилю был нужен формальный повод, чтобы спустить с цепи свою застоявшуюся и жаждавшую крови военную машину, возглавляемую тогда Шароном. И было совершенно неважно, что люди на площадях израильских городов кричали: «Шарон — убийца!» Выполняя давно уже разработанный в деталях план, израильская армия катилась по дорогам Ливана, как огненная чума, сея на своем пути разрушения и смерть.

Ни телезрители всего мира, ни непосредственные свидетели побоища даже не представляли себе, как далеко может зайти сионизм в своем зверстве. Но рушащиеся многоэтажные дома, пылающие жилые кварталы, обожженные, искалеченные и растерзанные взрывами американских бомб и снарядов женщины и дети, их крики, заглушающие канонаду,— все это убеждало нас: фашизм жив!

Снимая атаки израильских бомбардировщиков, мы думали: как же это могло вернуться из прошлого? Ведь прежний страшный опыт так дорого стоил населению Земли. Как могла армия народа, пережившего столько бед, озвереть до потери человеческого облика! Как могли эти молодые люди так быстро превратиться в автоматы убийства, послушные велениям обезумевших генералов! И с каждым днем блокады Бейрута, которая проходила перед нашими глазами, перед объективами наших камер, мы получали все более четкие и суровые ответы на все эти вопросы.

Ответы были в воспаленных глазах и на потрескавшихся от жажды губах детей, рядом с нами прижимавшихся к стенам домов на простреливаемых улицах. Нам отвечали лица девушек, обожженных огнем американских фосфорных снарядов. Отвечал нечеловеческий крик молодой женщины, пронзенной насквозь прутьями арматуры дома, взорванного израильской ракетой. Отвечала могильная утренняя тишина когда-то шумного и прекрасного города, тишина, в которой тихий детский плач летел от руин к руинам, а звуки изредка падающих на тротуары кусков стекла казались последними стонами убитых бомбами человеческих жилищ.

Все это были образы той войны, которую мы пережили, веря, что та война — последняя... Но теперь ее кровавый облик снова вставал перед нами, и гнев сжимал сердце. Обыкновенный фашизм пришел на Ближний Восток, и это был главный ответ. Повторилось то, что не должно было повториться.

А ведь вторжение израильских полчищ в Ливан не было чем-то неожиданным. За год до этого авиация Израиля разрушила бейрутский жилой район Факхани. Около часа длился этот налет. От взрывов тяжелых бомб и ракет многоэтажные здания превращались в груды колотого бетона. Подавляющим большинством жертв оказались дети, женщины и старики. Весь мир осудил этот агрессивный акт — и ничего не изменилось. Самолеты израильских ВВС продолжали хозяйничать в воздухе Ливана, регулярно летали над всей страной и ее столицей. Сионистские лидеры не переставали выступать с прямыми угрозами провести «широкомасштабную операцию». И провели.

В осажденном Бейруте самой модной одеждой периода жаркого лета 82-го была майка с надписью на спине: «Не стреляй!» А к концу войны появилась надпись: «Я перенес операцию «Мир Галилее».

Эту моду ввели иностранные журналисты.

Случалось, они бросали на землю свои сумки с аппаратурой и помогали вытаскивать из-под бетонных обломков раненых, участвовали в тушении пожаров. Нередко им приходилось наблюдать такие ужасающие картины, что видавшие виды корреспонденты забывали о своих теле- и фотокамерах, пораженные тем, что творилось перед ними. Ни население Бейрута, ни опытная, обстрелянная пресса не могли подчас связно рассказать о том, что видели несколько минут назад. Нужно было какое-то время, чтобы осмыслить этот ужас, найти в человеческом языке слова, выражающие бесчеловечность происходящего...

Да, конечно, если бы израильским пилотам было приказано зарезать ножами тысячи беззащитных людей, пилоты, уж наверное, не выполнили бы такой приказ. Но убивать людей сразу сотнями, ударив по многоэтажному зданию пятисоткилограммовой авиабомбой,— это они делали не задумываясь. Израильские артиллеристы всаживали снаряд за снарядом в уже горящие дома. Экипажи израильских ракетных кораблей стреляли по квадратам карты Бейрута, но их ракеты падали не на абстрактную карту. Визг реактивных снарядов стоял над городом, взрывы крушили жилые кварталы, вызывали пожары, убивали всех, кто не успел укрыться. Горожанам приходилось сидеть в подвалах по нескольку суток. Без свежего воздуха, мучимые жаждой и голодом, эти люди не отрывались от радиоприемников, ожидая известия о временном прекращении огня. Но нередко авиабомбы, пробив дом насквозь, взрывались и в убежищах. Нужно ли описывать, что тогда происходило? Или еще хуже — обрушившийся дом заваливал подвал, и люди медленно умирали в укрытии, ставшем для них склепом. Не было ни машин, ни горючего, чтобы раскопать многотонные бетонные завалы. Не было воды для тушения пожаров: ведь оккупанты перекрыли вентили водопровода. Не было бензина для санитарных машин, да и большинство автомобилей «Скорой помощи» были повреждены осколками бомб и снарядов. С каждым днем блокады оставалось все меньше врачей, санитаров и спасателей: они отважно бросались в самые опасные места и часто становились жертвами израильского огня. Подошли к концу медикаменты. Невозможно стало вытаскивать из-под руин тела погибших. В городе развелось огромное количество крыс. Тучи жирных мух копошились на свалках: некому, не на чем и некуда было увозить накопившиеся кучи мусора из города, окруженного израильской армией. Невозможно описать, что происходило в десятках временных госпиталей, развернутых в гостиницах и школах. Ведь в Бейруте не было электричества, дизельное топливо сгорело в хранилищах, подожженных израильскими бомбардировщиками, остатков солярки не хватало даже для больничных дизелей. Врачи делали операции при свете свечей, но и свечи оказались на исходе. С колоссальным трудом Детский фонд ООН уговорил израильтян пропустить в Бейрут несколько цистерн с питьевой водой для детей. Но этой воды не хватило и на полдня.

Даже во время бомбардировок и обстрелов по городу брели обессиленные жаждой и недосыпанием женщины, мужчины и подростки с канистрами и бутылками в поисках воды для детей, сидевших в подвалах.

С начала израильского вторжения в Ливан миновал год. Все, что твердили лидеры Израиля, начиная свою очередную агрессию, оказалось ложью. Уничтожить Организацию освобождения Палестины им так и не удалось и никогда не удастся. Сопротивление израильской оккупации растет и в Ливане, и на Западном берегу Иордана, и в секторе Газа. Израиль предпринимает действия, обеспечивающие его постоянное пребывание на юге Ливана. Покровитель сионизма — американское руководство наращивает свои военные силы на Ближнем Востоке и строит базы на ливанской земле. Не в этом ли главная цель устроенной Израилем бойни! Цель, о которой умалчивали и Тель-Авив и Вашингтон. Разве не для этого президент Рональд Рейган и его правительство до немыслимой степени накачали и продолжают накачивать маленький агрессивный Израиль самолетами, танками, ракетами и другими средствами массового уничтожения людей! Сионистские лидеры давно научились превращать свою молодежь в послушное орудие агрессивной американо-израильской политики. Господа бегины, шароны и аренсы сумели внушить большей части израильского народа расистские идеи исключительности и, следовательно, «полного права» на господство в ближневосточном регионе... а может быть, и более широкого господства «Великого Израиля»!

Отсюда и любимая Бегином доктрина «превентивных» ударов по арабским соседям.

И снова международная пресса сообщает, что в годовщину своего вторжения в Ливан израильское руководство концентрирует войска для удара по Сирии...

Бейрут.

●

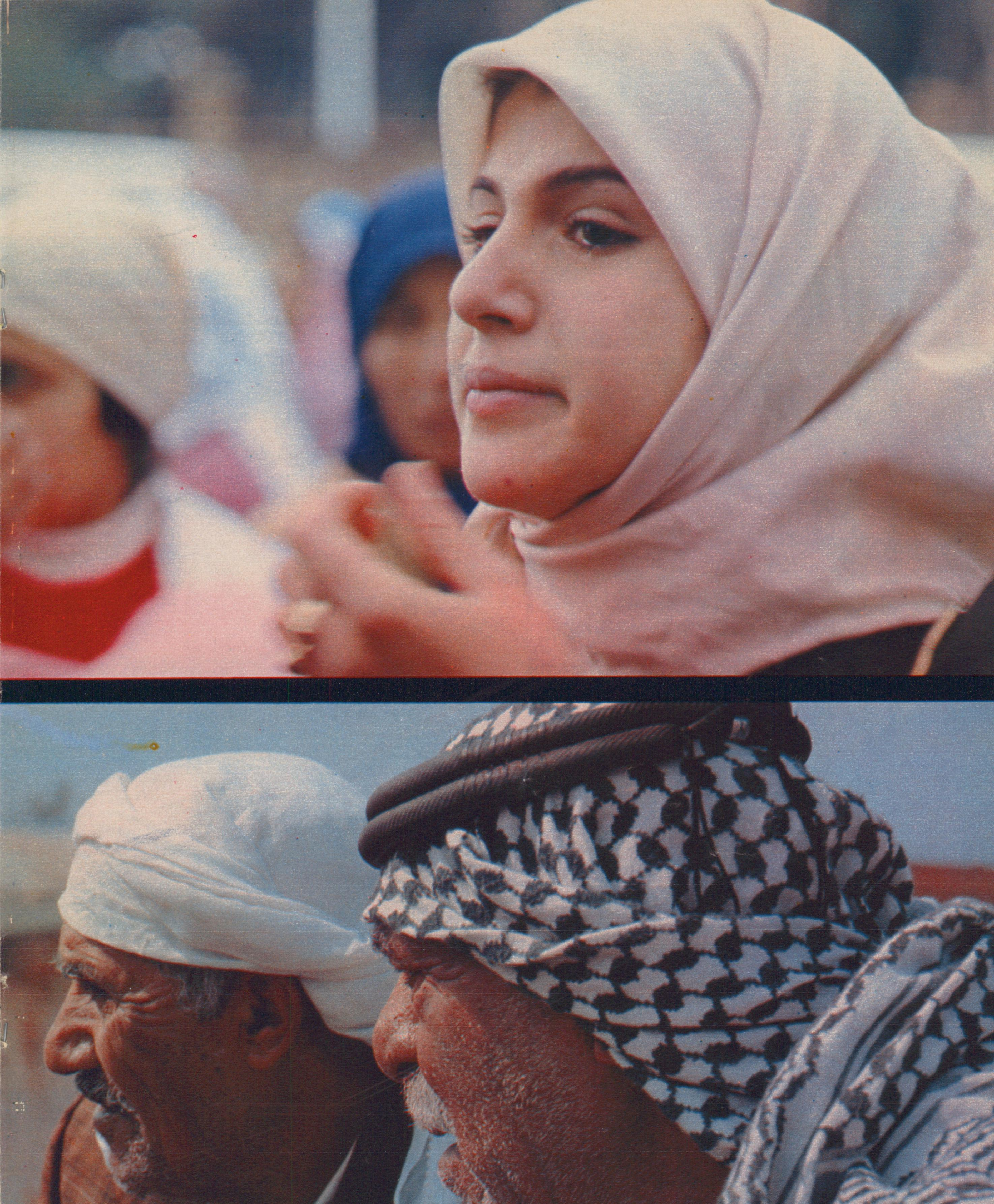
Вот что сделали оккупанты с Бейрутом — одним из красивейших городов Ближнего Востока * Американские «миротворцы» на земле Ливана * Патрульный бронетранспортер на улице ливанской столицы.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Дым пожарищ над Бейрутом * Кто вернет наших детей! * Увидят ли они свою родину!

О. ПЕТРИЧЕНКО

ПОЕТ ГАЛИНА КОВАЛЕВА

...По вечерам в рабочем клубе крутили старые зарубежные фильмы, и странно звучала пылкая незнакомая речь под неистовый аккомпанемент рвавшейся в окна вьюги. Разогнавшись где-то в глухих заволжских степях, она с посвистом налетала на приземистые саратовские предместья, и Галя, отогреваясь в душном тепле крохотного кинозала, пропахшего махрой и семечками, с дрожью думала о дороге домой в выстуженном насквозь пригородном автобусе: пятнадцать километров от центра он одолевал едва ли не за час, все норовя заснуть в каком-нибудь придорожном сугробе... Кутая горло и ноги, девочка не уберегла рук, и теперь саднящая боль навсегда поселилась в кончиках примороженных пальцев. Боль уступала лишь солнцу и клавишам: теплу, что давали душе лето и музыка. Но до лета было далеко, а клубный рояль был расстроен... И, согревая дыханием пальцы, Галя в который раз смотрела волшебную кинosказку про стремительный взлет простой провинциальной девчонки от безвестности к славе.

Страсти на экране бушевали. Бутафорские страсти бутафорской жизни с непременными кознями стареющей премьерши, запоздалым раскаянием неверного кабальеро... Единственной реальностью фильма был голос — прекрасный и сильный голос настоящей звезды, озвучившей фильм и тем принесшей славу посредственной картине.

Ее голос был не хуже: она знала это так же точно, как и то, что перед началом следующего сеанса выйдет на скрипучую эстраду фойе; среди ее случайных, торопливо дожевывающих буфетные бутерброды слушателей не будет благородного волшебника-импресарио, а будет несколько равнодушно-вежливых хлопков, а затем спасительный для самолюбия третий звонок, приглашающий всех, кроме нее, в кинозал. И снова долгая вьюжная дорога домой, к ворчливой, недовольной ее поздними возвращениями хозяйке, у которой она снимает комнату.

...Пройдет всего несколько лет. И зрители разнесут этот клуб на кирпичики, чтобы только попасть на ее концерт! Кирпичи разберут на сувениры! А на этом месте построят оперный театр. Это, конечно же, мечты. Но до чего же хорошо мечтается в юности! Как сладок воздух надежды, как беспредельна синяя, солнечная даль над утренней Волгой...

Реальное, подлинное утро начинается с работы. Ею будет плотно заполнен весь день и часть вечера, до той самой минуты, когда придет время отправляться в кинотеатр — зарабатывать на хлеб в придачу к картошке и прочим огородным деликатесам, что присылает бабушка в посылке. Некоторые ящики ей знакомы, на обратной стороне фанерных крышек родительский адрес написан ее собственной рукой. Ведь еще недавно она была вполне самостоятельным человеком — учительницей начальных классов — и могла, хотя бы иногда, порадовать домашних саратовскими гостинцами. А сейчас?! Сейчас она сама первоклассница! У нее то ли от жестокой диеты, то ли от фантастической перегрузки часто кружится голова. Ведь 14—16 часов музыки в день — это фанатизм. Ну, а что делать, если студентка консерватории толком не знает элементарной нотной грамоты?..

Честно говоря, такое и представить трудно. Однако судьбы людей талантливых редко следуют наезженной колеей. В силу каких-то неведомых законов им, почти как правило, достаются дороги каменистые, с крутыми поворотами. Пробьешься — твое счастье. Нет — не обессудь...

Вот так было и с Галей Ковалевой.

Росла она на Кубани в счастливой семье. Мечтала стать учительницей, как мама. Любила петь, как отец — редкой красоты, одаренности и обаяния человек... Что случилось с ней после его гибели на Курской дуге, этого не смог определить ни один врач — диагноз был общий: война... Но успела закончиться война, а Галя все еще таяла как свеча. Год лежала. Спасла ее бабушка, отпоив какими-то чудодейственными травами. Доктора, поблагодарив бабушку, посоветовали внучке сменить климат, она послушалась: оставила родной курортный городок Горячий Ключ и переехала в Саратов. Там, кстати, объявили в порядке какого-то эксперимента набор в специализированный одиннадцатый класс, дававший диплом учителя. И первоклашки через год впервые назвали Галину Александровну по имени-отчеству.

Жизнь снова обрела для нее конкретные очертания. Она увидела доверчивые, любопытные детские глаза и твердо решила повторить профессиональную судьбу своей мамы. И даже обиделась на коллегу, старого математика, мягко, но убежденно сказавшего ей, что она занимается не своим делом. Там, на праздничном школьном вечере 8 Марта, где все услышали очень приятный, сильный ее голос, математик ощутил редкостный дар, требовавший умелой огранки.

Он был уже очень стар. Возможно, он так и не узнал, что в тот вечер совершил главное открытие своей жизни. Сама же Галина приняла его слова за обычную любезность. В консерваторию на прослушивание согласилась пойти из чистого любопытства: приемные экзамены там давно закончились. К тому же она, если честно говорить, не слишком хорошо представляла себе, что от нее требовалось.

Ее дедушка был великолепным краснодеревщиком, изготовлявшим уникальную мебель. Но мастером он стал лишь тогда, когда обнаружил сам в себе непонятную власть над деревом, упруго, но покорно подчинявшимся его воле. Бабушка понимала душу и назначение трав; эти способности ей тоже дала природа. А Галя — как птица — от рождения умела петь!.. Она могла спеть все, даже то, что случайно всего раз услышала. Но разве такому могут научить?..

У нее абсолютный слух и изумительный, природой поставленный голос... Ее зачислили сразу же, без экзаменов. Но чтобы реализовать все это, нужен был не только титанический труд. Нужна была прежде всего глубокая внутренняя убежденность. Такой убежденности у Гали не было.

Помогла «Аида». Впервые в жизни побывав в оперном театре, Галя испытала настоящее потрясение — она неделю проболела. Перед ней вдруг открылся невыразимо прекрасный, возвышенный мир, у подножия которого она ощутила с горьким недоумением собственное бессилие. Переход был слишком резок. Сгоряча она решила все бросить, еще и не начиная.

Спасибо Ольге Николаевне Стрижовой, первой наставнице, почти ровеснице; поняв смятение своей ученицы, утешать ее не стала, просто сказала: «Будем работать вместе. Очень много работать!»

Предстоящая дорога показалась вдвое легче, но короче она не стала. Начинать надо было с азов. С тех азов нотной грамоты, которыми занимаются девочки с бантиками еще в первом классе музыкальной школы. И надо было еще как-то зарабатывать на жизнь.

Вот так и сложился подвижнический распорядок дня. Так сложился и характер — упорный, умеющий все подчинить цели, сколь фантастической она ни казалась бы. За два года она сумела не просто «ликвидировать задолженность», но стать лучшей и перейти на третий курс, заслужив высшую награду консерватории — стипендию имени Собинова.

Чего стоили ей эти два года! Тюрьмой ли, счастьем для нее были пять нотных линеек, ограничивших мир на то время... Знает об этом только она сама. Но как бы то ни было, черновая работа осталась позади. Теперь она снова ощутила легкую, пьянящую уверенность в себе. Не ту самонадеянную, что была раньше. Совсем новую, трудом рожденную убежденность, что у нее обязательно все получится, только не ленись!

Уже на четвертом курсе ей предложили вступить в труппу Саратовского театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского. И еще более ужесточился распорядок дня. Утром учебные аудитории; днем репетиции в театре; вечером Марфа в «Царской невесте», Розина в «Севильском цирюльнике»... За два сезона она исполняет восемь партий высочайшего вокального класса; трудно припомнить еще чей-либо столь же впечатляющий дебют!

Далее уж взаправду повторился сюжет волшебной киносказки про чудесный и стремительный взлет простой провинциальной девчонки. Взлет от безвестности к славе. Девчонки, которую и в самом деле увидел и услышал седой благородный импресарио.

«Импресарио», то бишь член художественного совета Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, отдыхал в Кисловодске, где в то лето гастролировали саратовцы... Об этом она узнала лишь в Ленинграде, куда ее той же осенью пригласили на прослушивание.

Она блестяще сдала теперь и этот — пожалуй, важнейший в ее творческой судьбе — экзамен, покорив строгое, много чего повидавшее на своем веку жюри.

31 декабря 1960 года кировцы преподнесли зрителям, пришедшим на «Севильского цирюльника», поистине новогодний подарок. Искушенные ленинградцы сразу разобрались, какой красоты звезда взошла на их оперном небосклоне.

Наверное, здесь следовало бы поставить точку, потому что далее идет ровный, уверенный восход к вершинам славы. К признанию, далеко перешагнувшему границы нашего государства. Сегодня голос Ковалевой даже итальянцы, сдержанные на похвалу чужих талантов, назвали «одним из голосов века». Что же можно о нем сказать еще — право же, музыку, как и любовь, красоту весеннего луга, надо пережить и ощутить самому... Впрочем, вот выдержки из письма, одного из многих, пришедших к ней после недавнего показа телефильма «Пою мои мечты».

«Многоуважаемая Галина Александровна! Сегодня пережил счастливый день — открыл Вас. Ничто не предвещало открытия. Тяжелый день: с утра — пленум (я секретарь райкома партии), потом дела по промышленности и строительству, встречи с людьми, звонки, решения. Словом, обычный наплыв. Дел особенно много сейчас, после изнурительной трехмесячной уборочной кампании. Пришел домой, очень уставший, около десяти часов вечера. Все мои уехали к бабушке — она приболела. Включил телевизор, посмотрел спортивный раздел программы «Время», и на кухню, перекусить. Возвращаюсь в комнату и застыл: Марфа! Она — моя, до слез любимая, трогательная ария из «Царской невесты». Но кто поет? Легко, воздушно, полетно! Взглянул в программу — «Пою мои мечты», Галина Ковалева. Потом «Лючия ди Ламмермур», в которой я всегда помнил Гоар Гаспарян. Слушая Вас, испытал подлинное наслаждение: именно такой голос я ждал — свободный во всех регистрах, радостный; тонкое звуковедение; сопрано звучит кантиленно...

Это было какое-то волшебство, унесшее меня высоко в заоблачные просторы, где одна пронзительная синева и яростное, ослепительное солнце.

Я очень люблю оперу, знаю ее, немного пою сам. Но знание имеет и свою оборотную сторону — очень редки в нашем взрослом мире открытия и искренние потрясения. Но как перерождают, очищают они, если все-таки случаются. Вот почему считаю, что сегодня мне очень, очень повезло. Благодаря Вам одним поэтом стало больше. Нет, не стихи сочиняет он, ему творить повседневное дело, еще тоньше воспринимая людей, проявляя заботу о них, решительно выступая против всякой фальши, диктата в окружающих и в себе. Спасибо!

В. Дубков».

Да, талант Ковалевой уникален...

Она очень много гастролирует, забираясь порой в самые «медвежьи» уголки.

Исключительная работоспособность помогает ей в течение года готовить по нескольку новых концертных программ. В них не только арии, но и лучшее из мировой сокровищницы камерной вокальной музыки, народные песни, старинные романсы...

Ковалева — профессор, воспитавший достойных преемников... Многое можно было бы сказать о серьезных общественных делах коммунистки Галины Ковалевой. Но и тут важна отдача — не случайно выдвижение Г. А. Ковалевой на соискание Государственной премии РСФСР первыми предложили судостроители Адмиралтейского объединения: с ними Галину Александровну связывает прочная, давняя дружба.

Народная артистка СССР Галина Ковалева.
Фото Э. Эттингера

Татьяна
АНДРОНОВА

УБИЙЦЫ XX ВЕКА

Всеведущее «Время» на экране,
и снова — сообщенье о Ливане...
На карте контур желтого овала,
там истребляют нелюди народ,
как будто тень походов Ганнибала
из древности встает!

О, сколько ты, Земля, убийц взрастила!
Земля, взрасти любви и жизни силы!
Вот снимки Хиросимы, Нагасаки,
всплывает серый гриб в кровавом мраке!
Навеки замерла пред палачами
истерзанная муками толпа,
глядят сожженные людские черепа
сгоревшими очами!

О, сколько ты, Земля, убийц взрастила!
Земля, взрасти любви и жизни силы!
И в памяти борьба с ордой фашистской,
в полях Европы — наши обелиски,
а крематории и лагеря чужие!
Вы — женщины, солдаты, старики,
при вас грохочут войны мировые
рассудку вопреки!

О, сколько ты, Земля, убийц взрастила?
Земля, взрасти любви и жизни силы!
Трагедия Вьетнама, Кампучии,
Ливана, Палестины, Чили!
Мильоны изгнанных, зарезанных, убитых,
ни обездоленным, ни мертвым нет числа!
И наша Родина на помощь и защиту
народы призвала!

О, сколько ты, Земля, убийц взрастила!
Земля, взрасти любви и жизни силы!

●

На пороге таинственной эры
не изменимся мы —
будет атомный пламень сверх меры
тешить чьи-то умы;

будет кто-то в рядах душегубов
разрушать и стрелять,
будет кто-то в рядах жизнелюбов
лик Земли обновлять;

а вокруг будут снова вовеки
средь лесов и степей —
те же горы, пустыни и реки,
волны тех же морей;

будут те же дожди, то же небо,
смена лет без конца,
будут люди ждать счастья, и хлеба,
и согласья в сердца;

так же юность в душевном смятенье
будет чувством вольна,
так же молодость — в вечном боренье,
так же мудрость сильна.

●

Не приемлю ничье уверенье,
что сильней в людях слабость и зло.
Может быть, мне
(за гордость смиренья)
встретить лучших не повезло?
Но себя отвлекая от грубости
этих дум, все ж прошу, расскажи,
почему в озаренье и в тупости
одинаково ценится жизнь?
И в смятенье таком сумасбродном
я задам тебе странный вопрос:
разве в мире,
для счастья пригодном,
изворотлив глупец,
умный прост?

●

Распрощалась с твоим покровительством,
а живу пока что на свете,
и не в тягость мне это мучительство,
каждый миг его лишь приветен!

Так приветен, что вовсе не помню
о таком большом неудобстве —
о твоей нелюбви огромной
и невиданном благородстве...

Благородстве — не быть спесивым,
благородстве — надеждой не тешить,
благородстве — убить красиво,
благородстве — не знать, кто грешен!

Отойди же, умерь беспокойство,
одинаков мотив сладких песен!
У любви есть великое свойство —
разлюбить, вот и мир не тесен...

●

А повсюду люди наивные
(люди искренние) беспечны,
души их неоглядно призывные
и слова неоглядно сердечны!

Так и я, не ждала отреченья,
глаз доверчивых не отводила,
в них любви и надежды свеченье
полудетской защитою было
от простого, лихого предательства,
от холодных душевных расчетов,
от ничтожнейшего обстоятельства,
когда нет доброты у кого-то...

Но при том, как ни станет глумливей
и презреннее жизнь казаться,—
чем старее Земля, тем счастливей
все ж окажутся не мерзавцы!

ЛЮБИМОМУ

В час судьбы предрассветный
о чем думаешь тайно?
Домик твой неприметный,
а Россия бескрайна...

Мне б хоть слово услышать,
только гордость безмолвна,
а обида превыше,
а Россия огромна...

И предчувствие краха
тоже встречу отдельно.
Тих и слаб голос страха,
а Земля беспредельна...

●

Любовь и счастье, будто бы не вам
мне душу возмущать в такие годы:
давно цена означена словам!
Им музыкой обмана не прельстить
крестьянскую мою
угрюмую породу,
дано ей свойство отрешенно жить.

И лишь в то время, когда тяжкий гнет
печалей разных все переиначит
перед глазами, боль и смех удачи
смешает вдруг и выдвинет вперед,
как знак судьбы,
ту ложь, что взор затмит,
и в сердце реквием нежданный загремит,—
тогда я вспомню музыку твою,
любовь счастливая, любовь и наваждение!
И в молодости давней, как в раю,
взликую, не стыдясь; а времени броня
хоть несдвигаема, но не смутит меня
и поднимается знакомое видение,
бегущий час внезапно заслоня!

Я вижу череду прекрасных дат
средь дней моих! Так горечь усмиряет
прощальный гнев и незабытый взгляд!
Вот облик твой встает, как наяву!
Вот счастье жизни сердце озаряет!
Ты, музыка любви,
тебя зову, зову...

●

Душу свою пожалей,
дай себе воли для счастья!
Разве средь добрых людей
буду обманчивость клясть я?

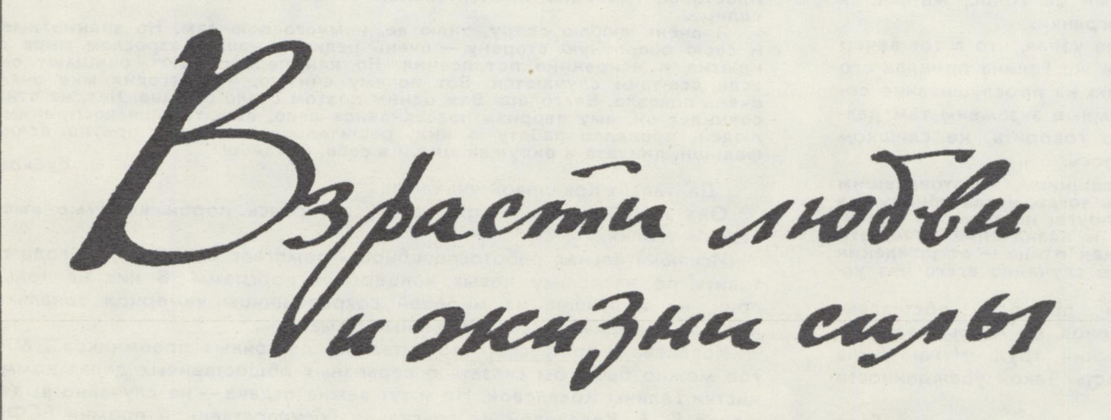
Добрые люди глаза
перед коварством опустят,
им о любви рассказать —
нет лучезарнее грусти.

О, бескорыстной молве
сердцем сочувствует каждый!
Во все времена человек
жизни возвышенной жаждал!

Так я ослепляющий свет,
взгляд твой, ловлю осторожно,
будто всеблагий ответ
сделать легендой возможно!

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Во лбу разумных слов исток,
в душе раскованной — доверье,

как белый каменный цветок,
горит ночник пред темной дверью.

Окно за синим полотном,
средь синих стен внушает нежность,
что в мире есть всегда одно
лишь постоянство — неизбежность;

что сквозь опущенную ткань
в свой час пробьются свет иль тени
и что ничья мирская дань
ту неизбежность не изменит;

что жизни бренной череда,
как всех, меня к себе впустила,
и всем — ни горя, ни вреда
от этой малости счастливой;

что мир вокруг пребудет наш,
и в нем со мною — дорогие.
Ура, до времени — мираж
все неизбежности другие!

И всем покой провозгласив
(живущим предрассветной ранью),
молчу, забывчиво скосив
зрачки во мглу за синей тканью.

«А может, все сейчас не спят? —
Я в дреме представляю смутно.—
Увы, душевный свой разлад
все обретают в миг безлюдный!

Все наконец-то снизошли,
как я, к простому примиренью:
пред неизбежностью Земли
склонились в сладком озаренье?»

●

О, без тебя, вдохновенье,
душа моя будто святая:
в ней ни страстей, ни ошибок,
ни обновления, ибо
смерти подобно забвенье!
Так перед ликом слепца
время бессрочно витает
(нет ни начал, ни конца)...

Но если в сердце проснется
восторженной Жизни ветер —
сразу: любовь и смятенье,
верность и тяжесть сомненья,
ибо все Жизнью зовется,
все, что при нас на Земле,
все, что нетленно на свете —
в прошлом и в будущей мгле!

●

Над безлюдьем луна царит,
пробуждая ночное раздумье,
в наших душах звезда горит
всего трепетней в полнолунье
(сердце — вестник, душа — вещунья).
Как таинственно грезится вдруг
независимость слов и последствий —
самый древний, желанный круг!

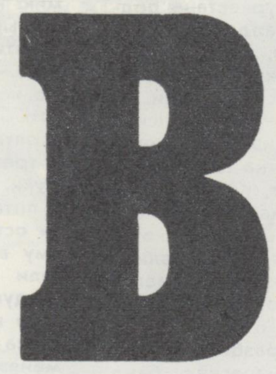
В этот час, понимая себя,
мы смиряемся мысленно с жизнью
и людьми, их добрее любя...
В этот час, может быть, укоризну
в легком сердце найдем справедливей,
и доверчивость нас озарит,
и, наверно, мы станем счастливей!
В этот час в просветленном порыве
в наших душах звезда горит...

●

Иду через весенний лес,
душа теплом опоена,
ни ликованья, ни чудес —
душа лишь волею полна,
весенней волею полна:
покоем солнца и травы,
свеченьем молодой листвы,
родными избами вдали —
всей этой вечностью Земли...

Борис **МАРБАНОВ**

ШАКАЛЫ В ВОЛЧЬЕМ ЛОГОВЕ

ертолет, словно ощупью, осторожно плывет в разреженном воздухе, скользит вдоль ущелья, держась солнечной стороны. Тут и там внизу раскрываются бездонные каменные колодцы. Лишь один опрометчивый или неосторожный маневр — и их темная бездна поглотит тебя.

Логово банды Хасана Абдулла хана находилось в глубоком ущелье, на крутом склоне, в пещерах. Снизу — щетина лесов, быстрые горные реки. Сверху — ослепительные снеговые вершины, зубья скал, а между ними — рваные сизые облака. «Волчья стая» — так прозвали бандитов Хасана Абдулла хана в окрестных селениях — здесь чувствовала себя в безопасности. Отсюда, из горловины лесистых ущелий, совершались налеты на мирные кишлаки, здесь хранили оружие и награбленное добро, сюда приносили ящики с динамитом, мины, гранаты, контейнеры с отравляющим газом, на которых стояло клеймо «Собственность армии США» или «Сделано в США».

Но пришел день, и ущелье содрогнулось от грохота взрывов. Ракеты и трассирующие снаряды, как молнии, били в каменные гнезда, сокрушая их в пыль и щебень. Бандиты отчаянно отбивались из реактивных гранатометов и крупнокалиберных пулеметов. Но десант окружил врага. Ураганным огнем ударили подтянувшиеся моторизованные колонны и другие пехотные подразделения. Уцелевшие бандиты побросали оружие. Те, кто не сделал этого, были убиты.

Хасан Абдулла хан пытался бежать, но его застрелил один из участников банды, бывший крестьянин, которого басмачи насильно увели из кишлака и под страхом смерти вынуждали участвовать в грабежах и убийствах. Тот же самый крестьянин показал нам пещеру, где бандиты устроили склад оружия и боеприпасов. Штабеля автоматов без обычной опознавательной маркировки, автоматы модели «62-S», копия нашего АК-47, патроны. Все это оружие выпускает американская фирма «Интерармз», существующая под эгидой Центрального разведывательного управления США. Зенитные пулеметы, гранатометы, противотанковые мины, ракеты «рэдай» («красный глаз»), минометы и огнеметы.

В пещере поблизости, где жили главарь банды и его приближенные, были захвачены документы, пачки денег, полевая радиостанция, карты местности, выпущенные в США.

Сотрудники ХАД — органов государственной безопасности Демократической Республики Афганистан — обнаружили среди трофеев кипы листовок на разноцветной бумаге. «Тем, кто имеет радиоприемники,— гласил текст одной из них на языке пушту,— исламский комитет еще раз доводит до сведения, чтобы знали, помнили и исполняли: слушать передачи из Кабула великий грех. Впредь это деяние будет наказываться штрафом в 10 тысяч афгани или отсечением головы».

Такими листовками душманы пытались запугать афганское население, настроить его против народной власти. Подобные воззвания печатались на пушту, дари и других местных языках. Но вместе с ними здесь оказались и листовки, написанные по-русски. Они привлекли особое внимание работников ХАД.

— Откуда эти бумаги? — спросил капитан Мухаммед Авзар захваченного десантниками душмана.

— Их привез караван из Пешавара. Там было два чужеземца. Один в куртке и шароварах, офицер. Он говорил на пушту. А другой пушту не знал, говорили они между собой по-английски.

Из показаний выяснилось, что офицер-чужеземец был не кто иной, как военный инструктор американской разведки по кличке «Билл», а коллега его — выходец из России, некий «Эдвард», агент ЦРУ и функционер эмигрантской антисоветской организации «Народно-трудовой союз» (НТС). Он был заброшен в Афганистан под видом корреспондента журнала «Посев», энтээсовского издания, финансируемого шпионскими службами США.

О том, для чего шакалу из НТС, наиболее оголтелой антисоветской организации, запятнавшей себя сотрудничеством с нацистами, пришлось затесаться в волчью стаю Хасана Абдулла хана, рассказывают материалы допроса арестованного бандита Закира Махмуда. Вот его показания:

— Вы сказали, что «Билл» и «Эдвард» принимали участие в налетах банды. Расскажите подробнее об этом.

— На дороге в районе Бехсуда мы остановили автобус. «Билл» и «Эдвард» находились тогда вместе с нами. «Эдвард» фотографировал то, что мы делали.

— А что вы делали?

— Мы выгнали пассажиров из автобуса, облили его бензином и подожгли. Затем всех обыскали, забрали деньги и документы. Деньги, серьги и кольца взял себе Абдулла хан, а документы он отдал «Биллу».

— Зачем «Биллу» были нужны документы?

— Он внимательно их просмотрел, вытащил из толпы трех мужчин, сказал, что они коммунисты и мы должны их убить.

Сначала им отрезали уши и выкололи глаза, потом отсекли головы. Пятерых, на которых указал Абдулла хан, решено было зачислить в банду. Один из них пытался бежать, но его застрелили.

— Что делал при этом «Эдвард»?

— После того, как мы убили того, который хотел бежать, «Эдвард» вытащил из своей сумки советскую военную форму с погонами и знаками отличия. Нам сказали, что ее нужно надеть на убитого, и мы сделали это. Затем «Эдвард» сделал несколько фотоснимков трупа. Он нам ничего не стал объяснять...

В антисоветской печати появляются снимки «жертв афганских народных мстителей». Фабрикация подобных фальшивок — дело специальных служб США. И к этому делу теперь привлекают прихвостней из НТС.

ЗНАКОМЫЙ ПОЧЕРК

Перед нами — груды листовок разного цвета и разных размеров. Их тащили в мешках по пыльным дорогам и горным тропам вместе с оружием и динамитом. Кто готовил эту отраву? Как попала она на афганскую землю? Листовки, рассчитанные на советских солдат, разбрасывают посредством специальных взрывающихся петард, подбрасывают в общественные места, засылают по почте. Набранный мелким шрифтом текст. «Мы, Российская политическая организация — НТС, не отделяем себя от вас, дорогие друзья...» Читаем дальше, и становится ясно, что пишет враг. Он подстрекает к предательству Родины, к пособничеству врагу. Ложь и ненависть тесно сплетаются в этих листках. Злобная, хитрая клевета. Набор «фактов» и «аргументов» известен.

НТС занимается акциями так называемой «черной пропаганды» — подрывной пропаганды под чужим флагом. Например, многие антисоветские материалы фабрикуются и размножаются за рубежом, а затем тайно забрасываются в Советский Союз с пометкой «голоса внутренней оппозиции», «самиздата». С НТС связаны наиболее яростные клеветники на Советское государство, которые выступают в широких антисоветских кампаниях империализма.

Деятельность «Народно-трудового союза» финансируется и направляется ЦРУ США. НТС тесно связан с радиостанцией «Свобода», по каналам которой на советскую аудиторию передаются пропагандистские материалы, публикуемые в журналах «Грани», «Посев» и книгах одноименного издательства НТС.

Энтээсовцы предпочитают выступать как представители «независимой национальной политической организации». Но все их разглагольствования насчет «независимости» и «популярности» НТС рассчитаны на простаков. Это не политическая организация, а филиал американской разведки.

Почему шпионско-диверсионные службы США остановили свой выбор на энтээсовцах, когда речь пошла об организации контрреволюционного фронта против ДРА и диверсиях против советских военнослужащих? Напомним, что с давних пор разведки западных стран, басмачи и махровая белогвардейщина из НТС повязаны одной веревкой.

В 20-е и 30-е годы басмачество было в контакте с общероссийской контрреволюцией. Басмаческие отряды вели совместные действия с белогвардейцами. Адмирал Колчак, генерал Деникин, белоказачьи атаманы Дутов, Толстов, Анненков «ломали лепешку» и делались кунаками с басмаческими вождями, оказывали им военную и другую помощь.

«Туркестанский союз борьбы с большевизмом» объединял белогвардейских офицеров и чиновников с местными буржуазными националистами. Деятели этого союза полковник Зайцев и полковник Корнилов с группой военных инструкторов пытались сформировать басмаческую армию. На Советскую власть в Туркестане подняли руку белогвардейские генералы и офицеры, интервенционистские силы, буржуазные националисты и басмаческие шайки.

Английские и американские агенты, набранные из белой эмиграции, действовали на территории Афганистана, Ирана, Китая и Турции, снабжали басмачей оружием, боеприпасами, деньгами. Некоторые из этих агентов проникали в Советскую Среднюю Азию и непосредственно участвовали в организации басмаческих отрядов. С их помощью остатки разбитых Красной Армией басмаческих банд уходили за рубежи страны, там пополнялись, вооружались и, накопив силы, снова вторгались на советскую землю. Подобной же тактике следуют в наши дни контрреволюционные банды в Афганистане.

Нынешние главари контрреволюционных банд в Афганистане — бывшие собственники-феодалы, которых экспроприировала Апрельская революция. Они не желают примириться с тем, что теперь в Афганистане каждая из трехсот тысяч ранее безземельных и малоземельных крестьянских семей получила землю.

И в преступном альянсе объединяются душманы, недобитки из НТС и западные спецслужбы. Хозяевам из ЦРУ не найти лучших исполнителей своих замыслов, чем энтээсовцы и бывшие члены «туркестанского легиона», о котором мы уже упоминали. Ведь у них за плечами опыт работы в аппарате дезинформации Геббельса, личного участия в пытках и расстрелах. Рука об руку с душманами энтээсовцы участвуют в преступлениях на территории Афганистана.

«Мы учителя. Только в этом была наша вина. Бандиты схватили нас и жестоко пытали. Держали в хлеву вместе с овцами. Мы уже не надеялись выжить»,— рассказали афганцы Абдул, Халяд и Касим, которых освободили из рук бандитов.

Учительницу Латифу бандиты похитили прямо из школы. На следующий день ее растерзанное тело было обнаружено поблизости от селения.

Маулави Хамида, имама мечети Итефа в Кабуле, застрелили во время молитвы. В своих проповедях он говорил о том, что народную революцию не остановить убийствами.

А вот рассказ матери, сын которой служит в вооруженных силах ДРА: «Был второй день рамазана 1360 (июль 1981 года). В два часа дня три человека с винтовками и гранатами вошли в мой дом. Они спросили у моего мужа, где наш сын. «Мы убьем его»,— сказали они. Муж ответил, что не знает, где сын. Тогда они стали жестоко избивать его и поносить за то, что он позволил сыну стать офицером армии. Потом они сорвали тюрбан с головы мужа, сделали петлю и повесили его. Я взяла священный Коран и протянула его убийцам, прося пощады. Они отшвырнули Коран и начали бить меня прикладами. Они сломали мне левую руку и ребра. Я потеряла сознание. Солдаты успели предотвратить поджог моего дома и спасли мне жизнь».

«Моего отца убили у меня на глазах за то, что он вступил в армию и помогал революции,— рассказывает Абдул Рахман, мальчик десяти лет, который живет в Герате.— Я перешел жить к дяде. Но и на его дом напали бандиты. Это было ночью. Два моих брата спрятались в водосточной канаве, а третий залез в мешок из-под муки. Бандиты схватили мою тетю и потащили с собой. Дядя пытался остановить их, они выстрелили ему в висок. Я видел, как вылетели мозги. Тетя убежала, но на следующий день мы нашли ее труп в ручье. Я остался один, без куска хлеба. Солдаты спасли меня».

Закир, житель Бехсуда, что в центральной части Афганистана, был на заработках в Кабуле. На обратном пути автобус, в котором он ехал, остановили бандиты. Двоих пассажиров застрелили на месте, остальных погнали в горы, избивая прикладами. Автобус сожгли. Затем приказали все выложить из карманов и раздеться. «Они наслаждались, видя, что мы все дрожим от страха,— рассказывает Закир.— Затем приказали тем, кто желает, убираться как можно скорее. Группа людей побежала. В них стали стрелять из автоматов. Бандиты смеялись, наблюдая, как падают и умирают люди. Среди нас были три женщины и два старика, которые не могли идти быстро. Бандиты поставили их на дороге и расстреляли. Наконец, нас привели к главарю. Я узнал его. Это был Гарибдад, который когда-то жил в моей деревне. В руке у него была американская автоматическая винтовка. Он сказал: «Ты теперь будешь с нами». Я устанавливал на дорогах мины. Расстреливал пленных. Мы отводили их к ущелью и после того, как забирали все из карманов, расстреливали и сбрасывали вниз. Я сам видел, как собаки питались их телами. Однажды мы заминировали дорогу и ждали в засаде. Вдруг услышали взрыв. Я увидел, как мина разорвала женщину с четырехлетним сыном...»

Аймил, житель Наджраба, свидетельствует: «В моей деревне контрреволюционеры хотели забрать в отряд молодого парня, местного жителя. Но он отказался, сказав, что недавно женился и хочет быть с семьей. Тогда его привязали к дереву и стали вырезать куски тела. Его молодую жену они увели с собой. Меня ранили в спину. Они думали, что я убит. Но я лежал на земле и все видел. Преступники рылись в одежде мертвых, забирали часы, бумажники, деньги. Я видел, как раненых они забили камнями».

Сайда Али был арестован во время поджога школы в селении Кама. Он признался, что при грабеже деревни Савгар (район Кама) вместе с сообщниками отрезал носы и уши двоим жителям деревни и сжег их амбары. В Кама Сайда Али и его соучастники сожгли дома, где находилось уездное управление. Они сообщили, что их готовили американские инструкторы в Варсаке и Парачинаре (Пакистан).

«Я провел год в районе Саддар Баззар в Пешаваре,— показал арестованный Вали Мохаммад.— Четыре раза в неделю военные инструкторы из США, Китая и ФРГ проводили с нами занятия по стрельбе, подрывному делу, обращению с оружием. Мы состояли в банде Юнуса Халеса. От нас требовалось создавать в Афганистане обстановку страха и неуверенности. Нужно было поджигать больницы и школы, разрушать дома и мосты, убивать людей. Я участвовал в поджогах школ Ходжа Муссафир и Кала Ваджид. Халес дал нам для этого оружие и взрывчатку».

КТО ЕСТЬ КТО

«Скажи мне, где ты держишь деньги, и я скажу, кто ты»,— любил повторять банкир Ротшильд-старший. Сегодня его наследникам нет нужды задавать подобный вопрос ни энтээсовцам, ни душманам. И те и другие хранят свои капиталы в банковских сейфах ротшильдовского клана.

Вот та основа, которая объединяет разбойников-душманов и не меньших, а только лучше замаскированных разбойников из НТС. Если говорить персонально, то в биографиях и тех и других видны многочисленные пятна крови, следы преступлений, предательство и жестокость. Посмотрим же, кто есть кто среди энтээсовцев и душманов, чем похожи они друг на друга.

Владимир Поремский — один из главарей НТС, работал клерком в парижской уголовной полиции. Однако это не мешало ему находиться в самой тесной связи с бывшим руководителем французских фашистов де ля Рокком. Поремский стал известен гестапо и после оккупации Франции переехал в Берлин. Здесь он поступил в распоряжение управления имперской безопасности, а затем — в ведомство Геббельса. Длительное время Поремский — комендант в школах немецких пропагандистов Цитенхорста и Вустрау и «основной» преподаватель по «еврейскому вопросу». Незадолго до капитуляции фашистской Германии Поремский бежал к англичанам. Вначале был арестован и посажен в лагерь, как военный преступник. Однако вскоре англичане освободили его, поручив сколотить ядро НТС. Впоследствии Поремский стал агентом ЦРУ.

Сабхатулла Моджаддади — главарь контрреволюционного «Фронта национального освобождения Афганистана», один из лидеров организации «Братья-мусульмане». При его активнейшем участии были созданы афганский филиал этой организации и ее молодежное крыло «Мусульманская молодежь». Моджаддади возглавляет также «Общество мусульманских богословов».

До Апрельской революции Моджаддади принадлежали огромные имения. Тысячи крестьян работали на его землях. Возглавляемые Моджаддади отряды душманов совершают налеты на ДРА, чтобы силой возвратить ему утраченные богатства.

Евгений Романов (он же Островский) — председатель исполнительного бюро НТС. До нападения гитлеровцев на Советский Союз проживал в городе

Днепропетровске. За уголовное преступление должен был предстать перед советским судом. Но избежал наказания: в город пришли оккупанты. Тотчас же предложил им свои услуги. Был назначен редактором фашистской газеты, которую стали выпускать в Днепропетровске. Романов пришелся по душе гитлеровцам. Беспринципен и исполнителен. По заданию немецкой контрразведки он открыл книжный магазин, где гестаповцы встречались с тайными доносчиками и предателями. Романов и сам шпионил за патриотами. Спасаясь от наступающей Красной Армии, Романов бежал из Днепропетровска. Затем попал в Берлин, на место ответственного секретаря редакции газеты «Новое слово». Его сотрудничество с гестапо продолжалось.

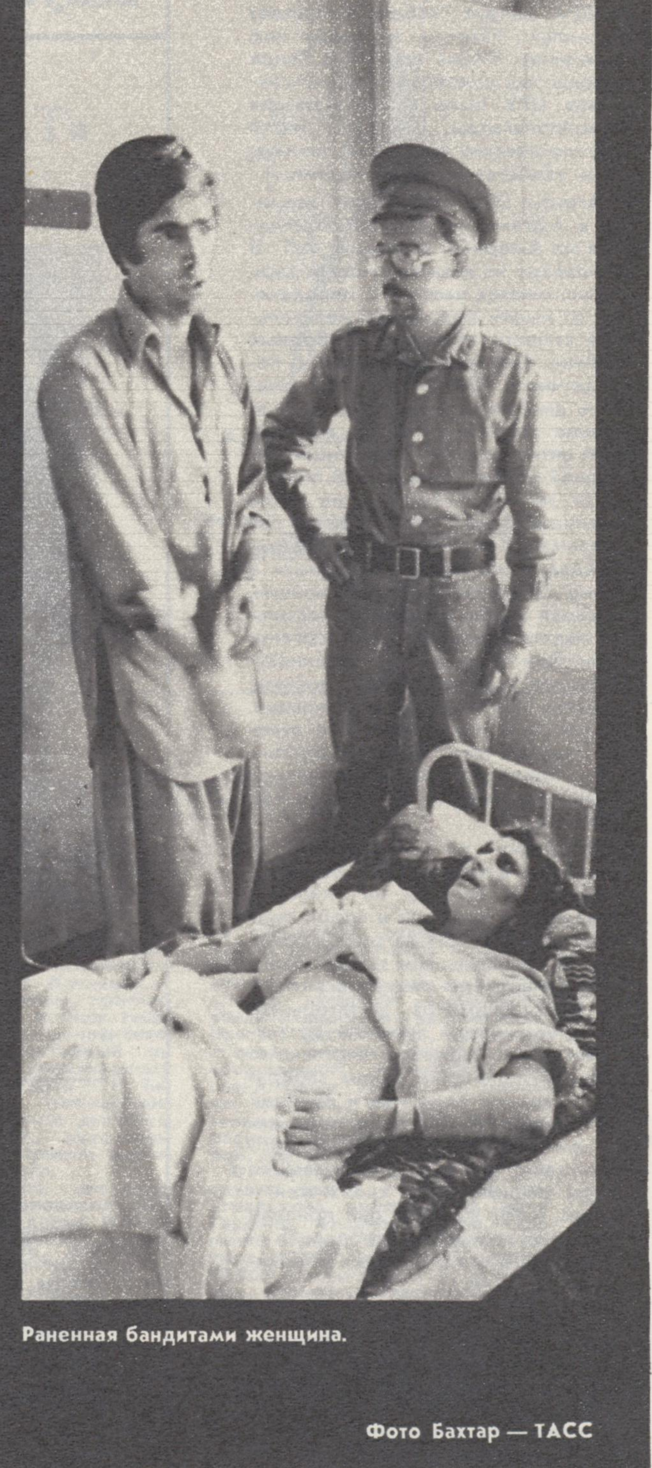
После войны Романов стал одним из организаторов так называемой оперативной деятельности НТС. Через него осуществлялось финансирование НТС американской разведкой.

Пир Сайед Ахмад Гилани — главарь душманов, до Апрельской революции имел крупную фирму по продаже автомобилей и земельных угодий в Джелалабаде, безжалостно обирал и грабил крестьян. Когда народная власть национализировала фирму, Гилани бежал в США, закупил там оружие, а затем создал диверсионно-террористическую банду в Пакистане. Он возглавляет так называемый Национальный фронт исламской революции Афганистана. Его сторонники — бывшие крупные землевладельцы, государственные чиновники и религиозные последователи.

Роман Редлих — энтээсовец, гитлеровский прихвостень. В прошлом агент гестапо. В начале войны работал в «восточном министерстве», старшим преподавателем в школах германских агентов в Цитенхорсте и Вустрау. Руководил разведшколой, которая готовила шпионов и диверсантов для засылки в тыл Красной Армии, а также для борьбы с партизанским движением. Одно время служил в дивизии СС, участвовал в казнях мирного населения. После войны оказался в Западной Германии и переметнулся к американцам. Работая на ЦРУ, стал сотрудничать с западногерманской разведкой. Занимается подрывной деятельностью в Афганистане по линии «закрытого сектора» НТС.

Гульбэддин Хекматиар, по прозвищу «Инженер»,— активист и один из лидеров афганской террористической организации «Братья-мусульмане». Родился в семье крупного землевладельца. Был отчислен из военного училища за гомосексуализм. В конце 60-х годов завербован ЦРУ США, по заданию которого в 1970 году совершил убийство студента кабульского университета. Но уже через два года хозяева вызволили Хекматиара из тюрьмы и в 1973 году направили в Пешавар сколачивать банду для действий «в особых условиях». После Апрельской революции Хекматиар стал главарем реакционной организации «Хезбе Ислами» («Исламская партия Афганистана»). Душманы из этой организации совершают налеты на дома культуры, поджигают школы. На счету банды 1479 разрушенных школ.

Образцы оружия, захваченного силами Народной армии и органами безопасности у бандитов и диверсантов, действовавших в афганской столице.

Раненная бандитами женщина.

Фото Бахтар — ТАСС

Александр Артемов (Зайцев) родился в Рязанской области. Летом 1941 года был призван в Красную Армию и направлен на фронт. Перебежал к немцам. Гитлеровцы направили его в шпионскую школу «восточного министерства». Окончив ее, работал преподавателем, обучал фашистских агентов-пропагандистов. Гестапо ввело его в состав так называемого «власовского комитета». В НТС вступил в 1942 году. Артемов считается «идеологом» НТС, составляет брошюры, листовки и другие фальшивки.

Бурхануддин Раббани, предводитель банды «борцов за свободу». Как и другие банды душманов, они не гнушаются никакими преступлениями: совершают убийства, грабят и терроризируют афганцев, разрушают школы и больницы. До Апрельской революции Раббани владел крупными поместьями в провинциях Кабул и Нангархар. Как и другие главари контрреволюции, Раббани теснейшим образом связан с ЦРУ, от которого получает оружие, боеприпасы, инструкции. Деньги на финансирование диверсий также поступают от ЦРУ на банковский счет Раббани в Омане. Крупные суммы он выручает и от торговли наркотиками: его агентов не раз арестовывали, в частности в аэропорту Дели, при попытках провезти контрабандным путем героин.

ИНСПИРАТОРЫ ЛЖИ

ЦРУ и армейская разведка США создали военно-пропагандистские подразделения для операций психологической войны на территории Афганистана. С их помощью банды душманов ведут обработку местного населения. Практически все контрреволюционные организации имеют в своих штаб-квартирах специально обученный и хорошо финансируемый пропагандистский аппарат — с газетами и журналами, радиостанциями, телетайпами, печатно-множительной аппаратурой. Типографское оборудование, бумага, краска поступают из западных стран. Так, на американские деньги душман Хекматиар издает в Пакистане и Иране

восемь газет и журналов, предназначенных для распространения в ДРА. Бандит Раббани выпускает несколько газет и журналов под названием «Лужа крови». В банде Каюма под руководством инструкторов ЦРУ была создана группа спецпропаганды. Кроме чисто идеологических акций, она занималась убийствами и поджогами.

Агенты ЦРУ организуют засылку в Афганистан радиопередатчиков из Америки, Франции, ФРГ. В Пешаваре на языках пушту и дари записываются кассеты с передачами от имени подрывной нелегальной станции «Радио — Свободный Кабул». Они транслируются с передатчиков ЦРУ. При этом участие американской разведки тщательно маскируется под «стихийную активность сочувствующей западной общественности». В парижской газете «Монд» даже была инспирирована публикация, где указывался адрес, по которому предлагалось направлять деньги в фонд общественной организации, которая якобы закупает и посылает радиопередатчики в Афганистан. При проверке по указанному в газете адресу обнаружилось, что там нет никакой организации. Адрес был дан просто для отвода глаз от того, как ЦРУ организует подпольное диверсионное радиовещание на афганское население.

Операции по запугиванию и введению в заблуждение осуществляются в расчете на глубокое невежество крестьян и порой приводят к чудовищным результатам. Так, в кишлаке Шигаль (провинция Кунар), где гнездилась одна из банд душманов, агитаторы-головорезы читали жителям доставленные из Пешавара листовки о том, что советские воины забирают и угоняют всех жен и дочерей афганцев. Масла в огонь подливали фанатики из «Мусульманского братства». В итоге обезумевшие люди решили убить своих жен и детей. В тот же день они привели свое намерение в исполнение — сами же расстреляли всех младенцев и женщин.

Создать атмосферу животного страха, вызвать кровавую вакханалию агитаторы душманов пытались и в кишлаке Ширбанд (провинция Герат). Через него должно было проследовать советское воинское подразделение. Пронюхав об этом, басмачи поручили мулле сообщить прихожанам, что всех детей ждет смерть: «Кровожадные русские поедают младенцев». Мулле поверили. Дело грозило бедой. Но местные активисты вовремя разоблачили ложь. Когда наши воины проходили по кишлаку, они вышли к ним, неся на руках и ведя за собой своих малышей. Солдаты угощали их хлебом и сахаром. Видя это, все жители кишлака последовали примеру односельчан. Солдаты отдали детям свои походные пайки.

Акция агитаторов-душманов провалилась и в северо-восточной провинции Бадахшан, где группа из гульбэддиновской банды переоделась в советскую форму и взорвала мечеть — для того, чтобы вызвать ярость местного населения против наших солдат. Но жители не поддались на обман. У развалин мечети они устроили митинг, на котором прокляли провокаторов и самого Гульбэддина.

Окончание следует.

искусство — зрителю

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

Карл и Женни Маркс.

Фото Р. Потаповой

Ленинградским театром «Эксперимент» создан спектакль «Карл и Женни Маркс».

Автор пьесы, исполнитель одной из главных ролей Вячеслав Маневский с увлечением рассказывает:

— В основу произведения положены письма, воспоминания, труды Карла Маркса. Работа продолжалась пять лет; эти годы я считаю счастливейшими в своей жизни... Передо мной открылась огромная, удивительнейшая личность. Каждое новое слово о Марксе несло радость приобщения к его великим идеям и делам, высокую радость познания... Приступая к работе над пьесой, я понимал, как велика ответственность, как непросто осуществить задуманное! Должен сказать, что инициатором создания этого произведения о Марксе была Алла Иванова, мой давний товарищ по работе; теперь она исполняет роль Женни... Мы работали вместе: читали книги и письма, рассматривали старые фотографии, мысленно переезжали вместе с супругами Маркс из города в город, как бы разделяя их трудности и радости, их жизнь, полную борьбы... Музыка и литература того времени помогли нам точнее, глубже ощутить эпоху...

В Ленинграде мы показали спектакль около пятисот раз. Он шел на разных сценических площадках — во дворцах культуры, в клубах, на предприятиях... Премьера же состоялась в Музее Великой Октябрьской социалистической революции. Спектакль был посвящен XXVI съезду партии.

Каждая новая встреча со зрителем убеждала нас в верности идеи. Да и в избранном нами сценическом воплощении...

Конечно, каждый человек сегодня знаком с жизнью Маркса по книгам, кинофильмам, портретам... Но каждый, естественно, видит «своего» Маркса. А нам мечталось максимально приблизить его к тому, каким он был н а с а м о м д е л е.

Когда соприкасаешься с величием героя, невольно стремишься учиться у него, зажечь в себе искру его пламени, соизмерять с ним свои поступки, свои дела... И как было бы прекрасно, если бы каждый зритель уносил со спектакля хотя бы частицу уроков, преподанных человечеству великой жизнью Карла и Женни Маркс.

В спектакле звучат фрагменты поэтических произведений Маркса, Шекспира, Гете, Эсхила, Бернса; сочинения композиторов эпохи Возрождения, а также Бетховена, Паганини, Крейслера.

Постановку осуществил художественный руководитель театра Виктор Харитонов. Оформил спектакль главный художник театра Марк Смирнов.

М. КОРОТКОВ

ОВАЦИИ «ОВОДУ»

Интересную премьеру — балет «Риварес» композитора С. Цинцадзе показал коллектив театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко в Москве.

Балет «Риварес», который авторы называют "хореографическими картинами", использует мотивы известного романа Э. Войнич «Овод». Содружество композитора, художника, либреттистов и постановщиков оказалось счастливым. Родился спектакль, который продолжает и развивает принципы основателей театра.

Прежде всего следует отметить слитность интересной, глубоко симфоничной партитуры и постановочных приемов, сценографического решения.

Сцена не загромождена конструкциями,— легкий воздушный образ города; небо Италии, выразительно меняющее окраску; мрачные витражи храма... Постановщик балета А. Чичинадзе, как и в прежних многих своих работах, таких, как «Степан Разин», «Шакунтала», «Дон Кихот», снова дает каждому актеру-солисту полную свободу для создания ярких образов. И нельзя не приветствовать, что два состава основных исполнителей несколько различны по своей пластической манере,— это не только не нарушает основную идею, а, наоборот, дает каждому танцовщику возможность наиболее полно выразить остроту переживаний героев.

Основная мысль спектакля — борьба за освобождение родины.

В главной роли — народный артист РСФСР В. Тедеев и заслуженный артист РСФСР М. Крапивин. В первой части Артур-Тедеев сдержан и глубоко эмоционален, во второй артист показывает сильного, мужественного и умного человека, безгранично любящего свою родину и идущего на смерть за ее освобождение... М. Крапивин создает привлекательный образ Артура — восторженного и впечатлительного вожака повстанцев...

Особенно хочется отметить необычайную по своей форме финальную сцену. Вместо изображения казни зритель видит танец Ривареса, восхваляющий жизнь и призывающий к борьбе...

Роль Джеммы исполняют народная артистка РСФСР М. Дроздова и заслуженная артистка РСФСР Г. Крапивина. Роль относительно невелика, но у обеих танцовщиц очень содержательна и лирична; особенно хороши они в поставленных тонко, без расчета на внешний эффект дуэтах...

В хореографическом спектакле решение образа Монтанелли — необычайно трудная задача. В этой роли заслуженный артист РСФСР Ю. Григорьев заслуживает большой признательности зрителей.

Как всегда, радует участие молодежи наряду с признанными мастерами балета.

Г. ЛИТВАК

ДОБРОГО ПУТИ ТЕБЕ, «ВИВАТ»

Мысль А. С. Пушкина о том, что гордиться славой предков не только можно, но и должно, определяет смысл и содержание концертов народного камерного хора «Виват». Она служит как бы неким камертоном при исполнении музыки XIII—XVIII веков и произведений Д. Бортнянского, М. Глинки, П. Чайковского, С. Танеева, Д. Шостаковича...

Радует ясная патриотическая направленность работы коллектива, влюбленно прослеживающего путь развития русского хора от истоков до наших дней.

Камерный хор «Виват» — единственный в нашей стране исполнитель торжественного песнопения XVII века «Днесь возгреме труба доброгласная», кантаты XVII века «Кому повем печаль мою»... Эти и другие редкие произведения были найдены в фондах Музыкальной библиотеки руководителем хора И. Журавленко, воспитанником Московской консерватории. Человек неординарный, творческий, он умеет передать другим свою увлеченность. Это и помогло ему объединить в народном хоре людей, самых разных по образованию, по опыту работы...

В хоре занимаются и научные сотрудники, и группа преподавателей МВТУ, и люди рабочих профессий... Занятия проходят два раза в неделю, а еще выступления — кажется, да как же все это тяжело для тех, кто уже отработал свой трудовой день!.. И ведь у каждого еще свои повседневные, семейные, порой неотложные заботы. Но такова уж дисциплина в хоре, что отсутствующих на репетициях нет.

— Как удается вам совмещать занятия в хоре с научной работой, с общественными делами?— спрашиваю многих.

Мне отвечают:

— Мы любим наш хор. Каждая репетиция для нас — праздник! Игорь Андреевич Журавленко и сам работает истово и нас заражает своей энергией.

Хор «Виват» получает все большее признание и в Москве и в трудовых коллективах Московской области.

Зина Корощуп из колхоза «Ленинский луч» говорит:

— Даже не представляла себе, что существует такое пение!.. Я ощутила душу народа нашего. А ведь сначала не хотелось идти на концерт: думала, скучно... Зато теперь будем ждать встреч с восторгом...

«Виват» щедро отдает себя людям, по-настоящему повышает культурный уровень села. И как не пожелать ему доброго пути и новых больших удач!

И. КРЯКОВА

И. А. Журавленко.

Портрет работы участника хора, архитектора-художника И. Кадиной.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ НА СЦЕНУ

Сцена из спектакля «Город ветров». Фото Р. Якупова

«Город ветров», пьеса В. Киршона — работа Казанского русского Большого драматического театра имени В. И. Качалова,— стал поистине новым, принципиально важным этапом творческой жизни коллектива.

Спектакль, масштабный по содержанию, по сценическому решению, осуществлен Н. И. Басиным, главным режиссером театра, заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом Государственной премии имени К. С. Станиславского.

Более пятидесяти лет одна из лучших киршоновских пьес не появлялась на сцене. А ведь это первое в советской драматургии произведение, посвященное бессмертному подвигу 26 бакинских комиссаров.

Постановщика и исполнителей привлек при выборе пьесы ее страстный революционный пафос, достоверность исторических ситуаций, масштабность конфликта, неординарность и правда сложных характеров, убедительность их выражения... Все эти достоинства, присущие «Городу ветров», делают пьесу современной, интересной сегодняшнему театру. И, конечно, зрителю. Об этом убедительно свидетельствует горячая реакция зрительного зала, живой, дружный отклик.

В спектакле заняты и вся труппа театра и студенты театрального училища. В роли Гарояна, главного героя,— Евгений Кузин, заслуженный артист РСФСР, народный артист ТАССР. Сценография Э. Б. Гельмса, музыка композитора Ф. М. Аронса.

Г. НИКИТИНА

И ТО ЖЕ В ВАС ОЧАРОВАНЬЕ...

Каждая встреча с артисткой Елизаветой Борисовной Ауэрбах живет в душе светлым, теплым воспоминанием.

Звонко, искренне, с увлечением читает, да нет, не читает — рассказывает она свои иногда смешные, иногда печальные, но всегда правдивые, всегда жизненные истории.

— В своих рассказах я никогда ничего не делаю «ярче», «эффектнее»,— признается она.

И это действительно так. Исполненные непосредственного, заразительного чувства, кажется, простые, но мудрые рассказы доступны любому слушателю. И недаром так любят ее не только взрослые зрители, но и не прощающие никакой фальши дети.

«Ваши рассказы — такие удивительно человечные»,— написали они ей. И, пожалуй, это самая лучшая, самая верная характеристика.

Артистка обладает чудесным даром создавать непринужденную, доверительную атмосферу. Создается впечатление, что она не читает приготовленную заранее программу, а вот сейчас размышляет вслух: делится воспоминаниями, рассказывает случаи из своей жизни. И все это — с удовольствием, с юмором, с тонкой иронией... Зал реагирует чутко: то вспыхивает смехом, то сочувственно замирает... И на всех лицах вы видите добрую улыбку — такую же, как на лице самой артистки.

«Благодаря вам,— написал ей зритель из одного маленького города, где она давала концерт,— в нашем городе стало на тысячу улыбок больше. Значит, и жить нам стало легче».

Артистка не заигрывает со зрителем, не старается его рассмешить. Высокое мастерство рассказчика, виртуозное владение голосом, чувство меры во всем — вот что всех покоряет, повествует ли она трогательную историю о своей первой кукле, или печальную историю военных лет, или просто забавный эпизод с шофером такси, который вез ее на концерт...

Трудно не поддаться обаянию своеобразной артистки, владеющей таким небанальным жанром. При каждой встрече с нею на концерте вспоминаются известные стихи Тютчева: «И то же в вас очарованье, и та ж в душе моей любовь...»

Ф. КОВАРСКАЯ

Байкал: сегодня и завтра

Член-корреспондент АН СССР Г. И. ГАЛАЗИЙ

Пожалуй, трудно найти человека, кто мог бы с большим правом рассказывать сегодня о проблемах этого уникального озера, чем Григорий Иванович Галазий — один из крупнейших специалистов в области лимнологии, лесоведения, геоботаники и охраны природы. С 1949 года работал он в Восточно-Сибирском филиале АН СССР. И почти тридцать лет назад возглавил Байкальскую лимнологическую станцию, ставшую с 1961 года Лимнологическим институтом СО АН СССР. Институт этот первым заговорил об экологии Байкала, об осторожности подхода ко всему, что касается удивительного озера. Удивительного потому, что оно колыбель единственной в своем роде пресноводной фауны и флоры; потому, что только в нем живет свыше полутора тысяч эндермичных видов растительных и животных организмов, то есть тех, которые нигде больше не встречаются; потому, что пресной байкальской воды хватило бы для населения нашей страны почти на тысячу лет; потому, что оно модель океана; потому, что скрывает в себе массу тайн; наконец, просто потому, что оно несказанно прекрасно.

Многие помнят горячие дискуссии конца шестидесятых годов о Байкале, страстные выступления в печати Г. И. Галазия. Но не все знают, что в подготовке важнейшего документа — постановления Совета Министров СССР «О мерах по сохранению и рациональному использованию природных комплексов бассейна озера Байкал» (1969 года) самое непосредственное участие принимал Лимнологический институт.

— В 1971 году вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранению природных богатств бассейна озера Байкал». Что изменилось с тех пор? — с этого вопроса началась наша беседа с Григорием Ивановичем.

— Многое. Прежде всего изменился сам подход к развитию хозяйства в зоне Байкала. К рекомендациям ученых стали гораздо внимательнее прислушиваться.

Проблемы экологии озера, проблемы изучения охраны и использования его богатств вошли как раздел в недавно созданную долгосрочную комплексную программу «Сибирь».

За последнее десятилетие Иркутский обком партии и облисполком, а также обком партии и Совет Министров Бурятии вынесли ряд специальных постановлений об охране Байкала и его бассейна и об охране природы в области.

Если же говорить конкретно, то прежде всего надо назвать строительство очистных сооружений на Байкальском целлюлозном заводе и Селенгинском целлюлозно-картонном комбинате. Велика стоимость этих, можно сказать, самостоятельных предприятий, но государство пошло на затраты, понимая важность проблемы.

Категорически запрещен сплав древесины по рекам, впадающим в Байкал. Он вызывал катастрофическое нарушение нерестилищ ценнейшего омуля, и государство опять пошло на большие затраты: дешевый сплав леса по воде заменен более дорогостоящими автомобильными перевозками. Для вывоза леса из тайги построены тысячи километров дорог.

Почти прекращена вырубка леса в районе озера, оттуда «эвакуированы» леспромхозы с крупными поселками, базами, мастерскими.

Теперь о байкальском омуле. Раньше ежегодно из озера вылавливалось в среднем по 60—70 тысяч центнеров рыбы. Затем улов стал систематически снижаться и дошел в 1968 году всего до 8 тысяч центнеров. Омуль исчезал. Запрещение молевого сплава древесины, запрещение на определенный срок промыслового лова омуля, создание рыборазводных заводов, которые ежегодно выпускают в Байкал по нескольку сот миллионов мальков, привело к тому, что поголовье омуля сейчас хотя и медленно, но восстанавливается.

— Значит, теперь все хорошо и можно «спать спокойно», или, точнее, спокойно изучать тайны Байкала?

— К сожалению, нет, хотя исследование озера учеными, конечно, продолжается.

Много сделано по охране озера и приносит очевидную пользу, но не все доведено до конца.

Реки, впадающие в Байкал, очищены от затонувшей древесины — это хорошо. Но древесина, которая раньше сплавлялась по руслам рек, теперь скапливается в их устьях. Нерестилища очищены, реки подготовлены для прохода рыбы, но устья их закрыты. Ведь после того, как лесовоз доставляет древесину в устье реки, хлысты и стволы деревьев сплачиваются в плоты, и караван таких плотов буксируется по Байкалу потребителям. Ученые давно настаивали: надо сплоточные устройства перенести в сторону от устьев рек, а сплав по Байкалу вообще прекратить. Нам говорят — «дорого». Но ведь такая «экономия» обходится государству еще дороже. Нередко пароходство просто «забывает» о плотах, и они годами мокнут в устьях рек. Из коры деревьев, из древесины вымываются ценнейшие вещества, стоимость которых неизмеримо выше полученной из нее целлюлозы. В хозяйстве страны, в медицине они бы очень пригодились, а попав в воду Байкала, приносят вред озеру.

Теперь об очистных сооружениях. Далеко не всегда промышленные выбросы отвечают стандарту, часто комбинаты допускают нарушения.

Руководство комбинатов каждый год обещает совершенствовать технологию очистки, но вместо этого оно добилось «временного» разрешения на льготный стандарт. Благодаря такому «временному» разрешению загрязнение Байкала продолжается.

— А что делается для восстановления стада омуля, кроме запретов на его ловлю и очистки нерестилищ?

— Я уже упоминал о работе рыборазводных заводов, но, к сожалению, строится таких заводов пока недостаточно.

Существует немало «омулевых» проблем, над которыми вместе работают ученые и рыбохозяйственники. Большереченский рыборазводный завод выпускает на мелководье Посольского залива сотни миллионов мальков омуля. Казалось бы, стадо омуля должно быстро вырасти, но этого не происходит. Оказывается, выпущенных мальков омуля тотчас же, как только они попадают в Байкал, съедает мелкая хищная рыбешка — гольян. Что делать? Молодь омуля стали подращивать в прудах и уже потом выпускать в озеро. Однако у молоди омуля, выросшей в тепличных условиях, совершенно отсутствовал инстинкт самосохранения, которым обладают мальки, рожденные в Байкале, и омуль сейчас же попадал на обед к другим хищным рыбам. Значит, решили ученые, подращивать молодь надо в водоемах, приближенных к естественным условиям, пускать в пруды немного хищников, чтобы они «учили» искусственно выращенного омуля осторожности, вырабатывали у него инстинкт «убегания», самосохранения.

Сейчас численность омуля в Байкале возросла, но плодовитость его и упитанность снизились. Почему? Ясно, не хватает корма. Ученые проводят сейчас такой эксперимент: решили временно увеличить отстрел нерпы и понаблюдать, как скажется это на кормовом балансе Байкала. С уменьшением поголовья нерпы должно увеличиться количество бычков и голомянок, идущих в пищу омулю. И сейчас мы надеемся, что прекращение загрязнения нерестилищ и вод озера, правильная работа рыбозаводов и дополнительная кормовая база помогут стаду омуля восстановиться и вернуть знаменитому байкальскому деликатесу его прежние качества.

— Григорий Иванович, кажется, девиз вашего института: «Изучать — значит охранять». Какие еще проблемы возникают в связи с этим?

— Изучать — значит охранять. Это действительно наш девиз. Еще — использовать, не нарушая, а умножая.

Именно в такие взаимоотношения с природой должен вступить человек. И ученые обязаны стоять здесь на страже, твердо зная, что стража эта сугубо созидательная.

Красота Байкала, его уникальность влекут к нему людей: и ученых и туристов. Одни едут отдохнуть, другие — посетить наш институт, богатый лимнологический музей, третьи — поработать на озере. В музее бывает ежегодно около 30 тысяч иностранцев и 150—160 тысяч советских туристов, ученых, студентов, школьников. А когда начнет действовать Байкало-Амурская магистраль, приток приезжающих на Байкал неизбежно возрастет. Это, безусловно, создаст дополнительные проблемы, одна из них — организация зон отдыха. Места здесь удивительной красоты, много грибов, ягод, рядом горы. И горячие минеральные источники есть для лечения, и солнечных дней много, и климат отличный. Отдыхать можно и зимой и летом.

Но пока мало здесь домов отдыха и санаториев, а о хорошем приеме «диких» туристов и говорить нечего.

Конечно, все это в будущем, вероятно, наладится, но вместе с организацией отдыха надо уже думать, как защитить озеро от туристов-браконьеров, личных моторных лодок (их чуть ли не десятки тысяч), как упорядочить их движение по озеру.

Немало проблем рождает и строительство вблизи озера Байкало-Амурской магистрали. Без участия науки и здесь дело не обходится.

Взять хотя бы такой пример. Первоначально предполагалось прокладывать железнодорожную насыпь прямо по мелководью и пляжу Байкала, создав для линии магистрали своеобразные дамбы. Это гораздо проще и дешевле, утверждали проектировщики. На первый взгляд так оно и есть. Но на самом деле такие насыпи — карточный домик для крутой байкальской волны, недаром называют Байкал морем. Строительство и постоянное «штопанье» насыпей в конечном счете будут куда дороже пробивки и эксплуатации тоннелей. Да и для сохранения чистоты воды и окрестностей Байкала магистраль, идущая через тоннель, окажется желательнее, чем проложенная по мелководью. Рекомендации ученых учтены.

XXVI съезд партии, Конституция СССР прямо указывают на необходимость охранять и рационально использовать уникальные природные комплексы, и в первую очередь легендарный Байкал.

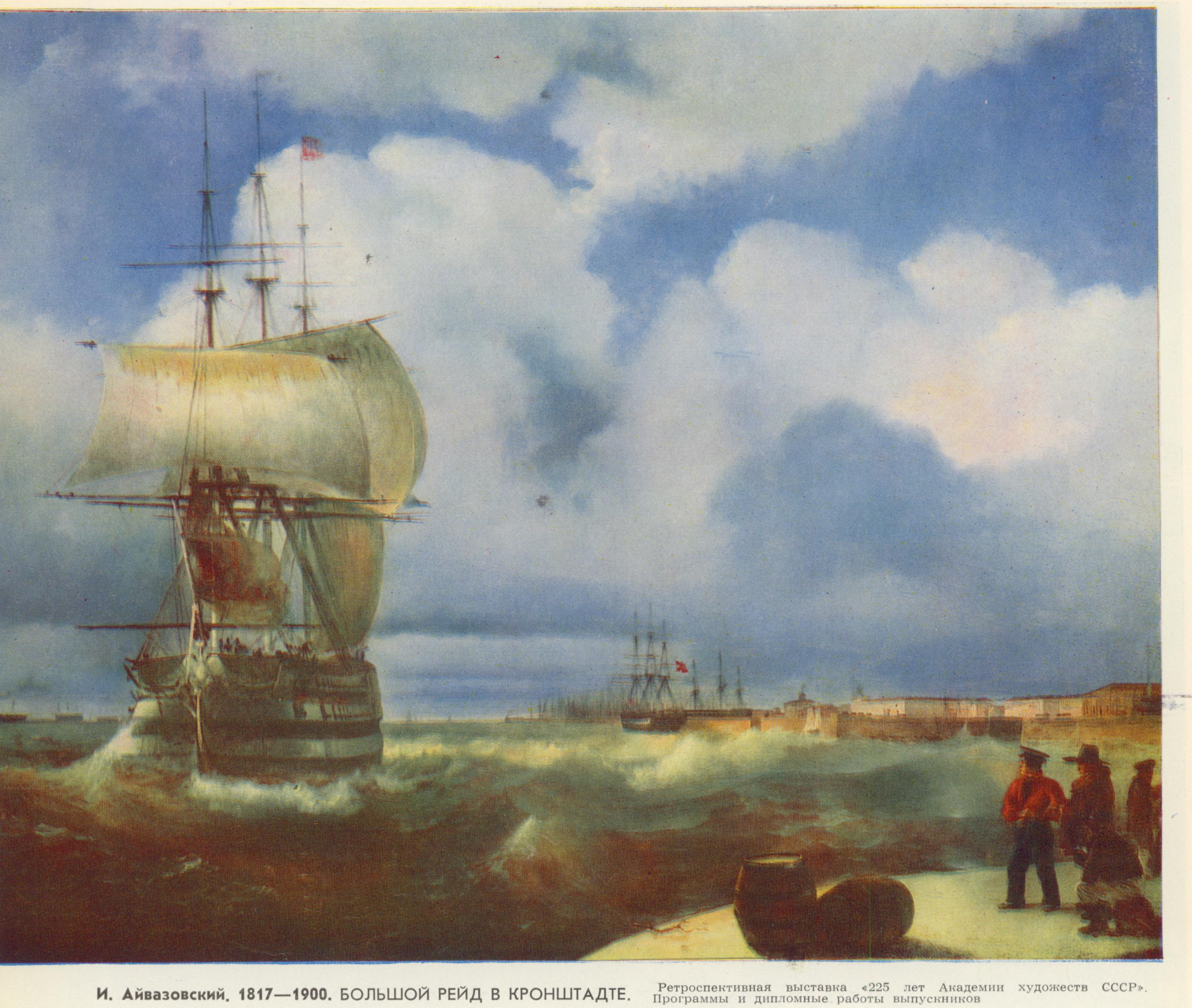
Беседу вела Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

думая о потомках

А. Иванов. 1806—1858. ИОСИФ, ТОЛКУЮЩИЙ СНЫ ЗАКЛЮЧЕННЫМ С НИМ В ТЕМНИЦЕ ВИНОЧЕРПИЮ И ХЛЕБОДАРУ

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников.

И. Айвазовский. 1817—1900. БОЛЬШОЙ РЕЙД В КРОНШТАДТЕ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА СВЕТЛОВА

ВСЕМ СВОИМ ЗАПАСОМ ВОЛШЕБСТВА

Однажды молодого поэта по телефону нашел Маяковский. Тот не поверил: «Сам Маяковский!» Он думал, что его разыгрывают, и не сразу взял трубку. Маяковский терпеливо ждал.

— Послушайте, Светлов. Я в харьковской гостинице сидел в очереди к парикмахеру и от скуки начал перелистывать журнал «Октябрь». В нем напечатано ваше стихотворение «Пирушка». Оно мне очень понравилось. Я решил послать вам приветственную телеграмму, но потом передумал: позвоню ему лично, так будет ему приятнее... Приходите завтра ко мне. Пойдем вместе на мой вечер в Политехнический.

На вечере в Политехническом музее, как известно, Владимир Владимирович читал знаменитую светловскую «Гренаду». Читал наизусть. Он говорил о Светлове хорошие слова. Он говорил о нем как о поэте.

При всем разнообразии и индивидуальности молодых поэтов — современников великого певца революции Михаил Аркадьевич Светлов выделялся многими своими качествами. И прежде всего тем, что всегда и во всем оставался... Михаилом Светловым. Человеком и Поэтом. Недаром одна из книг о Светлове, вышедших после его смерти, так и называлась — «Человек, похожий на самого себя».

...Люди, знавшие Михаила Аркадьевича, чаще говорят о нем как о человеке, вспоминают, каким он был, с кем дружил, как жил, смешил, с каким уважением относился к женщинам. Это, наверное, потому, что о Светлове-поэте все сказали его стихи. Светлов-поэт ясен, прозрачен, близок. Его стихи живут, не старея, не стираясь, по-хорошему, свежо сосуществуя со стихами литераторов новых поколений. А ведь они, лучшие светловские строки, стали классикой советской литературы. «Причем не той классикой, — писал Ярослав Смеляков,— какая вызывает уважение, но не возбуждает интереса, не вызывает волнения нового молодого читателя, а классикой живой, действующей, нестареющей».

В самом деле, разве не опаляют романтикой гражданской войны юных читателей 80-х годов XX века строки «Гренады», «Пирушки», «Песни о Каховке» с ее так современно и злободневно звучащим рефреном: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

Немало его строк, отличающихся неожиданностью образа, поворота мысли, незаштампованного слова, крылато разлетелись по свету: «Я не знаю, где граница между севером и югом, я не знаю, где граница меж товарищем и другом», «Молодежь! Ты мое начальство — уважаю тебя и боюсь», «И, если есть на солнце пятна, ты попытайся их стереть»...

А каким благородством, чистотой веет от строк, обращенных к друзьям в стихотворении «Мне много лет. Пора уж подытожить...»:

Я радость добывал, и есть
усталость,
Но голос мой не стих и не умолк.
И женщина счастливой
оставалась.—
Я был поэтом, выполнил свой долг.

По натуре добрый и щедрый человек, Михаил Светлов однажды заметил: «Доброта — это большое, если не главное, счастье в жизни человека». Свою работу в поэзии он расценивал как форму и способ нести людям радость, добро, хорошее настроение. Только он мог так нежно утешить юного человека: «Я вижу — на краю стихотворенья заплаканная девочка стоит». Всю свою биографию, насыщенную интереснейшими событиями (Светлов был одним из первых комсомольцев, воевал на фронтах гражданской и Отечественной, дружил с многими видными деятелями культуры), он вложил в стихи. И в этих стихах, большей своей частью обращенных к молодежи, уживаются ирония, сарказм и добрая улыбка, любовь и ненависть, пафос и легкая шутка, публицистика и тонкая лирическая интонация. Светлов был мастером стиха, а стих его — камертоном времени:

Никакого нам не надо рая!
Только надо, чтоб пришел тот век,
Где бы жил и рос, не умирая,
Благородных мыслей человек.

Только надо, чтобы поколенью
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства.

Как точно он сказал в этих стихах и о самом себе: запас жизненного, поэтического волшебства М. Светлова был неиссякаем. Он ушел из жизни почти двадцать лет назад. Но это только кажется: без стихов и песен лауреата Ленинской премии, певца молодости, будущего, певца жизни Михаила Светлова непредставима советская литература.

Ф. ПОКРОВСКИЙ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. А. РУЧЬЕВА

ГОРЬКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ БОРИСА РУЧЬЕВА

Вдохновенный певец Урала — таким остался в советской литературе поэт Борис Ручьев, которому ныне исполнилось бы семьдесят лет.

Магнитострой и «Уралмаш», все этапы социалистической индустриализации родного края нашли своеобразное художественное отражение в замечательных произведениях поэта — в поэме «Любава», цикле стихов «Красное солнышко», в лирике разных лет...

Борис Ручьев был настолько требователен к себе, что опубликовал куда меньше, чем написал. И еще остаются ручьевские стихи, которые пока не вошли в сборники и до сих пор неизвестны широкому читателю.

Вспоминается последняя встреча с Борисом Александровичем в сентябре 1973 года. Начали мы разговор с перечитывания текста речи юного Ручьева на Втором всероссийском поэтическом совещании, которое состоялось в апреле 1932 года, а потом, касаясь многих вопросов современной литературной жизни, все чаще вспоминали о Максиме Горьком. Я сказал Борису Александровичу, что в подшивке уральской литературной газеты, выходившей в Свердловске в 1932 году и называвшейся так же, как и магнитогорский журнал,— «За Магнитострой литературы», встретил его стихотворение, посвященное Максиму Горькому. Никогда больше это стихотворение не перепечатывалось и в сборники поэта не входило.

Главное в нем — страстность рабочего парня, приобщающегося к высотам культуры, ощущающего в великом пролетарском писателе учительскую силу, тот жизненный ориентир, который помогает настроить сердце и разум на то, чтобы «на разрыв годам сдавать жизнь». Определенность ручьевской идейно-художественной позиции, следование Горькому в принципах социалистического искусства заметны уже в этом произведении.

Леонид ЗАМАНСКИЙ,
заведующий кафедрой советской литературы Магнитогорского пединститута

ЮБИЛЕЙНОЕ СЛОВО

Если Мальва поет на Поморье
Оголтелую ярость тоски,
Ходят-бродят с законами в споре
По российским путям босяки.
Избродяжилась каждая пристань,
Наторели дороги в пыли,
И тоскуют контрабандисты
О ненайденной правде земли.
В тот же полдень над горем
и стоном,
На пожитках российских полей,
Вырастая, плодит Артамонов
Вместе с фабриками сыновей,
И напорист, и непокорен,
До надрыва свое полюбя,
Называется в массах он горем,
Неразменным, как сила рубля,
За которой— работа отдачей.
Испытав ее тяжкий налив,
Босяки, бурлаки и рыбачки
Подымают, как руки незрячих,
Тоскованье о правде земли.
Только правда подмечена верно
В неисходной, грядущей грозе —
Павлом Власовым с Сормовской
верфи
С сотней лучших, надежных
друзей.
Это ихней крепчающей местью
Над страною торговых рядов
Подымает свой крик Буревестник
В глухоте захудалых предместий,
В грузноте биржевых городов.
Этим все установы срубая,
Загустив полнокровье свое,
Закипающая и рябая,
Вся эпоха предгрозьем встает.

Автор этих мемуаров — Маргарита Кирилловна Морозова, урожденная Мамонтова. Отец ее, Кирилл Николаевич Мамонтов,— племянник известного мецената оперного театра. Он также двоюродный брат П. М. Третьякова, основателя Третьяковской галереи.

Маргарита Кирилловна была одним из директоров Музыкального общества, что сблизило ее со многими музыкантами — композиторами, пианистами, дирижерами: С. В. Рахманиновым, В. И. Сафоновым, А. Н. Скрябиным, ученицей и другом которого она была. Мир театра также был ей очень близок. Особенно Малый театр — она преклонялась перед М. Н. Ермоловой, Е. К. Лешковской, А. И. Южиным, О. О. и М. П. Садовскими.

В 1891 году Маргарита Кирилловна вышла замуж за Михаила Абрамовича Морозова, крупного промышленника, который, однако, мало занимался коммерческими делами. Интересы его были сосредоточены в основном в области истории и искусства. Особенно он интересовался живописью. Он собрал большую коллекцию картин русских художников: В. Серова, К. Коровина, А. Васнецова, И. Остроухова и других, которую Маргарита Кирилловна после его смерти (в 1910 г.) пожертвовала Третьяковской галерее. Ценность дара составляла миллионы рублей. Михаил Абрамович увлекался также западной живописью: привез из Франции много полотен художников-импрессионистов — Мане, Ренуара, Моне, Ван Гога, Гогена и т. д. Они позже были переданы в состав «Музея западной живописи», который находился на Кропоткинской улице.

Морозовым принадлежал особняк, расположенный на нынешнем Калининском проспекте, сейчас это Дом дружбы с народами зарубежных стран. Именно в этом здании, в Белом зале, в 1962 году проводился вечер памяти сына Маргариты Кирилловны и Михаила Абрамовича, известного советского ученого-шекспироведа Михаила Михайловича Морозова. Знаменательно то, что этот вечер был посвящен именно тому самому М. М. Морозову, которого еще в пятилетнем возрасте запечатлел В. Серов на знаменитой картине «Мика Морозов».

В своих воспоминаниях о сыне Маргарита Кирилловна пишет: «В. А. Серов написал Микин портрет, на котором он сидит как живой. Этот портрет передает не только Мику того времени, в нем Серов схватил основную черту его натуры, его необыкновенную живость, и оттого все находили этот портрет очень похожим и на взрослого уже Михаила Михайловича». В доме Маргариты Кирилловны Морозовой на Смоленском бульваре часто устраивались концерты, в которых принимали участие Ф. И. Шаляпин, С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, Андрей Белый и многие другие замечательные музыкальные и литературные деятели той эпохи. Мемуары М. К. Морозовой, которые мы предлагаем вниманию читателя, написанные, может быть, несколько наивно, но живо и достоверно, несомненно, вызовут интерес своей насыщенной информативностью.

Мемуары публикуются с сокращениями по авторизованному машинописному экземпляру.

М. К. Морозова. 1910 год.

«Минувшее проходит предо мною...»

ВОСПОМИНАНИЯ М. К. МОРОЗОВОЙ

Дом Третьяковых в Лаврушинском переулке стоял на месте современной галереи, прямо против ворот. Это был белый двухэтажный просторный особняк. В центре дома, из передней, шла лестница наверх. С верхней площадки, направо, был большой, светлый, весь белый зал с растениями у окон, с двумя роялями; затем проходная, довольно большая гостиная и столовая, тоже очень большая и светлая. Из столовой был вход в галерею. Обстановка всех комнат была очень простая, скромная и какая-то традиционная, общая многим домам того времени. За обедом кушанье подавали две горничные девушки в темных шерстяных платьях и больших белых фартуках. Стол был большой и широкий. На главном месте, на конце стола, сидели рядом тетя Вера и Павел Михайлович <Третьяковы>.

Тетя Вера, величественная, красивая, со слегка прищуренными серыми глазами и просто, на пробор, причесанными вьющимися темно-русыми волосами, казалась всегда серьезной и какой-то грустной. Я ее помню всегда в горностаевой, довольно длинной пелерине. Говорила она мало и очень тихо, держала себя как-то отдаленно и сдержанно. Павел Михайлович, высокий, худой и тонкий, с большой шелковистой темной бородой и пышными темными волосами, был необыкновенно тихий, скромный, молчаливый, почти ничего не говорил. Лицо его было бледное, тонкое, какое-то аскетическое, иконописное. Сейчас же после обеда он уходил, за ним закрывались двери его кабинета, и он больше не показывался. Я хорошо помню его позу, когда он сидел за столом: он держал руки скрещенными, и на черном рукаве его сюртука выделялась его тонкая рука с длинными тонкими пальцами, как это хорошо изображено на его портрете работы Крамского <...>

Как я уже упоминала, из столовой была дверь прямо в галерею, в главный, большой зал. Он был очень высок, с верхним светом. Мы, конечно, ужасно любили туда ходить, подолгу стояли перед любимыми картинами, говорили между собой, воображали себе целые истории. Особенно любимыми картинами нашими были «Неравный брак» Пукирева, «Княжна Тараканова» Флавицкого, «Арестанты» Ярошенко (женщина с ребенком кормит птиц из окна вагона), «Не ждали» Репина и «Неутешное горе» Крамского. Эту последнюю картину мы особенно любили, потому что стоящая и плачущая женщина была очень похожа на нашу мать. Очень любили мы картину Сурикова «Меншиков в Березове». Особенно нас интересовала его дочь Мария, о которой мы читали в романе В. Соловьева. В нижнем помещении галереи висели картины Верещагина, которые мы тоже любили,— скачущий перед полками Скобелев, целая гора черепов на поле сражения. Все эти картины были в галерее с самого начала нашего посещения, очень мне памятны и как-то связались в одно целое с воспоминаниями о всей семье Третьяковых.

Иногда в зале дома, а иногда в галерее стояла только что приобретенная Павлом Михайловичем новая картина, покрытая белой простыней. Однажды, когда мы находились в галерее, Павел Михайлович подозвал нас, открыл простыню, покрывавшую картину, и показал нам ее. Мы онемели от ужаса; это был «Иван Грозный, убивающий сына». Впечатление было страшно сильное, но отталкивающее.

Потом эту картину повесили в маленькой комнатке, прилегающей к большому залу, и перед ней положили персидский ковер, который был как бы продолжением ковра, изображенного на картине, и, казалось, сливался с ним. Казалось, что убитый сын Грозного лежал на полу комнаты, и мы с ужасом стремглав пробегали мимо, стараясь не смотреть на картину. Я до сих пор не могу избавиться от этого впечатления <...>

Теперь мне хочется остановиться на одном явлении, которое в ту зиму нас совершенно захватило и имело большое влияние на нас, на наших подруг и вообще на молодежь того времени (конца 80-х годов прошлого столетия.— **Ред.**). Этим явлением был Малый театр. Я где-то читала, что в Малый театр молодежь ходила «учиться». И действительно, Малый театр научил нас смотреть и видеть прекрасное.

Душой этого театра была Мария Николаевна Ермолова. Когда я размышляю о М. Н., об этом удивительном явлении, в своем роде единственном и неповторимом, то я думаю, что вся сила ее власти над молодыми душами была не в том мастерстве, с которым она изображала тот или другой характер, а в том совершенно невероятном подъеме, которому она вся отдавалась и которым она подлинно жила перед вами. От всей ее стройной фигуры, ее стремительных движений и каких-то ей одной свойственных метаний, горящих глаз и глухого, немного сдавленного голоса веяло чем-то нетронуто-чистым и героическим. Она казалась готовой на все жертвы, даже на смерть за правду, за добро, за идеал. Такой мы ее воспринимали. Она действительно умела внушать молодежи высокий духовный подъем. Орлеанская дева, Мария Стюарт, Звезда Севильи, Сафо, Марианна, Негина и др.— это целый мир, из которого не хотелось уходить, и мы на следующий день после спектакля начинали учить наизусть монологи из этих пьес и в свободное время их декламировали, как бы продолжая жить в этом мире... Для нас образ М. Н. сливался с образами тургеневских женщин, которые были в то время для всей молодежи идеалом чистоты и благородства. Мы себе не представляли М. Н. женой, матерью, вообще обладающей человеческими свойствами, но она нам казалась героиней, какой-то вдохновенной служительницей правды и добра.

Я помню бенефисы М. Н., которые переносились в Большой театр, так как не могли вместить всех, желающих на них присутствовать. Овации, вереницы подарков, горы цветов, из боковых лож, около сцены, летел дождь живых цветов. После спектакля из всех верхних ярусов буквально неслись по лестницам вниз студенты, гимназисты, курсистки и бежали прямо к рампе, где неистово аплодировали, кричали до тех пор, пока, наконец, огни постепенно не погасали и М. Н. больше не показывалась.

Я была очень счастлива, что мне удалось <...> выразить мою признательность М. Н. за те светлые радости, которые она мне дала в мои юные и молодые годы, и получить от нее письмо в ответ. Это письмо ее мне очень дорого. В нем она говорит о своем служении «чистому» искусству и о своем возмущении искусством конца XIX века. Мне очень хочется привести это письмо здесь, я его переписываю:

«Дорогая Маргарита Кирилловна! Ваше милое письмо и изящный подарок глубоко тронули меня. Сердечно благодарю Вас. Меня бесконечно радует, что в Вас я нашла оценку чистого искусства, которому я служила всю свою жизнь... Если бы Вы знали, как дорого встретить теперь человека, хранящего в душе чистые идеалы искусства. Мутные волны заливают его со всех сторон и обдают грязью, но за него бояться нечего, оно вечно, и оно воскреснет, только горе нам, попавшим в эту мутную полосу декадентства и всякого уродства. И таланты будут. Ваши дети увидят воскресенье, а мне уж, пожалуй, не увидеть его. Я устала, я не могу больше играть сильных ролей, а потому ухожу на год в отпуск, чтобы потом перейти в другие роли, а там видно будет, что будет дальше... Да, дорогая М. К., Вы меня очень порадовали Вашими словами, спасибо горячее за них. В наше время упадка они как бальзам пришлись на раны. Еще раз благодарю Вас и, если позволите, крепко целую. На прощанье скажу Вам: «Средь мрака ненастного верьте чудесной звезде вдохновенья. Дружно гребите во имя прекрасного против теченья». М. Ермолова».

Михаил Абрамович Морозов много общался с нашими русскими художниками, особенно с В. А. Серовым, К. А. Коровиным, С. А. Виноградовым, В. В. Переплетчиковым, А. М. Васнецовым и И. С. Остроуховым, и постоянно приобретал их картины. Картины эти он очень любил, устроил для них отдельное большое помещение, в котором очень заботливо и с большой любовью их развешивал и перевешивал...

Из всех бывавших у нас художников мой муж особенно любил Серова. Действительно, Серов был умен и хотя говорил очень мало и тихо, но каждое слово его было всегда продуманно, а главное, правдиво и метко... Внешность его очень всем нам нравилась — маленький, широкий, коренастый, с умным, глубоким взглядом. Он внушал доверие к себе, ему нельзя было не верить. Он писал портрет моего мужа, а потом всех моих детей, и я много наблюдала его за работой. Работал он удивительно медленно, тяжело, постоянно переделывая, снова начинал и, видимо, часто сомневался и искал. Это его в самом себе раздражало, ему хотелось бы все разрешать легко, одним штрихом, одним мазком, «как Костя Коровин»,— так он как-то при мне проговорил про себя. Но так у него не выходило. Его натура не была такой живой, артистической, легкой, подвижной и восприимчивой к внешней красоте, как натура Коровина. Коровин был истинный артист, богема, романтик. Красивый, очаровательный, обладавший даром слова.

Наоборот, у Серова этого совсем не было, никакой фантазии, он был настоящим реалистом. Тяжелой его чертой был какой-то юмористический пессимизм по отношению к людям. Он своим наблюдательным трезвым взглядом видел в каждом человеке карикатуру. Или он ему напоминал какое-нибудь животное, или он схватывал его внутренние и внешние черты, которые и изображал карикатурно. Редко можно было почуять в его портрете доброе и простое отношение к изображаемому им человеку.

Детей он всегда писал особенно хорошо, что и понятно. Например, портрет моего сына Мики, висящий теперь в Третьяковской галерее, был в этом смысле особенно удачен. Когда Серов писал этот портрет, то он был очень хорошо и добродушно настроен. После сеанса он мне как-то говорил с очень значительным и шутливо-серьезным видом, что он слышал сегодня от Мики рассказ «Папа-леопард и мама-леопард». Этот рассказ Мики очень рассмешил Серова.

Я Серова всегда немного побаивалась и смущалась, несмотря на мое большое уважение к нему и на то, что он мне очень нравился. Мне даже не хотелось, чтобы он писал мой портрет, так как я знала, что таких «дам» он недолюбливал. Только в самом конце его жизни мы как-то разговорились и решили, что он все-таки напишет мой портрет. Он начал писать, сделал несколько полотен; какой-то импрессионистской манерой, вроде точек или штрихов, причем говорил, что хочет меня изобразить так, чтобы я шла, говорила и улыбалась. К сожалению, на этом все дело и кончилось, так как Серов внезапно скончался.

Когда мой муж, за неделю до своей смерти, захворал, то последний гость, который от нас ушел, был Серов. Через два дня сам Серов внезапно захворал и был в течение полугода между жизнью и смертью. Он поправился, однако это заболевание, по-видимому, подорвало его сердце и привело его к смерти через восемь лет.

Мне хотелось бы отметить еще одну черту характера Серова. Когда после кончины моего мужа Серов так страшно хворал, то он просил меня через одну нашу общую приятельницу одолжить ему довольно крупную сумму, которую он вернет мне, когда поправится и начнет работать. Действительно, положение его многочисленной семьи было очень тяжелым ввиду его продолжительной болезни. Зная симпатию моего мужа к Серову, мне очень хотелось сделать для него все, что я могла. Я сейчас же поехала в больницу, где он лежал, и отвезла ему деньги, чтобы его успокоить. Прошло года два, и Серов стал заходить ко мне и возвращать мне деньги. Это длилось довольно долго, и я даже забыла, сколько он мне вернул, а он все настойчиво заходил и безмолвно клал передо мной конвертик с деньгами, хотя ему это, наверно, было очень нелегко в то время. Мне ничего не оставалось, как брать их. По этому факту можно судить о серьезности и принципиальности характера Серова.

М. А. Врубель бывал у нас изредка и всегда сидел и молчал. Я особенно любила его произведения, поэтому для меня было большой радостью, когда моему мужу совершенно случайно удалось купить «Царевну-Лебедь» и самое большое панно «Фауст и Маргарита» работы Врубеля...

Очень мы дружили с В. И. Суриковым, который довольно часто бывал у нас. Его характерная голова какого-то древнесибирского казака, стриженные в скобку черные густые волосы, которыми он часто взмахивал, его говор на «о» были очень своеобразны. Он очень любил музыку, и ему хотелось ближе познакомиться с музыкой Скрябина. Мы с ним сговаривались и вместе ходили к Вере Ивановне, жене А. Н. Скрябина, которая нам специально играла целую большую программу из произведений Скрябина. Василий Иванович приглашал нас с сестрой к себе, показывал нам свои произведения.

...Моя свекровь Варвара Алексеевна была урожденная Хлудова. Когда я вошла в ее семью, она была еще молода и очень красива. У нее были замечательные глаза, очень большие, темно-карие, с красивыми, пушистыми, соболиными бровями <...> Очень удачно она изображена на портрете работы К. Е. Маковского, который всегда висел у нас в гостиной, а теперь находится в Третьяковской галерее.

Варвара Алексеевна была человеком самых передовых идей... Вместе с тем она была очень деловая и практическая, умела хорошо ориентироваться в коммерческих делах.

Как-то раз я зашла к В. А. вечером, она предложила мне поехать вместе с ней к Льву Николаевичу Толстому, который тогда жил в Москве, в своем доме в Хамовниках. Я, конечно, с восторгом согласилась, хотя чувствовала большое смущение и страх очутиться перед лицом Льва Николаевича, которого мы все тогда боготворили.

Лев Николаевич иногда заходил к Варваре Алексеевне, и она всегда старалась помочь крупными суммами денег в тех делах, о которых он просил ее. Так и в этом деле, о котором шла речь в тот день: оно касалось духоборов. Духоборов в это время правительство высылало из России. Л. Н. собрал очень большие деньги, чтобы помочь духоборам уехать и устроиться в Северной Америке. Сын Л. Н. Сергей Львович поехал с ними, чтобы им помочь устроиться. Л. Н. получил подробное письмо от своего сына из Канады, в котором тот описывал путешествие свое и приезд в Канаду. Лев Николаевич хотел прочесть В. А. это письмо, зачем она и собралась ехать к нему.

Когда мы приехали и вошли в переднюю, там было много народа. Ко мне подошла Татьяна Львовна и очень весело и ласково со мной поговорила и этим меня очень ободрила. Татьяна Львовна очень интересная, замечательно привлекательная и талантливая женщина, с которой я впоследствии всегда с радостью встречалась, особенно когда наши дочери познакомились друг с другом. Из передней мы поднялись по большой лестнице наверх, в зал.

Нас посадили за чайный стол, где сидело уже много народа. Другую часть зала занимали диван, кресла и стулья с круглым столом перед ними.

Сначала Льва Николаевича в комнате не было. Но вот он вошел, и меня поразила легкость его движений и походки, тонкость и стройность его фигуры. Синяя блуза удивительно складно на нем сидела и как-то очень к нему подходила и гармонировала с его головой и обросшим бородой каким-то мужицким лицом. Только глаза особенно зорко, остро и пронзительно глядели. Меня всегда поражала сила и острота его проницательного взора, когда, бывало, его встретишь на Смоленском бульваре. Он шел своей легкой походкой в немного потертом черном зимнем пальто с барашковым воротником и рыжей мягкой войлочной шапочке. Или помню, как он ехал на конке по Пречистенке, стоял, облокотившись на задней площадке, глядел прямо перед собой на закат и о чем-то думал. Взгляд его, глаз поражал своей силой и зоркостью, точно он насквозь все им пронизывал. Хотя это было мимолетным впечатлением, но оно надолго оставалось, и, казалось, так и видишь этот взгляд.

И вот теперь, когда Л. Н. сел за чайный стол прямо напротив меня, окинул всех сидящих за столом своим внимательным, острым и пронзительным взглядом, который скользнул и по мне, то у меня душа, что называется, ушла в пятки. Л. Н. стал пить чай, разговаривая с В. А. Я заметила, что он жевал, шамкая, как жуют, не имея зубов, что его старило. Во

время разговора он вдруг остановил свой взор на мне. Я прямо не знала, куда мне деваться. Поглядев несколько секунд на меня очень внимательно, он спросил меня: «Скажите, пожалуйста, что это, Ваша лошадь такая светло-желтая, в английской упряжи?» Я ответила каким-то не своим голосом, что моя, и готова была сквозь землю провалиться. Тогда Л. Н. всем описал мою лошадь, которая ему очень нравилась и которую он часто видел, гуляя в наших краях. На этом его обращение ко мне и кончилось.

Потом Л. Н. сел в кресло и стал читать письмо Сергея Львовича вслух. Все внимательно слушали. Довольно долго шел разговор о духоборах, потом, не помню как, зашел разговор о Чехове. Л. Н. очень восхищался им и особенно его рассказом «Душечка», который он только что прочел <...>

В 90-х годах мой муж и я были привлечены В. И. Сафоновым в состав дирекции Русского Музыкального общества. Это обстоятельство сблизило нас с музыкальным миром Москвы...

Как-то, в конце сентября 1893 года, мы с моим мужем поехали с В. И. завтракать в «Эрмитаж», с тем чтобы оттуда заехать в консерваторию (тогда еще старое здание), где в тот день должен был быть П. И. Чайковский, для которого лучшие ученики класса профессора Е. А. Лавровской разучили только что написанный им квартет для пения «Ночь» на тему из сонаты «Фантазия» Моцарта. Вдруг во время нашего завтрака подходит к нам Петр Ильич. Он присел к нашему столу и говорил с В. И. Я могла очень внимательно разглядывать Чайковского, которого раньше видела только издали. Особенно хорошо передает его выражение и его необыкновенные глаза портрет работы Кузнецова, находящийся в Клину в Музее Чайковского. Меня поразила элегантность Чайковского... Вообще во всем его облике было много изысканной простоты и скромности. На его лице и в замечательных больших светло-голубых глазах лежала печать страдания. Окончив завтрак, мы поехали все вместе в консерваторию. Там я старалась сесть так, чтобы хорошо видеть лицо Петра Ильича, которое меня так поразило. Он присел у прохода на стул третьего или четвертого ряда, и как раз свет падал прямо на его лицо, и мне было его очень хорошо видно.

В квартете среди прочих участвовали Евгения Ивановна Збруева (контральто), впоследствии замечательная певица Большого и Мариинского театров, и сопрано Абрамович. Голоса их звучали очень красиво, они были очень взволнованы, конечно, присутствием Чайковского. Мелодия квартета из сонаты Моцарта замечательно красива. Всем известна особенная любовь Чайковского к Моцарту. Поэтому исполнение этого квартета не могло не взволновать Петра Ильича. И действительно, я видела, как почти тотчас же на его глазах показались слезы, и все время исполнения они блестели на его глазах, таких удивительно грустных. Через месяц все узнали о внезапной кончине Чайковского.

М. Н. Ермолова.

Помню, как мы однажды ужинали с Сафоновым и к нам подошел Ф. И. Шаляпин. С ним был А. М. Васнецов и еще не помню кто. Шаляпин сел к нашему столу, разговорился и стал рассказывать о своем детстве, о том, как он был пастухом и потом как пел в церковном хоре. Мы слушали его с огромным интересом и засиделись до позднего часа. Шаляпин стал бывать у нас иногда по воскресеньям к завтраку и как-то раз говорит мне, что с удовольствием споет для нас и наших гостей. Я страшно обрадовалась, и мы с ним сговорились, что я воспользуюсь случаем и продам билеты по дорогой цене с благотворительной целью. Я, конечно, старалась продать билеты подороже, что было нетрудно ввиду участия в концерте такого артиста, как Шаляпин. Наконец назначенный день настал, народу я назвала множество, все было готово, и вдруг часа в два дня является ко мне посланный от Федора Ивановича не с его личным письмом, а с письмом какого-то неизвестного мне человека, который по поручению Ф. И. сообщает, что Ф. И. сегодня болен, петь не может и просит меня перенести концерт на другой день. Это было вполне возможно, но я под впечатлением полной неожиданности, незнания характера Федора Ивановича и некоторой обиды, что не он сам мне об этом пишет, страшно разволновалась, рассердилась и написала резкую записку в ответ, что «прошу Вас, милостивый государь, передать Ф. И., что приглашение на концерт не игрушки в руках господина Шаляпина и отменять сегодня концерт я не намерена, он пройдет без участия Ф. И.». Через полчаса я получаю собственноручную записку Шаляпина. Не помню, как она начиналась, но помню хорошо, что в ней была такая фраза, которой он хотел особенно уязвить меня: «Я, милостивая государыня, Федор Иванович Шаляпин, а не какой-нибудь приказчик». Конечно, эта записка меня очень обидела, но я промолчала, ничего не ответила, но подумала, что с Ф. И. вообще шутить нельзя... Я считала наши отношения с Шаляпиным порванными и раза два, встретив его на улице, делала вид, что его не вижу.

В. Серов. *МИКА МОРОЗОВ.*

Однажды мы были званы к В. А. Харитоненко на завтрак. Муж В. А. Павел Иванович был также членом дирекции Музыкального общества. На завтраке должны были присутствовать В. И. Сафонов и приехавшие из Парижа музыканты во главе с известным дирижером, органистом и композитором Шарлем Видором. Войдя в гостиную, я оглянула беглым взглядом все общество и сейчас же увидела Ф. И. Шаляпина, стоящего и разговаривающего с кем-то. Я сделала вид, что его не вижу, и остановилась на другом конце большой гостиной. Я с кем-то говорила и сбоку вдруг вижу, что высокая фигура Ф. И. через всю комнату направляется ко мне, я не выдержала, обернулась и не могла сдержать улыбки при виде его серьезного вопросительного взгляда. Тогда он засмеялся, взял обе мои руки и, целуя их, просил прощения. Мы с ним очень дружески и весело поговорили, и мир был заключен...

Случилось так, что в тот же вечер праздновался юбилей симфонического оркестра. Для этого случая был снят весь верхний этаж ресторана «Прага» на Арбате. Приглашенных на ужин было очень много. Когда мы приехали, то нас встретил распорядитель и сказал мне, что укажет мне мое место рядом с Ф. И. Шаляпиным. Я очень обрадовалась этому. Здесь среди артистов и музыкантов Ф. И. был вполне в своей сфере и чувствовал себя свободно... Он рассказывал о том, как он приехал в Милан, чтобы выступать в театре «Ла Скала» в роли Мефистофеля в опере Бойто. Он представлял все в лицах, изображал, как с ним говорили и его поучали режиссеры, которые воображали, что он какой-то чуть не провинциальный артист, который не вполне может быть уверен, как ему надо двигаться, одеться и произносить по-итальянски. Этот рассказ пересыпался итальянскими фразами с красивым акцентом. Каково было удивление этих режиссеров, когда он на генеральной репетиции появился в своем удивительном гриме и костюме и запел по-итальянски, как по-русски. Первая жена Ф. И. была итальянка, поэтому он знал хорошо итальянский язык. Я слушала, наблюдала Ф. И. и любовалась им. Утром я его видела сдержанным, светским, элегантным человеком, а сейчас передо мной был артист, который умел покорить весь мир своим гением. Сейчас он чувствовал себя свободно, говорил громко, часто напевал, показывая мне и другим сидевшим за этим столом, как он по-своему исполнял и сам давал указания другим артистам, певшим с ним, вопреки указаниям их режиссера.

Еще в третий раз мне пришлось с ним провести вечер, который мне особенно памятен. Мы с моей сестрой были на обеде у одного нашего хорошего знакомого. Был и Ф. И. Его посадили за обедом между мной и моей сестрой. Он весь обед занимал нас тем, что говорил нам стихи Пушкина, и не только из «Бориса Годунова», но и много других. Мы были в восторге от него. Ф. И. бывал иногда у нас, обедал, иногда я его встречала у знакомых. Он бывал часто недовольный, ворчал, уныло жаловался на то, что его не понимают, не ценят. Это случалось всегда, когда он бывал не в духе. Я очень рада, что мне удалось сколько-нибудь узнать Шаляпина в частной жизни, а как к артисту я, конечно, относилась к нему с бесконечным преклонением, с огромной любовью, всегда считала его нашей национальной гордостью.

Более чарующего тембра голоса, чем его голос, я не знала. Никогда ничего лучшего, более прекрасного я не слышала и не видела, чем его исполнение Бориса Годунова и Демона. В Демоне слились вместе три гениальных художника: Лермонтов, Врубель, Шаляпин. Шаляпин олицетворял по своему гриму, одеянию и вообще стилю врубелевского Демона. Это было непередаваемо прекрасно... Музыка А. Рубинштейна тоже очень хороша, не нарушала этой красоты, а гармонировала с ней. Так и в Борисе Годунове — соединились Пушкин, Мусоргский и Шаляпин...

Подготовка текста и публикация Е. М. БУРОМСКОЙ.

«РАЗВЕ МОЖНО ПИСАТЬ, НЕ ВОЛНУЯСЬ?»

Эти слова Валентина Овечкина, учителя и друга, навсегда запали в душу Михаила Макаровича Колосова. Быть может, отчасти поэтому его прозу отличает прежде всего взволнованность мысли и чувства, напряженность сюжета. Личное отношение ко всему живому. Это качество помогает ему и сегодня, спустя три десятилетия с начала занятия литературой, держать форму и набирать творческую высоту. Об этом говорит новая вещь М. Колосова, повесть «Три круга войны», только что изданная в «Роман-газете». Известный советский писатель Е. Носов писал по поводу этой повести: «Вещь производит большое впечатление своей правдивостью. И не просто правдивостью (правдивость можно высосать из пальца), а достоверностью очевидца, свидетельством лично пережитого». Анатолий Калинин написал автору взволнованное письмо: «Очень хорошая вещь, честная, поэтическая, глубокая. Настоящие будни войны. Этой вещью Вы сразу же вышли в самый первый ряд наших писателей, которые наиболее убедительно пишут о войне».

Известность писателя М. Колосова началась с повести «Бахмутский шлях», напечатанной в 1954 году и выдержавшей много изданий. Она рассказывала о подростках, бесстрашно действовавших в оккупации.

С разговора о повести и началась беседа с писателем, главным редактором еженедельника «Литературная Россия» М. Колосовым.

— В основе «Бахмутского шляха» лежит моя биография,— говорит Михаил Макарович.— Дело в том, что в памятное воскресенье 22 июня 1941 года я прощался со школой на выпускном балу. И встречался, как оказалось спустя несколько часов, с войной. Многие месяцы провел я лицом к лицу с врагом, когда в Донбасс пришли фашисты. И, как многие мои друзья, не бездействовал. Так «копился» материал для будущей повести, для будущих книг. Хотя, честно говоря, о писательстве не думал. Писал, правда, стихи, но кто их не пишет в пору влюбленности!

— Значит, ваши произведения о войне автобиографичны и все, о чем в них рассказывается, пережито вами лично?

— Вначале я старался быть как можно ближе к живому материалу, к увиденному и услышанному мной. Даже фамилий не менял. Потом понял, что не обязательно было так делать, можно немножко и пофантазировать...

И все же есть у меня вещи, в которых жизнь и судьба героев стала как бы моей личной судьбой. Так было с повестью «Затмение». Однажды по командировке «Сельской жизни» я поехал организовать материал от одного интересного человека из глубинки. Напечатал его. Человек меня заинтриговал. Поехал к нему снова, только уже за собственным очерком о нем. Через год-два вновь вернулся к его судьбе и написал уже большой материал, печатавшийся в нескольких номерах газеты. И, наконец, написал о нем целую книгу, в которой подлинная фамилия реального героя изменена.

— Но основные герои ваших произведений, таких, как «Срубили белую акацию», «Гаврюшкина любовь», «Карповы эпопеи», «Три куля черных сухарей», «Неботов», все они родом из родной вашей Авдеевки? Не так ли? Бывший станционный поселок, превратившийся в современный индустриальный город, его жители — полукрестьяне-полупролетарии, простые, искренние, работящие, стали героями ваших книг. Недаром Федор Абрамов советовал вам не «отступаться от этой жилы». Разрабатывать ее. «Она золотоносна».

— Это случилось как-то неожиданно. Я ездил по стране, искал героев для своих очерков. А однажды приехал к себе в Донбасс, пригляделся к соседу, к дяде Федору, и подумал: вот он, мой герой, отец десятерых детей, ухоженных, воспитанных; когда он все успевает — и детей растить, и соседям в делах помогать, и людям вокруг добро делать? Взял и написал рассказ «Неботов». А потом оглянулся — другой двор, дядя Карпо там жил, так этот еще интересней. Так родились «Карповы эпопеи». И пошло. Вот и написалась целая серия вещей о моих земляках.

— Михаил Макарович, известно, что Всеволод Иванов высоко оценил вашу дипломную работу в Литературном институте имени Горького — повесть «Бахмутский шлях». А кто еще из писателей был близок вам на заре писательской юности? Кто помог поверить в себя?

— Очень благодарен я Валентину Овечкину. Я жил тогда в Курске. Валентин Владимирович влиял на меня своей принципиальностью, человечностью. При нем нельзя было кривить душой. Но вот что интересно: я ему меньше давал читать свои вещи, все стеснялся, а он мне — каждый раз. Напишет очерк, звонит: приезжай, будем читать. И все советовался, какую фамилию поставить, какой заголовок дать. Я потом понял: так он как бы учил меня, заставлял творчески мыслить.

— Я знаю, вы не любите говорить о личных творческих планах, поэтому прошу рассказать читателям «Огонька» о новых интересных публикациях «Литературной России».

— Скажу только одно: в портфеле редакции много рукописей молодых авторов, поэтов, прозаиков. Мы намерены как можно чаще давать «добрый путь» начинающим писателям. Пусть растет достойная смена нашим мастерам!

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.

ПОДАРОК С БЕРЕГОВ АДРИАТИКИ

Ехала я на Пирита вдоль широкой набережной и думала: какие только бригантины и каравеллы, пароходы и лайнеры не швартовались в разные века в Таллинской бухте, а вот бывали ли тут гондолы? Выяснилось — не бывали. Более того, гондола, которую Венеция, город-побратим Таллина, подарила эстонской столице, вообще впервые за границей.

— И поскольку она первая,— сказал на торжественной церемонии мастер, делавший ее, маэстро Джованни Джупони,— то отнесся я к ней со всем старанием, максимально использовал весь свой многолетний опыт, а мне уж за семьдесят, и большую часть жизни я делал гондолы.

Венецианская лодка создается долго — ведь для нее нужна древесина специальной естественной просушки, и хорошо, если у этой древесины выдержка не меньше десяти лет! Из такого вот сухого дерева в Венеции были сделаны детали, и перед празднованием Дней дружбы двух городов маэстро Джупони вместе со своими помощниками Луиджино Маркуччи и Джованни Мартинуччи привезли их в Таллин. И здесь на судоверфи в течение двенадцати дней собрали гондолу.

Синьорита Гондола Венецианская получилась великолепной! С чисто итальянским изяществом выгнутые нос и корма, мягкие опущенные сиденья, медные морские коньки на бортах. Как черный лебедь, выплыла она на непрозрачную балтийскую волну, в честь чего, конечно же, была разбита традиционная бутылка шампанского. Два гондольера — Полио Фабио и Вионелла Дино в матросках и широкополых соломенных шляпах с лентами элегантно провели ее мимо радужно-пестрых, рукоплещущих трибун.

Передавая гондолу таллинцам, заместитель мэра Венеции, госпожа Элионелла Финци сказала:

— Конечно, по нашим каналам теперь больше движутся быстроходные моторные лодки, но гондола всегда будет символом Венеции. Она кусочек нашей истории, наших радостей и забот, и мы вручаем вам ее с самыми дружескими чувствами. Таллин был первым городом, который почти пятнадцать лет назад обратился к нам с предложением дружить, и мы по-итальянски горячо и с большой благодарностью приняли это прекрасное предложение. Венеция — за дружбу и мир между народами! За полтора десятка лет наши с вами дружеские отношения все расширяются и утверждаются, и пусть эта гондола будет их добрым символом. Ведь Адриатика и Балтика не так уж далеки друг от друга, будем же взаимно стремиться к тому, чтобы в наших водах плавали ваши яхты, а в ваших водах — наши гондолы: ведь и те и другие — такие красивые и мирные суда.

Всю неделю в Таллине звучала итальянская речь — сюда во главе с мэром города Марио Риго приехали сто пятьдесят венецианцев. Таллинцы слушали концерт студентов Венецианской консерватории, смотрели представления Театра маски, «болели» на парусных гонках таллинских и венецианских спортсменов, любовались соревнованием по фехтованию во дворе Пиритаского монастыря, побывали на выставках художников Лонджи и Кандиани и еще на четырех выставках. Всюду слышалось:

— Тутти венециани — все венецианцы приветствуют вас! Венеция и Таллин — дружба и мир!

Н. ХРАБРОВА.
собкор «Огонька».
Фото В. Сальмре

Почетный приз «Золотое яблоко» городу-музею Суздалю у председателя исполкома горсовета В. А. Фирсова (крайний справа).

Фото И. Дынина и С. Метелицы (ТАСС)

СУЗДАЛЮ — «ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО» ФИЖЕТ

Более десяти лет тому назад Международная федерация журналистов, пишущих о туризме, учредила специальный приз за заслуги в развитии международного туризма — «Золотое яблоко». Среди городов, областей, туристских центров, которые стали за это время лауреатами почетной награды,— область Сицилия (Италия), города Йорк (Англия), Эстергом (Венгрия), Сараево (Югославия) и другие.

Славный древнерусский город Суздаль, любовно реставрированный в последние годы, и главный туристский центр на берегу тихой речки Каменки, чудесно вписавшийся в городской ландшафт, стали еще одним обладателем «Золотого яблока». Конкурентами Суздалю в 1982 году были Париж, Прага, Ташкент и Новгород.

20 июня на старинной Торговой площади города состоялось вручение приза. От имени ФИЖЕТ его президент Реми Леру вручил «Золотое яблоко» председателю исполкома горсовета Суздаля В. А. Фирсову. На торжественной церемонии присутствовали руководители Владимирского областного комитета КПСС и Владимирского облисполкома.

огонек выступил. что сделано?

НУЖНА ЛИ «СУВЕНИРНАЯ КАСТРЮЛЯ»?

Редакции отвечает председатель Государственного комитета СССР по ценам Н. Т. ГЛУШКОВ.

Экономический репортаж «Нужна ли сувенирная кастрюля?» (журнал № 7, 1982 год) поднял проблему псевдосувениров, подмену производства некоторых товаров народного потребления «сувенирными» поделками. Отклики на эту публикацию напечатаны в № 19, 1982 год, и № 17, 1983 год.

Недавно редакция получила письмо председателя Государственного комитета СССР по ценам тов. Н. Т. Глушкова. Он, в частности, пишет: «Вопросы правильности отнесения к сувенирам конкретных товаров были рассмотрены на заседании комитетов цен всех союзных республик. При этом, помимо отмены незаконно утвержденных цен в отдельных республиках, суммы, излишне полученные в результате нарушения порядка утверждения цен, изъяты в доход бюджета или подготовлены соответствующие решения. Определено, что розничные цены на сувениры по перечням, утвержденным в союзных республиках, устанавливаются предприятиями-изготовителями по согласованию с торгующими организациями.

В инструкциях о порядке утверждения директорами предприятий розничных цен предусмотрено, что к сувенирам могут быть отнесены изделия с четко определенными признаками: оригинальные изделия, художественно оформленные в традиционном для республики (края, области) стиле, отражающем национальные или местные особенности, выдающиеся события, памятные даты и т. д.

В целях наведения необходимого порядка в деле установления цен на сувениры Госкомцен СССР поручил госкомценам союзных республик провести совместно с торгующими организациями просмотр сувениров, вырабатываемых предприятиями, расположенными на территории республик. По результатам рассмотрения предложено совместно с минторгами союзных республик уточнить существующие перечни сувениров, розничные цены на которые утверждаются директорами предприятий. Такие просмотры были проведены во всех союзных республиках. Однако проведенная проверка выявила многочисленные случаи отнесения к сувенирам товаров массового спроса и незаконного утверждения цен на такие товары предприятиями. Решениями областных (городских) исполкомов цены на эти изделия отменены, а предприятиям даны указания представить материалы на эти изделия в соответствующие органы ценообразования для утверждения цен в установленном порядке.

Для улучшения работы по установлению цен на сувениры,— пишет в заключение Н. Т. Глушков,— уточнены перечни товаров, отнесенных к сувенирам; в состав художественных советов включены представители органов ценообразования».

Виктор ГАСТЕЛЛО

В ТЕПЛОЙ КОМПАНИИ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

В районной автоинспекции у дверей с надписью «Разбор нарушений» очередь, как в зубной кабинет. И лица подходящие — впечатление, что большинство с острой зубной болью. Все здесь, разумеется, случайно и по глубокому недоразумению... Кто-то говорит предельно искренне:

— Я еле плетусь, от силы сорок километров в час, а мне он свою неисправную электронную пушку показывает — там все восемьдесят.

Другой сочувственно вздыхает:

— Да что там, я говорю ему, что не было вчера здесь этого знака... А он мне знай свое — два года уже висит.

— И мне сказал: машина грязная,— почти всхлипывает третий,— а у меня цвет такой: «темная ночь» называется.

Постепенно разговором завладел пожилой мужчина с усталым лицом. Он подошел недавно, был в очереди последним, но уверенная манера держаться располагала к доверию.

— Главное — глубокое проникновение в психологию автоинспектора.

Мужчина посмотрел на всех большими печальными глазами.

— Предположим, вы все-таки нарушили... Тут типичная дуэльная ситуация, вы по разную сторону баррикад, но никакой пальбы. Ласковый теленок двух маток сосет. Для начала попробуйте рассмотреть дорожное движение в общей системе движения материи как форме существования. Тогда ваше нарушение в масштабе вселенной исчезнет, растворится, и вам с автоинспектором откроются иные миры.

Очередь недоверчиво зашумела, а интеллигентного вида мужчина заметил:

— По образованию я философ и только что окончил автошколу с отличием.

Сразу несколько человек поздравили философа с успешным окончанием и прибытием.

— И я пытался,— продолжил философ,— прямо на перекрестке изложить свое материалистическое понимание мироздания... Однако автоинспектор был неумолим и утверждал, что на красный свет даже материя не имеет права двигаться... Только спецмашины, как исключение!

— Конечно,— с охотой согласился пожилой мужчина.— Бывает, что автоинспектор не захочет вступить на Млечный Путь. Тогда предлагайте стезю голого практицизма... И не вопите истошно: «За что?» Без напоминания доставайте права... Автоинспектор их открывает, а там как бы случайно вложена фотокарточка девять на двенадцать — вы в динамовской форме: трусы, майка, тапочки — все белое. Встретились два динамовца, и это в корне меняет дело. Можно поговорить о хоккее, сказать, что Мышкин — это полкоманды, вспомнить футбольное турне московского «Динамо» в Англии... Главное — вы единомышленники, а это уже кое-что.

— А если попадается спартаковец? — неуверенно спросил кто-то.

— Не исключено... Элемент риска есть, по семейным или другим обстоятельствам автоинспектор может оказаться тайным спартаковцем. Получился вроде как перебор. Но это не страшно, он себя не выдаст, побоится разоблачений.

Мужчина посмотрел на длинную очередь впереди себя и продолжил:

— Ну, а если вы далеки от спорта и майка любого размера вам велика в груди, тогда возможны варианты. К примеру, вы превысили скорость... Тогда говорите: «И какой же русский не любит быстрой езды?» Можете получить в ответ: «Дисциплинированный русский»... Быстренько дальше: «Эх, тройка, птица тройка... Кто тебя изобрел...» Это действует наверняка, и автоинспектор мечтательно скажет: «Чуден Днепр при тихой погоде». Вы мгновенно: «Редкая птица долетит до середины Днепра» и т. д. А когда говорят музы — пушки молчат.— Мужчина немного помолчал и неожиданно улыбнулся доброй улыбкой.— А если автоинспектор строен, хорош собой и на бледном лице темные усики, то восхищайтесь глубоко, искренне и даже несколько растерянно: «Я, может, потому и нарушил, что залюбовался вами! Вы — украшение перекрестка!»

— А может, все-таки лучше не нарушать? — сказал нервно тот, кто стоял у двери первым.

Все посмотрели на него, как на ненормального.

— Кто спорит,— авторитетно подтвердил философ.— Конечно, можно выучить правила дорожного движения и соблюдать их. Но, сами понимаете, это не лучший выход из положения!

Лицо мужчины вдруг стало твердым и мужественным.

— И, конечно, в нашем деле возможен, так сказать, летальный исход... Если конец месяца и автоинспектор борется за производственный план, тут все бесполезно, отдавайте права сами, ничего не поделаешь, производственные показатели превыше всего.

— Сейчас вроде не конец месяца,— ехидно сказала единственная в очереди женщина.— А вы здесь!

— Увы! — мужчина скорбно вздохнул и потемнел лицом.— Я себя в руки сдал добровольно! Превышение скорости в левом ряду при свободном правом, игнорирование ремней безопасности... Такое я не прощаю даже себе!

Дверь кабинета медленно открылась. Все расступились... Тот, кто вышел, шел немного «ногами вперед». Первый в очереди прошептал что-то похожее на молитву и, как в омут, шагнул в кабинет. С вышедшим гражданином началась истерика.

— Все,— кричал он,— завязал... Светофор дома поставлю, регулировать себя буду...

— Где вы достанете светофор? — поинтересовался философ.

Гражданин даже сощурился презрительно:

— Я все могу... Могу достать даже милицейскую будку, только она мне ни к чему.

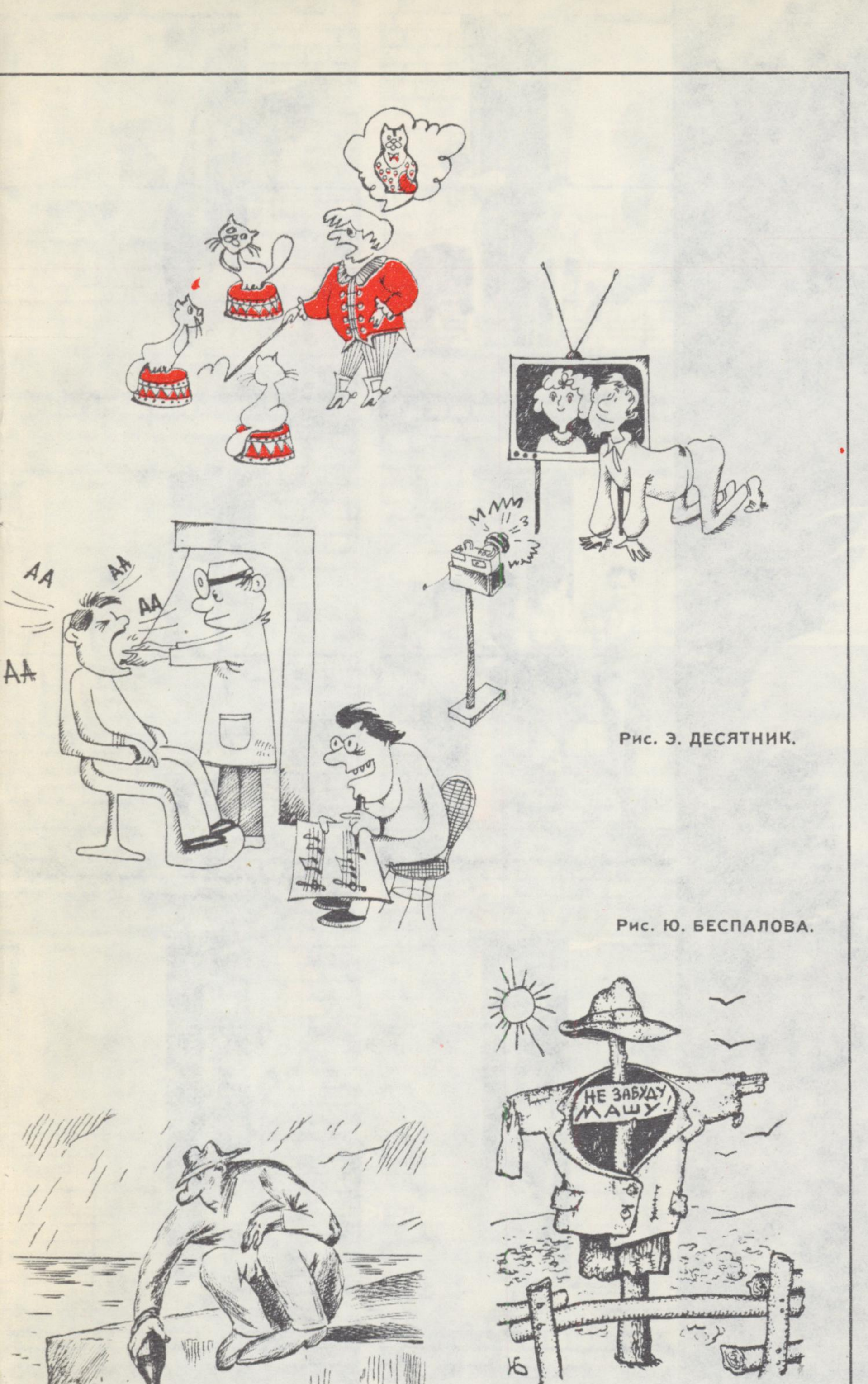

Рис. Э. ДЕСЯТНИК.

Рис. Ю. БЕСПАЛОВА.

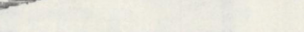
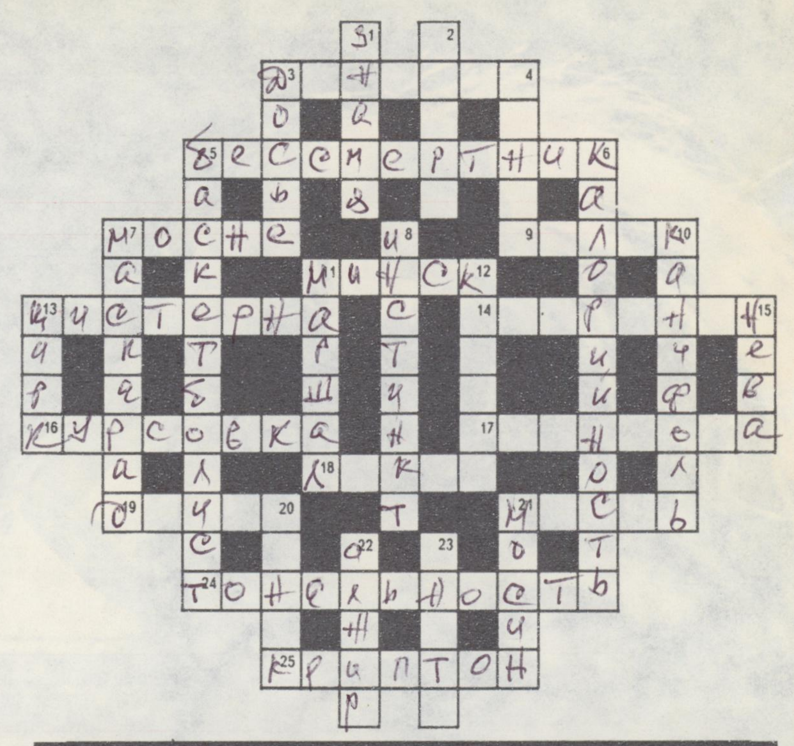

Рис. А. ОРЕХОВА.

Рис. В. ВЛАДОВА.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Роман Б. Л. Горбатова. 5. Травянистое растение с сухими, невянущими цветками. 7. Французский поэт-романтик XIX века. 9. Минерал, применяемый в медицине, косметике. 11. Столица союзной советской республики. 13. Резервуар для хранения и перевозки жидкостей. 14. Советский композитор, хоровой дирижер. 16. Документ на право лечения и питания на курорте. 17. Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». 18. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 19. Опера З. П. Палиашвили. 21. Рассказ А. П. Чехова. 24. Высота звуков лада. 25. Химический элемент, инертный газ.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Стяг, флаг. 2. Остров в юго-западной части Тихого океана. 3. Папка с документами по определенному вопросу, делу. 4. Стихотворная форма. 5. Участник спортивной командной игры с мячом. 6. Энергетическая ценность рационов питания. 7. Празднество, бал в особых костюмах. 8. Врожденный безусловный рефлекс. 10. Стекловидное вещество в составе смолы хвойных деревьев. 11. Высшее воинское звание. 12. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа. 13. Вид искусства. 15. Река, вытекающая из Ладожского озера. 20. Заросли кустарника. 21. Русский конструктор стрелкового оружия. 22. Государство на севере Африки. 23. Наиболее высокая вершина Пиренеев в Испании.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Шахразада. 8. Трубчевск. 10. Гектограф. 11. Оскол. 12. Абака. 13. Филогенез. 17. Кольраби. 19. Методика. 21. Формуляр. 23. Книголюб. 27. Ильинская. 30. Кредо. 31. «Антар». 32. Аккордеон. 33. Кильватер. 34. Бутафория.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Запасник. 2. «Крокодил». 3. Качели. 4. «Шурале». 5. Керубини. 6. Эстакада. 9. «Волга». 13. Фирдоуси. 14. «Лебедянь». 15. Наездник. 16. Зоология. 18. Осло. 20. Кюсю. 21. Фибролит. 22. «Раздолье». 24. Леонидов. 25. Балансир. 26. Инари. 28. Локоть. 29. Акоста.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Коммунисты, ветераны Тбилисского электровагоноремонтного завода,— все они уже более полувека в рядах партии.
(См. в номере материал «От тех славных лет».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Участницы ансамбля «Кулансаз» из совхоза имени Джамбула Алма-Атинской области Джамбулского района.
(См. в номере материал «Слово писателей».)

Фото Ю. Лушина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 6.06.83. Подписано к печати 21.06.83. А 00694. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 850 000 экз. Изд. № 1399. Заказ № 716.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

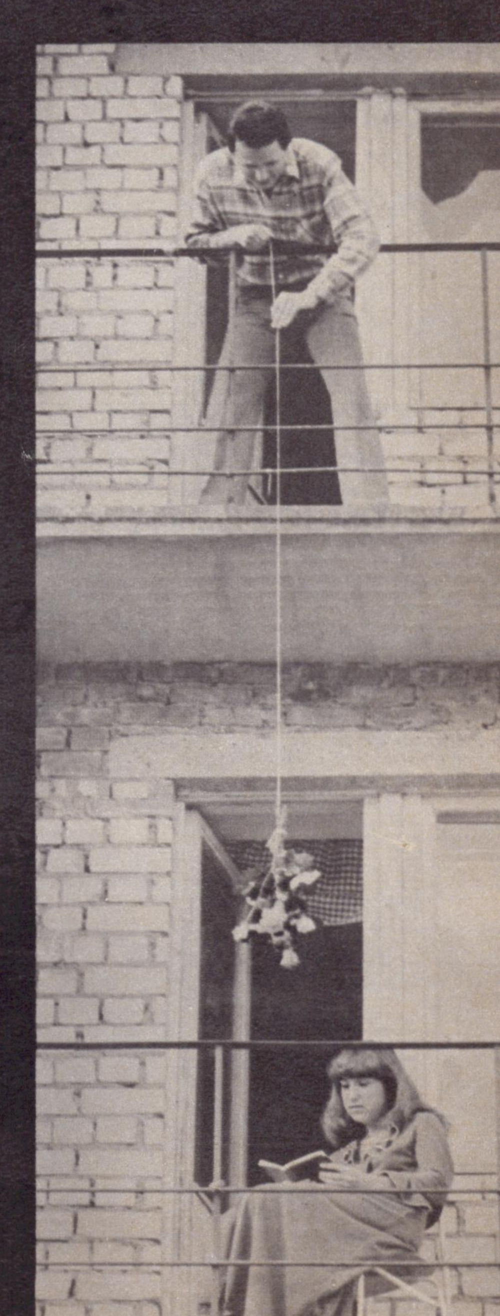

Наш дом

Фото И. ГАВРИЛОВА

Верно говорят, кто прожил хотя бы какое-то время в студенческом общежитии, запомнит эти дни на всю жизнь. «Наш дом»,— с гордостью говорят иностранные студенты, обучающиеся в Волгоградском государственном педагогическом институте, о своем общежитии. Здесь, у подножия Мамаева кургана, собираются они вечерами, наполняют разноязыким говором комнаты и коридоры. А когда наступает время сессий и зачетов, обозначено оно лишь шелестом страниц в тишине да долго не гаснущим светом в окнах... Студенческая пора мимолетна, пролетит время учебы — и разъедутся педагоги с советским дипломом в более чем тридцать стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки. Что увезут они с собой! Знания — да! А еще адреса советских друзей и наилучшие воспоминания о родном своем доме — общежитии.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663